

Автор: Васильева Л. Н.

Название: Кремлёвские жёны

-

Предисловие «Кремлевские жены» — документально-публицистическое исследование, посвященное судьбам тех женщин, чьи мужья стояли у руля советского государства. От Н.К.Крупской до Р.М.Горбачевой проходят перед читателями вереницы судеб реальных женщин с их характерами и поступками. Жены Сталина, Калинина, Ворошилова, Молотова, Микояна, Буденного, Берия, Маленкова, Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко появляются на этих страницах. Какие они? Были ли счастливы за кремлевскими стенами? Почему некоторые из них пошли в тюрьму и ссылку и ни один государственный муж не защитил ни одну из них? Особое место в книге занимают те, кто не в ролях жен, а в образах соратниц входили в коридоры Кремля: Лариса Рейснер, Александра Коллонтай, Галина Семенова. Рядом с ними фигуры другого ряда: графиня Софья Панина, эсерка Мария Спиридонова, актриса Татьяна Окуневская — женщины сопротивления. Эта книга впервые издается под одной обложкой с «Детьми Кремля» — второй частью кремлевской диалогии Л.Васильевой.

Вступление

Кончался двадцатый век. Открывались железные занавесы, глухие двери, плотные шлюзы. Тайное становилось явным. Усталое человечество захлебывалось в потоке информации о прошлом, жадно впитывая этот

поток, ища в нем объяснения, обвинения или оправдания неудачам сегодняшнего дня.

Где ошибки?

Кто-то видит их в неправомерности социалистического пути. Кто-то ничего социалистического в этом пути не видит. Кто-то ищет ошибку в тайне приезда Ленина через Германию на землю революционного Петрограда. Кто-то — в большом терроре Сталина, кто-то — в волюнтаризме Хрущева, кто-то — в неподвижности Брежнева, кто-то — в легкомыслии и непоследовательности Горбачева.

Но кто мы и откуда,

Когда от всех тех лет

Остались пересуды,

А нас на свете нет.

В этих строках Бориса Пастернака, кроме волнения о правде бытия, способной уплыть в небытие, увидела я однажды некий второй план: пересуды...

Почему-то люди всегда пишут о важном, но не всегда интересном, о второстепенном же, но жгуче интересном, умалчивают.

Из всей огромной, безумной истории России двадцатого столетия выпали в некий осадок и лежат на дне событий женщины Кремля. Жены.

Кто они?

Какова их роль в общеисторическом процессе? Как отыгралась на них эта роль?

Была ли на самом деле такая роль? Или все обошлось спецкухней?

Не оставались ли они лишь бледными тенями пугающе великих или ничтожных мужей?

А если в жизни на самом-то деле все происходило иначе и за каждым Его поступком всегда стояла Она?

Так родилась идея книги «КРЕМЛЕВСКИЕ ЖЕНЫ».

Три дороги были передо мной.

Первая — исследования и книги-воспоминания. Где их взять? В наших и зарубежных изданиях, посвященных общечеловеческой, а точнее, мужской истории, о женщинах Кремля — лишь крупички, чаще вообще ничего нет. Есть отдельные издания, касающиеся Крупской, Арманд, Коллонтай. Есть их произведения, где об интересном тоже умалчивается. Есть сегодня немало воспоминаний «жен врагов народа» — трагических, волнующих, но тоже скрывающих нечто, самое интересное.

Вторая — легенды, слухи, сплетни. Несolidно? Да. Однако даже серьезные историки говорят, что слухи являются важным источником информации. Да и есть ли женская жизнь без легенд, слухов и сплетен? На этой дороге встретилась я с избытком интереснейшего, весьма недостоверного материала, но именно он потянул меня к третьему пути, дабы попытаться установить истину.

Третья дорога — архивы, рукописи, документы, письма, встречи с живыми героинями, с родственниками и близкими знакомыми умерших героинь. Нужно ли говорить, сколь захватывающе интересен был этот путь, на котором ждали меня неожиданные, а порой и сенсационные открытия?

Была еще четвертая дорога — собственная тропа. Так сложилась моя жизнь, что время от времени мне приоткрывались каменные завесы Кремля. Я не жила кремлевской жизнью, но в разные периоды и по разным обстоятельствам на короткое время оказывалась внутри этого своеобразного быта, отчего впечатления, не притупленные повседневностью, были острыми, запоминающимися. Судьба также свела меня с писателем Иваном Поповым, работавшим в эмиграции с Лениным: летом 1953 года, не желая записывать свои уникальные, но, по его мнению, могущие быть опасными знания, он использовал мою память как записную книжку, за что на всю жизнь останусь ему благодарна.

Не могу не сказать спасибо здоровствовавшим в дни моих поисков кремлевским женам, детям, внукам, племянникам, друзьям ушедших из жизни — всем, кто в сегодняшнем нелегком для них дне нашел возможным рассказать мне не всегда лицеприятную правду о себе и о любимых, дорогих памяти людях.

Хочу также поблагодарить всех историков и мемуаристов советского периода, как официальных, обмыливших и выгладивших историю, давших мне возможность думать от противного, так и неофициальных, и зарубежных, за то, что ни те, ни другие, ни третьи недодумались до темы «КРЕМЛЕВСКИХ ЖЕН». Выражаю благодарность сотрудникам ЦГАЛИ — директору Наталье Борисовне Волковой, Елене Ермиловне Гафнер и сотруднице библиотеки бывшего Института марксизма-ленинизма Евгении Михайловне Золотухиной.

Каждая моя героиня «самая-самая». Избранница Первого. Иногда — Второго. Или такого яркого Третьего,

что не обойдешь. Несколько кажущихся случайными героинь напрямую связаны с темой книги. Все они реальны. Рисуя их, я старалась быть объективной, а подобные старания, как известно, приводят к субъективизму. К счастью, у писателя всегда есть возможность соотнести образ с фактами и легендами и, не без помощи воображения, найти свою истину.

В процессе работы мне открылась одна из ошибок, быть может, главная ошибка века — словно иголка в стоге сена.

Узнать ошибку вы сможете, прочитав «КРЕМЛЕВСКИХ ЖЕН» до конца, за что я каждому заранее благодарна.

АВТОР

P.S. На протяжении всей книги вам будут встречаться глаголы, специально выделяемые мною. Это своего рода попытка исследования некоторых глагольных форм русского словаря двадцатого века не с грамматической, а с нравственной стороны.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924), революционер, марксист, создатель Советского государства. Сын инспектора народных училищ, младший брат террориста Александра Ульянова, повешенного за попытку покушения на императора Александра III. Окончил экстерном юридический факультет Петербургского университета. С 1897 по 1900 г. — в сибирской ссылке. С 1900 по 1917 г. — в эмиграции. Основатель партии большевиков (1903). Автор многих политических книг и брошюр. Вождь Октябрьской революции (1917). Председатель Совета Народных Комиссаров с 1917 по 1924 г. Инициатор плана электрификации страны (ГОЭЛРО) и новой

экономической политики (НЭП). С ноября 1922 г. болен, прикован к постели.

Летом 1918 года в Кремле поселилась женщина.

Несколько веков назад из слюдяных окон кремлевских теремов смотрела Наталья Нарышкина, законная царица, молодая жена пожилого царя Алексея Михайловича Романова. Среди воспоминаний о ней осталось немало сомнительных легенд и сплетен.

Говорили, якобы сынок Натальи, Петр, рожден не от Алексея Михайловича, а от патриарха Никона, за несколько лет до появления Петра на свет сосланного царем в далекий монастырь, или даже от царского красавца-конюха, то ли грузина, то ли армянина.

Столетия не пролили света на эти сплетни, а сынок, от кого-то, безусловно, рожденный, благополучно вырос, возмужал и вошел в историю России под именем императора Петра Великого. Именно он, невзлюбив Москву, выстроил себе «столицу на болоте». В Санкт-Петербурге потекла дворцовая жизнь. Его несчастливая, нелюбимая первая жена Евдокия была последней царицей в кремлевском тереме.

Советская власть вернула столицу в Москву. Логично: город в центре Европейской России — надежно укрыт от возможных нашествий. Да к тому же новая власть не хотела обосновываться в покоях недавних властителей: безнравственно борцам за народное дело работать, спать, есть и любить там, где еще недавно роскошествовали ненавистные большевикам Романовы. Это противоречило бы большевистским принципам, которые и внесла, вместе с небольшим чемоданом,

женщина, вошедшая в Московский Кремль в качестве его хозяйки.

Ей было сорок девять лет. Она была немолода и некрасива.

Большое, одутловатое лицо, пухлые, выдвинутые вперед губы — признак страстной натуры, предполагать которую именно у нее никто не рисковал; не подкрашенные никотином белые неровные зубы, открытый крупный лоб — орган мысли; гладкие, на прямой пробор волосы, собранные в пучок на затылке, — их неряшливо выбивающиеся по обе стороны щек клочки — всегда помеха для встречного взгляда; крупный добродушный нос; не тронутые краской брови над широко расставленными глазами навывкате с дрожащими яблоками и веками, сильно наплывающими на глаза, что придавало лицу сонное, снулое выражение; тяжелые мешки под глазами, то ли от бессонницы, то ли от болезни, то ли от того и другого. Фигура не полная, но ровная, без волнующих изгибов; прямая осанка, выдающая воспитанницу хорошей гимназии; медлительная походка; прекрасной формы кисти рук с небрежными, неухоженными ногтями, свидетельствующими, что их владелица, может быть, пишет, может быть, рисует и не заботится о выпячивании того малого, чем могла быть привлекательной как женщина.

Надежда Константиновна Крупская — жена Ленина.

Подруга победителя революции.

Ей предстояло жить в Кремле не в роскоши царских покоев, а в скромной, специально оборудованной для нее с Лениным маленькой квартирке.

Крупская не возражала. Жене вождя пролетариата надлежала скромная жизнь. Ни к чему другому, по всему видно, она и не привыкла. Ничего другого она, видимо, не желала.

Лишь когда муж шумно обрадовался, увидев, что их новое жилище удобно примыкает стеной к его месту работы — Совету Народных Комиссаров, Надежда Крупская грустно покачала головой:

- Удобно. Ни сна ни отдыха. Никаких перерывов. Сплошная работа.

Новая царица, как некоторые ее поначалу называли, была мало кому известна в России. Четырнадцать лет зрелой жизни до 1917 года, с небольшим перерывом, прожила за границей. Откуда было России знать ее?

А знала ли Крупская Россию, которой ей предстояло в какой-то мере править? Эмигрантская оторванность — факт. Начало двадцатого века — не конец его: нет телевизоров, радио, телефакса.

Думаю все же, Крупская была подготовлена к России более, чем Россия к Крупской. И уж, наверное, больше, чем бывали подготовлены к России немецкие принцессы, два века в роли правительниц и жен восседавшие на русском троне.

Не в укор принцессам и не в похвалу Крупской я говорю это, а справедливости ради, ибо Надежда Константиновна смолоду поставила себе благородную цель: счастье и светлое будущее народов России. Позднее, под влиянием глобально мыслящего Ленина, она расширила целевые границы до лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», но желание сделать Россию счастливой вполне уместилось в лозунг.

Была ли счастлива сама Крупская?

Как она понимала счастье?

Ответ на эти вопросы укладывается в историю ее жизни, при всей известности полной загадок и тайн.

В ореоле советского семидесятилетнего официоза имя Надежда Константиновна Крупская, длинное, как нескончаемый забор перед чем-то, куда не хочется заглянуть, наводило елейную скуку на поколения.

Люди, знавшие ее, оставили монотонные, слащаво-благостные воспоминания, за которыми, уж если приходилось с ними по обязанности знакомиться, всегда хотелось видеть нечто противоположное.

- Крупская была образцом верной жены? Что ей оставалось делать, такой некрасивой? Небось, кроме Ленина, никто на нее никогда не взглянул.

- Говорят, он изменял ей с...

- Крупская после революции изо всех сил боролась с религией.

- Говорят, она собственноручно изымала из библиотек замечательные книжки — Чарскую, например, — считая их вредными для пролетарских детей.

- Что она в детях-то понимала, бездетная?!

- И вообще она была настоящий «синий чулок»!

Елизавета Васильевна Тистрова не глупее других. Она не преувеличивала и не преуменьшала своих возможностей — смотрела правде в глаза. Сирота. Воспитанница Института благородных девиц для сирот, детей офицеров. О какой блестящей партии можно

мечтать, оказавшись в Виленской губернии на роли гувернантки в богатой семье?

И все же хорошенькая, умная, образованная, уравновешенная, поэтичная, мастерица на все руки, умелица вести беседу, она привлекла внимание перспективного молодого человека. И сама влюбилась. Константин Игнатьевич Крупский хоть беден, но с образованием — Кадетский корпус окончил. И собой хорош.

Елизавета Васильевна, как любая нормальная женщина, всегда была готова к спокойной, добропорядочной семейной жизни. Хотела детей. Приготовилась жить за мужем как за каменной стеной.

Сначала все было отлично: Крупский получил должность начальника уезда в Гроеце. Это Польша. Четыре года прошли благополучно, если не считать обычных служебных хлопот, без которых не обходится ни одна человеческая жизнь, а также увлечений Константина Игнатьевича революционно-демократическими идеями.

Однако эти две «мелочи» внезапно слились и выросли в большую неприятность: в 1872 году Крупский, замеченный в нежелательных симпатиях, был уволен со службы с приговором «за превышение власти». Лишь через восемь лет мытарств и прошений несправедливый приговор был снят.

Семья Крупских, наскитавшись по разным городам, когда Константину Игнатьевичу разрешили жить в столицах, поселилась в Петербурге. Бедность. Черные лестницы. Грязные дворы.

Надежда, единственная дочь Елизаветы Васильевны и Константина Игнатьевича, родившаяся в 1869 году, росла в атмосфере родительской любви и нежности. Но за дверью их квартиры был мир бедных улиц и ребятишек в лохмотьях.

Иная на месте девочки Нади стыдилась бы своего положения, сторонилась бедных детей, старалась вырваться в «чистый мир».

Иная смиренно приняла бы положение бедного существа и довольствовалась тем, что преподносит ей жизнь.

Надя не сделала ни того ни другого. Она свободно играла с нищими ребятишками и столь же свободно общалась со сверстницами из хороших домов, куда ее старалась водить мать, имевшая связи с подругами, бывшими «благородными девицами», богатыми и знатными. Сообразительная девочка довольно рано уловила, что беды и переживания ее отца выходят за рамки семьи и каким-то образом связаны с бедами многих людей — в доме Крупских нередко звучало слово «революция».

Желая видеть в дочери мыслящую личность, соответствующую требованиям времени, а также дать ей хорошее образование, родители определили Надю в одну из лучших школ России — гимназию княгини Оболенской. Это было частное, но не коммерческое предприятие, а идейное дело, созданное энтузиастами-народниками. У Оболенской учились разные девочки: аристократки, купеческие дочки, дочки революционных разночинцев. Многие из них мечтали посвятить себя идеям служения народу, которые расцветали в наставлениях учителей

гимназии, носились в воздухе, преподнося девочкам примеры из жизни.

Во второй половине девятнадцатого века у женщины России, стремящейся к образованию, появилась возможность выйти из семейного круга и оглянуться. Как существо чуткое и отзывчивое, заметила она несправедливости и тяготы жизни. Захотела помочь. Но власть предрешающий мужской мир сам знал, что ему делать. Женщине ничего не оставалось, как обратить свои взоры в противоположную сторону, к ниспровергателям основ, людям, борющимся с властью. Здесь женщину ждала роль верной помощницы мужчины. Это ее устраивало. И она «закатала рукава».

Так появилась Вера Засулич (1849—1919) — она вела революционные кружки, стреляла в петербургского градоначальника Трепова, прошла тюрьмы и ссылки, в эмиграции помогала Ленину и, встретив враждебно Октябрьскую революцию, умерла в глубоком разочаровании от жизни. Была она одинока, неустроена в быту, неряшлива — настоящий «синий чулок».

Так появилась Вера Фигнер (1852—1942) — народница, потом эсерка, участница покушения на царя Александра II, приговоренная к смертной казни, но «помилованная» двадцатилетним заключением в Шлиссельбургской крепости, отсидевшая там, потом прожившая долго в Москве, без особого участия наблюдая, как двадцатый век преобразил ее революционные идеи.

Так появилась Софья Перовская (1853—1881) — народница, правнучка гетмана Кирилла Разумовского, покушавшаяся на Александра II, первая женщина в России, казненная по политическому делу.

Эти первые ласточки трагической женской весны всеми своими победами и поражениями подготовили младшее поколение, новый тип революционерки, которая непременно должна была победить.

По характеру не склонная к политике, мать Нади была далека от революционных настроений, но все случившееся с ее мужем касалось и ее ребенка. Овдовев в 1883 году, она со смесью страха и надежды наблюдала, как четырнадцатилетняя дочь была взята под опеку революционеров: Николай Исаакович Утин, один из руководителей русской секции Первого интернационала, появился в доме Крупских вскоре после смерти Константина Игнатьевича, понял положение бедной семьи и помог Наде получить первый в жизни частный урок.

Гимназическая подруга Нади Крупской Ариадна Тыркова-Вильямс вспоминает:

«Мы постоянно рассуждали о несовершенствах человеческого общества. Наши рассуждения шли от жизни, от кипучих запросов великодушной юности... Во многих русских образованных семьях наиболее отзывчивая часть молодежи уже с раннего возраста заражалась микробом общественного беспокойства.

Из моих подруг глубже всего проник он в Надю Крупскую. Она раньше всех, бесповоротнее всех определила свои взгляды, наметила свой путь. Она была из тех, кто навсегда отдается раз овладевшей мысли или чувству».

Последняя фраза — запомним ее — пригодится нам в пути по жизни Надежды Крупской.

Сама Ариадна тоже впоследствии оказалась в революционном движении, но по другую сторону баррикад.

Спустя много лет она писала: «Тихая была жизнь у Крупских, тусклая. В тесной, из трех комнат, квартирке (О, времена! На двоих три комнаты! — подумает сегодня простой человек, за счастье которого всю свою жизнь боролась Надежда Константиновна. — Л.В.) пахло луком, капустой, пирогами. В кухне стояла кухаркина кровать, покрытая красным кумачовым одеялом. В те времена даже бедная вдова чиновника была на господской линии и без прислуги не обходилась. Я не знала никого, кто не держал бы хотя бы одной прислуги».

Удивимся последней фразе. И да промелькнет у нас мысль: возможно, угнетала доброе сердце Нади необходимость пользоваться плодами чужого труда...

Если детство Нади пришлось на застойные семидесятые годы, то юность Надежды уже освещалась бурными событиями. Шло пробуждение революционных сил, но народническая теория «малых дел» еще жила и влияла на молодежь. Не обошла она своим влиянием и Надю.

Окончив в 1887 году восьмой педагогический класс, Надя Крупская получила диплом домашней наставницы и успешно вела педагогическую работу, готовя к экзаменам учениц гимназии княгини Оболенской.

«Домашняя наставница Н.К.Крупская в течение двух лет занималась по вечерам с десятью ученицами... Успехи ее учениц свидетельствуют о выдающихся педагогических способностях ее, основательности познаний и крайне добросовестном отношении к делу»,

— говорилось в удостоверении, выданном юной учительнице.

Быть домашней наставницей всяких лентяек? Нет!

По понятиям матери, Елизаветы Васильевны, выбора пока не было: замуж Надежду никто не звал. Влюбленных в нее юношей и зрелых мужчин не наблюдалось. Совершенно естественные материнские мечты Елизаветы Васильевны о хорошей партии для Нади не спешили сбываться.

Ариадна Тыркова-Вильямс вспоминает: «У меня уже шла девичья жизнь. За мной ухаживали. Мне писали стихи. Идя со мной по улице, Надя иногда слышала восторженные замечания обо мне незнакомой молодежи. Меня они не удивляли и не обижали. Мое дело было пройти мимо с таким независимым, непроницаемым видом, точно я ничего не слышу... Надю это забавляло. Она была гораздо выше меня ростом. Наклонив голову немного набок, она сверху поглядывала на меня, и ее толстые губы вздрагивали от улыбки, точно ей доставляло большое удовольствие, что прохожий юнкер, заглянув в мои глаза, остановился и воскликнул: „Вот так глаза... Чернее ночи, яснее дня...“».

У Нади этих соблазнов не было. В ее девичьей жизни не было любовной игры, не было перекрестных намеков, взглядов, улыбок, а уж тем более не было поцелуйного искушения. Надя не каталась на коньках, не танцевала, не ездила на лодке, разговаривала только со школьными подругами да с пожилыми знакомыми матери. Я не встречала у Крупских гостей».

Большое удовольствие, когда нравишься не ты, а другая?

Удивительная реакция! Миллионы подружек в подобной ситуации «дохнут от зависти», втайне расстраиваются, переживают. А Надежде приятен успех подруги.

Что это? Доброта? Конечно. Но не только.

Полное признание своего скромного положения среди красивых подруг?

Да, но не только.

- Я под стать русской природе, нет во мне ярких красок, — утешала Надя свою мать, озабоченную проблемой: девица на выданье, а женихов не видно.

Есть в нетипичном поведении некрасивой Нади уверенное ощущение своего пути. Предчувствие, если хотите. Она не мечтает о мужчинах и замужестве, потому что не интересуется «такой чепухой». Она не хочет типично-скучной женской судьбы. Подруги выходят замуж, она не завидует, а жалеет их: закабаляют себя браком. Бросают под ноги мужчинам свои таланты и возможности самим стать полноценными личностями.

Надя пойдет другим путем.

Она посвятит себя обществу, а не одному человеку.

Ее влечет не быт, а жизнь. Не дом, а мир.

Но как найти свой путь?

Книги? Они не отвечают на этот вопрос, они задают его своим читателям.

Друзья отца, революционеры-народники? Надя начинает посещать их собрания.

Нет! Это усталые люди, напуганные собственным терроризмом и его результатами. Но что-то есть в их теории «малых дел».

Однажды Наде показалось — путь забрезжил. Она прочитала в газете призыв любимого писателя Льва Толстого к грамотным девушкам: начать исправлять и улучшать известные книги, чтобы простой народ мог их читать и образовываться. Обещал выслать желающим книги для работы.

«Хорошее „малое дело“», — подумала она и написала письмо:

«Многоуважаемый Лев Николаевич!

Последнее время с каждым днем живее и живее чувствую, сколько труда, сил, здоровья стоило многим людям то, что я до сих пор пользовалась чужими трудами. Я пользовалась ими и часть времени употребляла на приобретение знаний, думала, что ими я принесу потом какую-нибудь пользу, а теперь я вижу, что те знания, которые у меня есть, никому как-то не нужны, что я не умею применить их к жизни, даже хоть немножко загладить ими то зло, которое я принесла своим ничегонеделанием, — и того я не умею, не знаю, за что для этого надо взяться...

Я знаю, что дело исправления книг, которые будут читаться народом, дело серьезное, что на это надо много знания и умения, а мне 18 лет, я так мало еще знаю..

Но я обращаюсь к Вам с этою просьбой, потому что, думается, может быть, любовью к делу мне удастся как-нибудь помочь своей неумелости и незнанию.

Поэтому, если возможно, Лев Николаевич, вышлите и мне одну, две таких книги, я сделаю с ними все, что смогу...»

Дочь Толстого Татьяна Львовна прислала Крупской «Графа Монте-Кристо» Александра Дюма.

Девушка села «исправлять» книгу.

Нелепое занятие. Надя поняла это в процессе работы, но бросить начатое не в ее характере. Она должна довести до конца. Тем более толстовское дело.

Ожидая ответа от Толстого, Надя несколько раз бывала в кружках толстовцев. Они отвратили ее — деятельная натура искала реального действия.

Она стала внимательно присматриваться к новым революционерам, интуитивно ища Того, кто укажет ей путь, по которому пойдет до конца. Бесповоротно. Иначе идти не позволял характер.

Ее подруга Ариадна подмечала: «Я десять раз переверну фразу из учебника, пока она сообразит, в чем дело. Но когда сообразит, когда придет к определенному пониманию, примет его неизменно, крепко, как приняла позже учение Карла Маркса и Ульянова-Ленина».

Весной 1890 года Надя прочитала «Капитал» Маркса: «Я точно живую воду пила. Не в терроре одиночек, не в толстовском самоусовершенствовании надо искать путь. Могучее рабочее движение — вот выход».

Так угасла милая, наивная, ищущая пути девушка.

Так родилась революционерка, нашедшая Того, кто поведет ее. Но Тот пока что был всего лишь книгой.

Теорией. Она нуждалась в живом человеке, которому смогла бы посвятить свою революционную страсть.

Безошибочно!

Так появилась Надежда Крупская.

Румяная девушки или «синий чулок»?

Кто сказал «синий чулок»? Вообще откуда взялось это словосочетание? Им насмешливо называют женщин, с головой ушедших в книжные, ученые интересы, забывших свою женственность, неряшливых, неопрятных.

Родилось выражение в Англии во второй половине XVIII века и при рождении своем пренебрежительного значения не имело. Оно возникло в кружке, где собирались и мужчины, и женщины для бесед о литературе и науке. Душой общества был ученый Бенджамен Стеллингфлит, который, пренебрегая эстетикой и модой, при темном платье носил синие чулки, а не белые. Когда он почему-либо не приходил на занятия, все восклицали: «Нам плохо без „синего чулка“! Где он? Без него беседа не клеится!»

Вот ведь как: впервые прозвище получила не женщина — мужчина! Лишь когда женщина, а случилось это во Франции в конце XVIII века, стала интересоваться науками и литературой более, чем домашними делами, и появилось много равнодушных к своему внешнему облику женщин, словосочетание «синий чулок» прилипло к ней как характеристика, данная мужчиной, чье естество протестовало против женской маскулинизации.

Мир — сообщающиеся сосуды: Россия XVIII — XIX веков во многом брала фасон с Франции — вместе с роскошными модами попадали в Россию и «синие чулки».

«Что хорошего быть „синим чулком“? Не женщина и не мужчина, а так, середка на половинку, ни то ни се» — это слова Чехова, а уж Чехов известный был «синим чулкам» ненавистник.

«Синий чулок» — крайность!

«Синий чулок» — неестественность!

«Синий чулок» — говоря современным языком, явное экологическое нарушение. Общество, где «синие чулки» восторжествуют, обречено на вымирание.

Но то-то и оно, что, при всей своей официальной некрасивости, юная Крупская мало походила на «синий чулок».

«У Нади была очень белая тонкая кожа, а румянец, разлившийся от щек на уши, на подбородок, на лоб, был нежно-розовый. Это так ей шло, что моя Надя, которую я часто жалела, что она некрасивая, казалась мне просто хорошенькой, — вспоминает Ариадна Тыркова-Вильямс, рассказывая, как преобразила подружку революционная работа. — Надя по-прежнему жила с матерью на третьем дворе в большом доме Дурдиных, на Знаменской. Жили тихо, уютно, с лампадками, как будто по-старосветскому...»

- Вот те на! — воскликнет внимательный читатель. — Лампадки, это что же, под иконами?

Да, под ними. Елизавета Васильевна была набожна, а Надя еще не была атеисткой.

«Надя обдавала меня, — продолжает Ариадна, вспоминая события 1890 года, — ласковым сиянием, долго держала мои руки в своих руках, улыбалась с конфузливой нежностью. Но за всем этим я чувствовала другую Надю. Она уже прокладывала путь к тому, что вскоре станет смыслом, целью и, как это ни странно звучит для моей скромной Нади, роскошью ее жизни.

Начиналось это с вечерних курсов для рабочих за заставой. Надя глухим монотонным голосом рассказывала мне, как важно пробудить в рабочих классовое сознание. Добрые голубые глаза светились... Я радовалась за нее и понимала, какое это счастье — найти поглощающую цель».

При встречах с Ариадной Надя, краснея, как бы вскользь, не называя имени, говорила подруге «об одном товарище», много значащем в ее жизни. И Ариадна, разумеется, спустя много лет даже не может предположить, что он — не Ленин.

Это был другой.

В 1890 году — до встречи с Лениным остается четыре года — Надежда знакомится в революционном кружке со студентом-технологом Классоном. Начинает посещать его марксистский кружок.

Им интересно вдвоем читать, спорить, изучать «Капитал». Единомыслие часто ведет к объятиям. Но мы не будем считать первые поцелуи Крупской. Они настолько же возможны, учитывая молодость и нетерпение плоти, насколько невозможны, учитывая нравственное воспитание девушки и официально известную ее склонность к возвышенным, а не к низменным чувствам.

Осенью 1890 года Крупская бросает престижные женские Бестужевские курсы, где поначалу хотела искать свой путь в образовании.

Этот поступок кажется нелогичным: такая способная девушка может совместить и курсы, и кружок. Однако то общество и те идеи, которые предлагает ей Классон, требуют посвятить всю себя. Тут Крупская и теряет голову, смело идя навстречу новому, неизведанному, опасному. Или, напротив, — обретает голову на плечах?

Посещает кружок Классона. Просиживает в Публичной библиотеке, пользуясь читательским билетом Классона.

Если последнее — интимная подробность, попробуйте, читатель, воспользоваться ею для собственных выводов.

«Капитал» переведен на русский, а вот «Анти-Дюринг» Энгельса — нет. Крупской необходимо прочесть и эту книгу. Она начинает изучать немецкий. Очень быстро справляется с чужим языком. Классон и его окружение поражены: вот это способности!

«Марксизм, — напишет она много позднее, — дал мне величайшее счастье, какого только может желать человек: знание — куда надо идти, спокойную уверенность в конечном исходе дела, с которым связала жизнь».

Однако «конечный исход дела» представляется далекой, как звезда, мечтой. Исполнением ее займутся будущие поколения. А чем заниматься сегодня, сейчас, сию минуту?

В вечерней школе для рабочих Крупская находит себе активное дело: просвещать рабочий класс. Она

раскрывается как талантливый педагог, актерствует, сочетает просвещение с пропагандой.

«Рассказывала что-то про Индию и жизнь индусов. Затем неожиданно перешла к нашей жизни», — писал один из ее учеников, рабочий Жуков.

Здесь, в школе, вспомнила она свою историю со Львом Толстым. Принесла одному рабочему почитать «Войну и мир». Он вернул на следующий день со словами: «Чепуха какая-то. Длинно. Это, на диване развалясь, читать. Нам это не подходит».

Что сказал бы Толстой, если бы ему предложили исправить и сократить эту книгу для простого народа?

Умная, открытая, увлекающаяся и увлекающая идеями, розовощекая, с длинной русой косой, молодая учительница нравится грубоватому рабочему люду. Ее наперебой провожают после уроков по ночным улицам Петербурга. Надежда и сама не замечает, как получается, что провожатым чаще всего бывает Иван Васильевич Бабушкин.

Высокий, статный, усатый. От него исходит жгучий жар молодости, здоровья. У Надежды начинает кружиться голова, когда рабочий Бабушкин берет ее под руку в темных местах улиц, чтобы не упала. Она чувствует, даже слышит, как колотится его сердце, но Крупская намерена не придавать значения мимолетным ощущениям. Это всего лишь слепая страсть. Настоящая марксистка должна уметь справляться с нею.

Монахи и монашки умерщвляют плоть в постах, молитвах, служении Богу.

Надежда Крупская делала это с помощью книг Маркса и Энгельса, с головой уходя в преподавательскую работу, в занятия социал-демократических кружков.

«Синий чулок» все определеннее начинал проступать в ней. Сильно способствовал этому нарастающий атеизм Крупской. Он пугал ее мать, Елизавету Васильевну. Она говорила Ариадне: «Вы, как и моя Надя, в церковь не ходите?.. Ходили бы в церковь почаще да молились бы о ниспослании благодати, а то все мудрствуете».

Надежда не спорила с матерью. Они мирно сосуществовали. Мать взяла на себя все хлопоты по хозяйству, видя, что ее революционерка бесталанна как хозяйка: за что ни возьмется — все падает из рук.

Наступил февраль 1894 года. В этом месяце Надежде Крупской исполнилось двадцать пять лет. «Синий чулок» и старая дева закономерно, логично сливались воедино. Елизавета Васильевна теряла всякую надежду на замужество своей Надежды. А тут еще время от времени стали арестовывать друзей и подруг ее дочери. Как бы саму дочь не взяли.

Конечно, Елизавета Васильевна согласна, в их рассуждениях много справедливого, но кто же им позволит осуществлять свои идеи? Смешно! Как они не понимают, на что замахиваются? Разве такое сломишь?

Елизавета Васильевна хоть и боялась за Надю, но характер ее хорошо знала — запрещать ничего нельзя. Бесполезно.

«Может, в тех революционных кружках, — рассуждала про себя Елизавета Васильевна, — и встретит Надя свою судьбу. Вон там сколько мужчин.

Образованных. Из хороших семей. Пусть ходит. Встретит, поженятся, дети пойдут — не до революции будет. Надя любит детей. Она одним ребенком не обойдется...

Неужели нет? Неужели в этой дурацкой революционной борьбе одиноко пройдет вся Надина жизнь?!«

Кто знает о ночных материнских мыслях? Можно только догадываться.

Петербургские февральские морозы бывают окрашены малиновым солнцем, поворачивающимся на весну.

Надвигалась Масленица. Все эти прелести природы и жизни мало интересовали Надежду Крупскую. Она работала в вечерней школе и штудировала марксизм. Среди книг и брошюр — Надежда их буквально проглатывала — попалась тетрадка. Готова была отложить в сторону, заранее зная: это марксист Герман Красин обсуждает вопрос о рынке, ставя его в тесную связь с марксизмом.

(Сегодня в России, спустя сто лет, всяк живой тоже обсуждает вопрос о рынке, пытаюсь ставить его вне связи с марксизмом. Когда же мы, господа, найдем решение? — Л.В.)

Машинально открыла тетрадку и заметила, что все поля испещрены пометками. Почерк четкий. Вчиталась.

Крупскую поразили необычность, смелость, категорически уверенный тон и язвительность читателя, писавшего на полях. «Кто это?» — подумала она.

Среди знакомых марксистов не было ни одного, способного так глобально мыслить. Классон? Непохоже.

В тот же день, идя на занятия в рабочую школу, Крупская встретила Классона на улице. Случайно. Он спросил, придут ли они сегодня с ее подругой, Зиной Невзоровой, к нему «на блины». Под предлогом Масленицы кружок Классона устраивал марксистский диспут. Сказала, что не знает, спросит подругу Зину Невзорову, придет ли она. Идти не хотелось. Она уже изжила этот кружок, а зря тратить время — не в ее характере.

Классон уговаривал: будет интересно, «придет один приезжий волжанин, очень странный тип. Разделал под орех Германа Красина с его взглядами».

«Не тот ли?» — подумала она, мгновенно вспомнив пометки на полях тетрадки Красина. И они с Зинаидой пришли «на блины».

«Собралось много народу, — вспоминала Крупская, — речь шла о революционных путях. Как идти? Кто-то сказал, что очень важна работа в комитете грамотности. И тут раздался сухой, злой смех „приезжего волжанина“».

Никогда потом Крупская не слыхала у него такого смеха.

«Кто хочет спасти отечество в комитете грамотности, что ж, мы не мешаем», — сказал он и стал крушить проповеди «малых дел».

«Я сидела в соседней комнате с Коробко и слушала разговор через открытую дверь, — вспоминала Надежда через много лет. — Подошел Классон и, взволнованный, пощипывая бородку, сказал:

- Ведь это черт знает что он говорит.

- Что же, — ответил Коробко, — он прав: какие мы революционеры».

Он был как гром среди ясного неба.

Он был как молния в ночи.

Он был как удар колокола.

Он был...

Увидев и услышав его, Крупская мгновенно поняла, что «революция близка и возможна».

В этот же вечер она навела справки. Владимир Ульянов. Двадцать четыре года? Выглядит старше. Дворянин? Отец умер — был инспектор училищ в Симбирске. Мать, урожденная Бланк, дочь полицейского врача. Старший брат Александр Ульянов. Тот самый. Из группы «Народная воля». Казненный в 1887 году за попытку покушения на царя, Александра III.

Она рассказала о нем матери, хотя обычно не делилась с ней новостями в революционном кружке.

Засыпая, вспомнила: несколько раз они встретились взглядами. Ну и что? Комната маленькая, народу много, все взглядами встречаются. Не познакомились — вот плохо.

Прошла зима.

Прошла весна.

Прошло лето.

Пришла осень. Разбрызгивая лужи, бежала Крупская к Классону, где Владимир Ульянов собирался читать свою работу «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?».

Успех книги был полный.

Мир тесен вообще, а революционный мир — в частности. Начались осенние занятия в воскресной школе. После первых уроков Крупская увидела Ивана Бабушкина, поджидавшего ее. Весной она несколько раз не разрешила ему провожать себя, придумывая какие-то предлоги. Теперь разрешила — он более не волновал ее.

По дороге Бабушкин рассказал, что стал ходить в новый кружок:

- Ох и умен наш лектор! Объясняет понятно. И на спор вызывает. Глядишь, с ним я не только все буду знать, но и говорить научусь.

- Кто это? — спросила Крупская.

Ответ прозвучал одновременно — в устах Бабушкина и в ее душе:

- Владимир Ильич Ульянов.

Судьба играет человеком, но человек творит судьбу, в особенности если сама судьба помогает творить себя. Через несколько дней после разговора с Бабушкиным Крупская пошла в Публичную библиотеку — готовить лекцию для рабочих.

Ульянов сидел в читальном зале!

Как-то так вышло — то ли судьба распорядилась, то ли Надежда подгадала — они столкнулись вечером на выходе из библиотеки. И пошли, пошли по улицам до ее дома. Пока шли, пока говорили, в ее голове, словно на черном бархате, сияли огненные слова: революция близка и возможна!

Это решило судьбу Надежды. Единственной любовью Крупской всегда была и оставалась революция.

Ради нее Крупская жила и работала. О ней мечтала. Любви не хватало сконцентрированного предмета. И он появился. Владимир Ульянов-Ленин стал ее избранником не в мужа, а в вожди. Он должен был воплотить мечту Крупской. Она поверила в него неоглядно. И какую бы роль он ни уготовил ей в своей жизни, посвященной революции, Крупская пошла бы за ним на край света. И дальше. Не ропща. Ничего не требуя. Во имя дела.

Исследователи жизни Ленина и Крупской часто спорили, что значил ее «странный» ответ ему, когда он, спустя несколько лет после первой встречи, написал ей в тюрьму, что просит стать его женой.

Она ответила: «Что ж, женой так женой».

Не знаю, о чем тут спорить. Крупская выразилась яснее ясного: что бы ни предложил — на все готова.

Конечно, хорошо женой. Жена лучше, чем товарищ по работе. Много ближе.

Она сумеет сделать все, чтобы он возглавил революцию. С его-то талантом! С ее-то усердием! И мама, Елизавета Васильевна, рядом. Мама наконец успокоится — Надя не останется старой девой.

Итак, любовь к мужчине и революция слились для Крупской воедино. Ее прозорливость и мудрость состояли в том, что выбор оказался верен. Как много женщин, посвятивших себя революции, выбирали не тех мужчин!

Случайный успех?

Рука судьбы?

Точность расчета?

Крупская была отличница, а отличники редко ошибаются.

Избранник поначалу и подозревать не мог, что его судьба в какой-то мере уже решена. Им незаметно, мягко, решительно распорядились.

Всего полгода, как приехал он в Петербург. За спиной скромного, двадцатичетырехлетнего провинциала было, однако, немало переживаний: внезапная смерть отца, казнь старшего брата Александра, смерть от тяжелой болезни любимой сестры Ольги. Он прошел слезку за собой, арест, легкую ссылку в имение матери Кокушкино. Приезд в Петербург означал начало того великого завоевания, которому он собирался посвятить жизнь. Многие в понимании своего пути еще не установилось, не утвердилось, не обозначилось, но главное было ясно: взорвать существующий порядок жизни, подняв народ и опираясь на идеи Маркса. Собственную силу он ощущал и верил в нее.

Нужны были единомышленники, союзники, работники, бойцы его невидимого фронта.

Елизавета Васильевна нечасто встречала в своем доме молодых людей. Не переставая мечтать о женихе для Нади, она была рада угостить пирогами молодого человека, которого Надя однажды вечером привела в дом. Мог бы, конечно, и повыше ростом быть, и покрасивее, но это уж слишком: Надя сама не красавица, а Владимир Ильич, по всему видно, умница. Мужчине, как известно, красота не нужна, был бы ум.

На умного провинциала, соскучившегося по семье, пахло от дома Крупских теплом и уютом. Сочетание Надиного таланта слушать, понимать и восхищаться

услышанным с талантом ее матери готовить и угощать очень понравилось ему.

Когда она призналась ему, что давно поняла: «Не в терроре одиночек, не в толстовском самоусовершенствовании нужно искать путь: революционное движение масс — вот выход», он внимательно посмотрел ей в глаза и быстро отвел взгляд.

Эта девушка была слишком цельна, серьезна, умна, надежна, чтобы встреча с ней оказалась случайной. И решительно готова идти за ним навсегда.

Торопить события он не хотел. И кажется, вообще не собирался соединять свою жизнь с кем бы то ни было.

Надежда стала товарищем по работе. В какой-то степени его ученицей, хотя и была на год старше его.

Скоро она стала незаменимой. Вечер каждого воскресенья он проводил у Крупских, заходя после занятий своего кружка на чашку чая и пироги.

Вдруг исчез. Крупская ощутила признаки душевного волнения, однако виду не подала: они всего лишь товарищи, он может вести себя как ему вздумается. Может, в конце концов, у него быть своя, личная, интимная жизнь!

Но настроение испортилось. Мать все заметила, тоже расстроилась, а спрашивать Надю поостереглась, зная ее скрытный, независимый характер. Нужно будет — сама скажет.

Подумала Елизавета Васильевна, что они, быть может, поссорились, и вообще их отношения какие-то

вялые — сидят, говорят, обсуждают. Не стремятся уединиться. Это разве любовь?!

Через день-два приятель Владимира Ульянова Глеб Кржижановский пришел в вечернюю школу, где преподавала Крупская. Отвел в сторону Надежду и ее подругу Зинаиду Невзорову, свою будущую жену, сказал, что Старик — это была подпольная кличка Ульянова — заболел, лежит один, нужно организовать уход.

Можно представить, как забилося сердце Крупской: и радостно — не ушел от нее к другой, и взволнованно — болен, нужно помочь.

Девушки пошли. Обрадовался. Зинаида Невзорова ускользнула с провизией на кухню. Надежда Крупская присела у постели и начала выкладывать новости, а потом привычно, с восторженной молчаливостью слушала: он хоть и тяжело был болен — дара речи не терял.

Вспоминая этот, описанный во всех книгах о Крупской и Ленине факт их встречи, я всегда почему-то думаю о евангельской ситуации: служительница духа сильнее служительницы плоти.

«...пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у нее была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне.

Иисус же сказал ей в ответ: - Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно;

Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее»(Лк 3, 38—42).

Это не бестактное сравнение, а лишь воспоминание. Зинаида и Надежда, каждая по-своему, нравились Владимиру. Зинаида была хороша собой. Много лет спустя, в 1949 году, похоронивший Зинаиду ее муж, Глеб Максимилианович Кржижановский, говорил пришедшей к нему молодой аспирантке-крупсковедке Дине Корнеевне Михалутиной: «Владимир Ильич мог найти красивее женщину, вот и моя Зина была красивая, но умнее, чем Надежда Константиновна, преданнее делу, чем она, у нас не было».

Больной выздоравливал, и само собой вышло, что Крупская продолжала ходить к нему уже одна. Они вместе читали газеты, переводили статьи с немецкого.

Однажды пришла. Раздеваясь в прихожей, услышала в его комнате женский голос. Не нужно догадываться, какая мысль мелькнула. Но в ту же секунду открывшая ей дверь хозяйка квартиры сказала: «Матушка к нему приехали».

Иное волнение охватило Надежду — что подумает о ней его мать? Девушка одна приходит к молодому мужчине!

В этот момент революционная этика безразличия к условностям вряд ли могла прийти в голову.

Мария Александровна Ульянова — запечатленный в памяти нескольких поколений образ интеллигентной женщины, верной жены инспектора народных училищ в Симбирске, сильной и смелой матери, вырастившей шестерых и пережившей смерть мужа и двоих взрослых детей: Александра и Ольги. Все оставшиеся дети стали

революционерами. Она свою зрелость и старость посвятила помощи их делу. Прекрасная музыкантша, блистательно образованная, умная и благородная женщина мужественно перенесла невзгоды жизни, думая только о детях, и умерла за несколько месяцев до Октябрьской революции...

В наши дни всех и всяческих переоценок-пересмотров, когда Ленин и революция проходят испытание Голгофой и, согласно Закону Возмездия, получают сполна за все, что было и чего не было, неожиданные легенды вдруг оживают, выходят из-за поворота жизни и начинают витать над людьми.

Весной 1991 года я оказалась в большой компании интеллектуалов, решающих, как лучше всего «измученному ленинским экспериментом обществу вернуться к капитализму». Молодой и симпатичный врач в продолжение разговора о том, что Ленин революцией мстил Романовым за казненного брата, с уверенностью очевидца сказал:

- Его мать была фрейлиной императрицы, жены Александра II или, может, Александра III, не скажу точно. Очень хорошенькая, видно по фотографиям.

- Этого не могло быть, — возразили ему, — как теперь известно, доктор Бланк был еврей. Дочь еврея — фрейлина?

- Вы не в курсе дела, — отмахнулся врач, — в царской России человек, принявший крещение, автоматически становился русским. Национальность определяло не происхождение, а вероисповедание. Дочь еврея, канцлера Шафирова, при Петре была фрейлиной. Кем-то при дворе была и Мария Бланк, завела роман с Великим князем, забеременела, ее отправили к

родителям и срочно выдали замуж за скромного учителя Илью Ульянова, пообещав ему рост по службе, что он регулярно и получал в течение всей своей жизни. Она благополучно родила сына. Заметьте, старший сын Ульяновых назван Александром. Царское имя. Илья Ульянов оказался очень хорошим человеком и ко всем детям относился одинаково.

Присмотритесь к портретам. Александр Ульянов не похож ни на кого в семье. Он узнал тайну матери и поклялся отомстить за ее честь. Будучи студентом в Петербурге, примкнул к террористам и взялся бросить бомбу в царя. И вот он сидит в тюрьме, его должны казнить, мать приезжает в Петербург и на следующий же день получает возможность увидеться с ним. На следующий день! Невероятно!

При свидании она просит Александра — это написано во всех книгах о Ленине, — чтобы он покаялся, и его простят.

Александр Ульянов отказался каяться и был казнен. Подумайте, разве могла обыкновенная мать преступника сразу же добиться свидания? Интересно знать, кто сказал Марии Александровне, чтобы она предложила сыну покаяться? Кто, кроме того, на кого он покушался, мог его простить?

Она, приехав в Петербург, сразу же получила свидание с царем. Сразу! Какой тогда царь был у власти? Ах да, Александр III. Может, он и был когда-то ее любовником и отцом Александра Ульянова? Царь согласился простить своего незаконного сына, если он покается. Ленин мстил Романовым не только за брата, но и за мать.

Можно было возразить врачу, что первым ребенком в семье Ульяновых был не Александр, а Анна, которая не участвовала в покушении, но, разумеется, знала о нем и не случайно была взята под стражу вместе с братом.

Можно было возразить, что Мария Александровна, дочь Александра Бланка, по всем данным, не слишком высокородная девица, вряд ли могла быть «кем-то» при царском дворе.

Я промолчала, тихо поднялась и ушла, пораженная не маловразумительной легендой, а тем, что она была давно известна мне из источников более весомых, чем рассказы современных интеллектуалов. Откуда опять всплыла?

Нет дыма без огня...

В повествовании сейчас появится новое историческое лицо. Оно сможет пролить свет на темные углы в биографиях некоторых рассматриваемых здесь лиц. Оно время от времени будет возникать в книге, и я буду делать отступления под названием: «Из „записной книжки“ Ивана Федоровича Попова».

Ему было двадцать два года, когда он, бежав из ссылки, приехал в Брюссель и поступил там в университет. Молодой социал-демократ Иван Попов появился в Париже ранней весной 1909 года, пришел на тихую улицу Мари-Роз к Ленину и Крупской, жившим там в эмиграции. У него к ним была рекомендация от революционерки Инессы Арманд — с нею Попов подружился в ссылке в Мезени.

Знание трех европейских языков, молодость и энергия дали возможность Попову помогать Ленину в качестве представителя ЦК РСДРП во Втором

интернационале. Вместе с Инессой Арманд Попов представлял партию на съездах и конференциях. Сопровождал Ленина, когда тот бывал в Брюсселе. В 1914 году Попов был взят под арест немецкими оккупационными властями в Брюсселе как «социально опасный элемент». По ходатайству Крупской и Ленина его перевели с помощью швейцарского Красного Креста на положение военнопленного.

В революции 1917 года Попов не участвовал. Вернувшись в Россию, работал в театральных организациях. Написал пьесу «Семья» об Ульяновых, принесшую ему широкую известность и материальное благополучие в конце сороковых — начале пятидесятых годов.

В этой пьесе главным был не Ленин, а его мать, ее переживания в связи с гибелью старшего сына Александра, ее хождение по мукам и по тюрьмам, ее выдержка и мужество, когда весь город Симбирск отвернулся от семьи террориста.

Моя встреча с Иваном Федоровичем состоялась в конце сороковых годов, в его доме, куда меня, девочку, пишущую стихи, привел отец, друживший с Поповым со времен войны. Иван Федорович в 1943 году приезжал на уральский завод писать очерк о людях, создававших танк Т-34. Очерк был напечатан. Среди его героев — мой отец, танковый конструктор. Они подружились. Наша семья переехала с Урала в Москву после войны. Подружились семьи.

Летом 1953 года, окончив школу, я готовилась поступать в университет. Попов предложил моим родителям: «Пусть она поживет с нами на даче. Дети в

разъездах. Нам с женой скучно. Пусть зубрит среди природы».

В то время он, по существовавшему тогда закону, за каждый спектакль «Семья» получал большие потиражные деньги и мог позволить себе купить прекрасную, по тогдашним понятиям, дачу, держать автомобиль и оплачивать шофера.

Каждое утро на даче Попова я спускалась к диетическому завтраку. Вера Алексеевна, его жена, строго следила за диетой, весом и холестерином любящего поесть мужа. Я быстро справлялась с завтраком и уходила наверх зубрить, а вернее, читать полузапретного Достоевского, которого Поповы свезли на дачу — от Москвы подальше. Два раза в неделю Вера Алексеевна ездила в Москву за продуктами. В такие дни мы с Поповым, сидя в разных комнатах, жадно следили, пока «Победа» с Верой Алексеевной не исчезнет за дальним поворотом.

И раздавался клич Ивана Федоровича:

- Девица, вниз!

У калитки уже стояла деревенская женщина с курицей, куском телятины или свинины. Домработница Поповых, весело ворча, начинала готовить обед, а мы с Иваном Федоровичем в ожидании его, глотая слюнки от кухонных запахов, вели нескончаемый разговор. Вернее, говорил он, а я слушала.

- Не записывай! — предупреждал он меня всякий раз, когда часам к пяти мы заканчивали долгий и вкусный обед. — Ни в коем случае не записывай!

Чего нельзя — того хочется. Однажды я села записать какой-то его поразительно интересный рассказ,

но бросила — предательство. И стала просто повторять услышанное по нескольку раз. Ручаюсь ли за точность спустя столько лет? Да, за точность мыслей, но не слов.

Я задумывалась над вопросом: зачем Попов буквально «вываливал» мне все, что знал, слышал, предполагал и понимал о жизни Ленина?

Узнавала я такое, от чего тогда голова пошла бы кругом не только у творцов ленинианы и крупскинианы. Попов доверял мне то, чего не доверил бы записной книжке в 1953 году, спустя несколько месяцев после смерти Сталина, в разгар борьбы за власть в правительстве, в атмосфере бериевской агонии. Могло ли быть, что Попов, годами опасавшийся записать подробности, не мог уйти с земли, не передав знаний кому-то?

Почему он выбрал меня? Хорошо было бы спросить у него, да не спросишь. Скорее всего — никого другого рядом не было. Беседа со мной выглядела так: сначала пустяковый разговор — как вкусно, если ешь мороженое, налить в него шампанского — и внезапно, без перехода, он бросал сенсационную фразу, от которой я должна была если не упасть со стула, то громко выразить удивление. Довольный моей реакцией, он начинал рассказывать.

В один из обедов Иван Федорович сказал:

- Анна у Марии Александровны прижитая. Она — дочь одного из Великих князей, нагулянная Марией Александровной, когда та была при дворе.

- Не может быть!

Старый лев в белоснежной, распахнутой у ворота рубашке, развалившись в высоком дачном плетеном

кресле, широко рассмеялся и начал: в Брюсселе Инесса Федоровна Арманд принесла ему этот слух, якобы полученный ею от кого-то из семьи Арманд, — Мария Александровна в юности была взята ко двору, но пробыла там недолго, скомпрометировав себя романом с кем-то из Великих князей, за что ее отправили к отцу в Кокушкино и быстро выдали за Ульянова, обеспечив ему регулярное повышение по службе.

Инесса Федоровна не раз говорила с Поповым на эту тему, даже развивала ее. Неизменно приходила к выводу: история маловероятная, похожа на сплетню, хотя нет дыма без огня — у Марии Александровны есть какая-то тайна молодости.

Тут же Арманд плавно переходила к теме свободной любви, она ее всегда волновала...

Сижу в 1991 году, обложившись книгами и документами, опубликованными и архивными, журналами, нашими и зарубежными, хочу поймать хвост тайны девицы — а ловлю какие-то другие «хвосты». Все было не так давно: первого марта 1887 года Россию всколыхнула весть о неудавшемся покушении членов партии «Народная воля» на императора Александра III. Среди террористов оказался сын Ульяновых Александр, студент-отличник Петербургского университета. По подозрению была взята и его родная сестра Анна Ульянова. Мария Александровна, мать Александра и Анны, бросается в Петербург. 28 марта она подает прошение на имя царя: «Горе и отчаяние матери дают мне смелость прибегнуть к Вашему Величеству, как единственной защите и помощи. Милости, Государь, прошу! Пощады и милости для детей моих. Старший сын Александр, окончивший гимназию с золотой медалью,

получил золотую медаль и в университете. Дочь моя Анна успешно училась на Петербургских Высших Женских Курсах. И вот, когда оставалось всего лишь месяца два до окончания ими полного курса учения, у меня вдруг не стало старшего сына и дочери. Оба они заключены по обвинению в прикосновении к злодейскому делу первого марта. Слов нет, чтобы описать весь ужас моего положения. Я видела дочь, говорила с нею. Я слишком хорошо знаю детей своих и из личных свиданий с дочерью убедилась в полной ее невинности...

О Государь! Умоляю, пощадите детей моих. Возвратите мне детей моих. Если у сына моего случайно отуманились рассудок и чувство, если в его душу закрались преступные замыслы, Государь, я исправлю его: я вновь воскрешу в душе его те лучшие человеческие чувства и побуждения, которыми он так недавно еще жил. Милости, Государь, прошу, милости».

Что можно извлечь из этого вопиющего материнского письма? Какое и чему подтверждение?

Есть ли хоть одно слово, выдающее желание напомнить о некоем прошлом, связывающем госпожу Ульянову и царя?

Ни одного.

Есть ли хоть намек на какое бы то ни было исключительное особое право?

Решительно нет.

Более ста лет назад, в годы перестройки девятнадцатого века, Александр III на письме Марии Александровны Ульяновой начертал такую резолюцию: «Мне кажется желательным дать ей свиданье с сыном, чтобы она убедилась, что это за личность ее милейший

сынок, и показать ей показания ее сына, чтобы она видела, каких он убеждений».

Нет никаких оснований предполагать, что он когда-либо знал Марию Ульянову и каким-то образом относился пристрастно к ее имени и просьбе.

Впрочем, нельзя представить себе, чтобы умная и деликатная Мария Александровна в официальном письме позволила себе вольность напоминания, а царь в официальном ответе снизошел до лирических воспоминаний.

Почему же царь так быстро откликнулся на письмо госпожи Ульяновой и разрешил ей свидание с сыном, дал ему возможность покаяться?

Это вопрос типичного советского человека, живущего в беззакониях и жестокостях нашего времени, а тогда были иные времена, свои жестокости и беззакония, но часто облеченные в благородные и возвышенные формы. Умное, страдающее, страстное письмо матери шестерых детей разве могло быть оставлено царем без внимания? Нет. Избежавший смертельной участи самодержец продемонстрировал великодушие не только перед матерью преступника, но и перед всем народом. Александру Ульянову была дана возможность остаться в живых. Почему он не воспользовался этой возможностью?

Присутствовавший при последнем свидании матери с сыном молодой прокурор Князев писал, что отказавшийся покаяться Александр Ульянов перед казнью сказал матери:

«Представь себе, мама, двое стоят друг против друга на поединке. Один уже выстрелил в своего

противника, другой еще нет, и тот, кто уже выстрелил, обращается к противнику с просьбой не пользоваться оружием. Нет, я не могу так поступить».

Вот тут в покушении Александра на Александра возникает некий акцент — Александр Ульянов видит в своем поступке не покушение на жизнь, а дуэль. Благородный, чуткий и честный Александр Ульянов видел в царе противника? Он хотел исполнить долг чести?..

Иван Федорович Попов говорил мне, и не раз (у него была привычка пожилых людей повторяться), что Инесса Арманд развивала тему так: после смерти отца, в 1886 году, Александр, разбирая бумаги покойного, наткнулся на документ, касающийся пребывания при императорском дворе девицы Марии Бланк, — то ли пожалование материального характера на новорожденного, то ли письмо, раскрывающее тайну.

Александр поделился открытием с Анной, которой эта бумага лично касалась. И оба поклялись отомстить. Жажда мести привела их к народовольцам, чьи идеи совпали с их намерениями. Но Александр не хотел впутывать сестру и в решающий момент отстранил ее от задуманного акта. Против Анны улики не было, ее отпустили.

Инессе Арманд не было известно, знал ли об этом Ленин. Она не считала возможным заговаривать с ним на эту тему. Так, во всяком случае, она говорила Попову.

Как бы то ни было, две беды, безусловно, перевернули в 80-х годах жизнь семьи Ульяновых: внезапная смерть отца, сделавшая детей сиротами, и казнь Александра, сделавшая детей революционерами.

Что же касается легенды...

Этот стог сена пока еще слишком велик, чтобы сразу найти в нем иголку.

Вернемся к Крупской, пришедшей проведать больного Владимира. Ее насквозь просветил взгляд Марии Александровны Ульяновой, дамы с черным кружевом вуалетки на а-ля маркиза Помпадур седых до голубизны волосах.

В 1894 году Мария Александровна была уже закаленной матерью революционеров и, взглянув на Крупскую, поняла, кем может стать для сына эта сильная молодая женщина.

Не красавица? Тем лучше, меньше ветра будет в голове. Сыну не придется страдать от ревности.

Из бедной семьи? Лучше бы, конечно, из богатой, но бедная с достоинством будет переносить тяготы жизни.

Да, именно такую жену она может пожелать своему сыну, ибо жене надлежит скитаться по ссылкам за мужем-революционером...

Далеко не сразу соединили свои судьбы Надежда Крупская и Владимир Ульянов. Добрых четыре года порознь шла лишь совместная революционная работа. Тюрма и ссылка подстегнули их к решению. Соратники Ленина, люди молодые, холостые, взяли за правило, отправляясь в ссылку, обзаводиться фиктивной невестой, «назначенной» им партией. В сущности, сотрудницей по работе. Фиктивные невесты часто становились реальными женами.

Ленин сделал выбор сам. Крупская сидела в тюрьме, там и получила от него письмо с признанием в любви и предложением стать женой. Это означало: ей нужно

проситься в ссылку туда, куда сослали его. Что она и сделала. Получила разрешение ехать вместе с матерью.

Елизавета Васильевна была готова служить молодоженам и кухаркой, и прачкой, и горничной, лишь бы почти тридцатилетняя бесхозьяйственная дочка, выйдя из тюрьмы, — стыдно подумать — в тюрьму попала! — зажила замужней жизнью.

Пусть в ссылке. Пусть со ссылкой. Что делать — такое время и такие судьбы у русских людей.

Детки пойдут — Надя любит детей.

Добрая женщина благодарно полюбила будущего зятя, и он отвечал ей тем же, понимая, что уют, покой и порядок с Надеждой возможны лишь в присутствии Елизаветы Васильевны.

Был у Ивана Федоровича Попова смутный рассказ, как сам он говорил, «сомнительный», о некой казанской красавице Елене Лениной, якобы пообещавшей Ульянову поехать за ним в Сибирь, да передумавшей в последнюю минуту.

Были сплетни злопыхателей Крупской: мол, она взяла в руки зеленую лампу для создания в Шушенском семейного уюта и, можно сказать, поставила Ленина перед фактом своего появления. Но документы говорят обратное. В письме к матери от 10 декабря 1897 года Ленин пишет: «Я получил письмо от Глеба, что он подал прошение о приезде ко мне на праздники, на десять дней... Для меня это будет очень большое удовольствие. Из Теси пишут еще, что Зинаиде Павловне вышел приговор — 3 года северных губерний и что она перепрашивается в Минусинский округ. Так же намерена, кажется, поступить и Надежда Константиновна». (Глеб —

это Кржижановский, Зинаида Павловна Невзорова — подруга Крупской. — Л.В.)

Похоже, все его надежды связаны с Надеждой. И есть тут у меня одно «подозрение»: Крупская в молодости с ее косой и добрым выражением лица вполне выглядела тургеневской девушкой. А кто не знает, что Владимир Ильич в юные годы зачитывался Тургеневым и любимым романом его было «Дворянское гнездо». Не казалась ли ему Надежда похожей на Лизу Калитину?

Через всю жизнь Ленина проходит вереница обожающих, поклоняющихся, служащих ему женщин — мать, жена, сестры, подруги жены и сестер, соратницы-революционерки, секретарши, служанки и домработницы. В его ответном отношении к ним всегда живет забота чисто революционного характера: он талантливо умеет направить женскую энергию на общее великое дело.

Невеста прибыла к жениху сквозь трудности, с задержками. Долго ехали они с матерью в Красноярск, потом пароходом до Сорокина, оттуда до Минусинска. По проселочной дороге наконец добрались до Шушенского.

Сумерки.

Никто их не встречает. В доме крестьянина Зырянова, где живет жених, никто их не ждет. Владимир Ильич на охоте.

Вот те раз — на охоте!

Крупская распаковывает вещи, а они падают из рук.

Как же так, на охоте?! Не ждет?! Готова разреветься, обидеться, уехать, забыв, что ее

избраннику, по ее же собственному решению, все на свете разрешено.

Шушенская ссылка (1898—1900) описана самой Крупской как счастливое время жизни. Власти заставили их повенчаться. Два убежденных атеиста пошли под венец, к явной радости Елизаветы Васильевны: раз повенчаны, никуда он от нее не денется, значит, Бог благословил, что бы они оба против Бога ни плели!

Советская ленинская иконография так причесала, так обмылила эту пару, что никаких закавык не найдешь, и от скуки скулы сводит, а между тем именно в Шушенском случилось то, о чем стеснялась и мечтать скромная Надя, — в ней проснулась могучая, страстная женщина, она наслаждалась всем сразу: и природой, и любовью, и духовным общением со своим идолом, и тем, что среди многих ссыльных поселенцев она была самая привлекательная женщина и не было ей конкуренток по всему Шушенскому. Какой там «синий чулок»!!!

Вот когда стала она настоящей красавицей — щеки горели, тоненькая фигурка и скромные, но петербургские платья вызывали восторженные взгляды деревенских девушек. Косу длинную, пушистую она распускала из женского кокетства, чтобы все видели, какая она хорошая, какая молодая, хоть и тридцати лет...

Все, кто встречал Крупскую в Шушенском, в один голос восхваляли ее прелести, а революционер Лепешинский говорил, что от ее очарования у всех дух захватывало. В нее влюблялись.

В двадцати верстах от Шушенского жил и работал на сахарном заводе ссыльный революционер Виктор Константинович Курнатовский. Ульяновы однажды выбрались к нему в гости. Октябрь. Замерзли реки.

Выпал снег. Курнатовский работал тяжело, по двенадцать часов в сутки. Жизнь за спиной была нелегкая — тюрьмы, ссылки.

Крупская увидела его, сердце ее сжалось и не разжималось, пока не вернулась в Шушенское. Красоты Курнатовский был необычайной, а увидев Надежду, он, живший в одиночестве, тоже разволновался.

О, что случилось с обычно скромной, молчаливой Крупской! Она поразила нового знакомого образованностью, а также остротой суждений. Виктор Курнатовский водил молодоженов по сахарному заводу, и душа его пела. Ее душа тоже пела. По-новому увидел муж свою скромную Надежду.

Взревновал? Маловероятно. Принципы профессиональных революционеров не допускали «обывательщины». Крупская писала: «Мы ведь молодожены были — и скрашивало это ссылку. То, что я не пишу об этом в воспоминаниях, вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни молодой страсти. Мещанства мы терпеть не могли, и обывательщины не было в нашей жизни. Мы встретились с Ильичом уже как сложившиеся революционные марксисты — это наложило печать на нашу совместную жизнь и работу».

Продираясь сквозь официоз этих слов, я все же думаю, что Курнатовский навсегда остался ее маленькой тайной, пусть даже известной Ленину, но ее личной собственностью, как воспоминание.

- Вы, Надюша, по отчеству Константиновна, и я Константинович! — говорил ей в тот день Курнатовский, как бы оправдывая свою влюбленность. — Можно подумать, что мы брат и сестра.

И она улыбалась ему, и запоминала всякие несущественные мелочи, отдельные его фразы, вроде бы незначительные. Почему-то запомнила и во всех воспоминаниях потом рассказывала, как шли они с Курнатовским мимо сахарного завода, где он служил, а навстречу — две девочки, одна постарше, другая маленькая. Старшая несет пустое ведро, младшая — со свеклой.

- Как не стыдно, большая заставляет нести маленькую, — сказал Курнатовский старшей девочке. Та только недоуменно на него посмотрела.

Описывая подробности своего быта в ссылке, Крупская простодушно выкладывала такое, из чего можно сделать любые выводы: «Дешевизна в этом Шушенском была поразительная. Например, Владимир Ильич за свое жалованье — восьмирублевое пособие — имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья... Правда, обед и ужин был простоват — одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока не съест; покупали на неделю мяса, работница во дворе в корыте, где корм скоту заготавливали, рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на целую неделю. Но молока и шанег было вдоволь».

И кому, подумает иной читатель, мешал царский режим, если самых что ни на есть злостных революционеров в ссылке, как на убой, задешево откармливали? Где они теперь, те бараны?

С приездом Крупской и ее заботливой матери жизнь Ленина улучшилась.

Надежда Константиновна рассказывает: «Зажили семейно. Летом никого нельзя было найти в помощь по хозяйству».

С нашей сегодняшней колокольни, кого бы и искать, их же двое — мать и дочь. Да и хозяйство невеликое. Но у каждого времени свой фасон..

«Мы с мамой воевали с русской печкой. Вначале случилось, что я опрокидывала ухватом суп с клецками, которые рассыпались по исподу. В октябре появилась помощница, тринадцатилетняя Паша, худущая, с острыми локтями, живо прибравшая к рукам все хозяйство».

Вот так и было: две взрослые женщины не справились, а тринадцатилетний деревенский подросток осилил. И никому из пламенных революционеров не пришло в голову, что в лице Паши они использовали наемный детский труд, против чего восставали, когда дело не касалось их самих.

В Шушенском революционное развитие шло вперемежку с мечтами о будущем: «По вечерам мы с Ильичом никак не могли заснуть, мечтали о мощных рабочих демонстрациях, в которых мы когда-нибудь примем участие».

В воспоминаниях Крупской о Шушенской ссылке мелькают совершенно новые, жесткие, прежде не свойственные ей ноты. В Минусинском уезде было много ссыльных — народовольцев и новых социал-демократов. Народовольцев называли «стариками». Один из новых убежал. «Старики», узнав о его побеге из ссылки, рассердились, что их не предупредили: могли быть обыски, а они «не почистились», то есть не припрятали кое-что нелегальное из литературы.

Муж сказал Надежде Константиновне: «Нет хуже этих ссыльных историй, они страшно затягивают, у „стариков“ нервы больные, ведь чего только они ни пережили, каторгу перенесли. Но нельзя давать засасывать себя таким историям, — вся работа впереди — нельзя себя растрчивать на эти истории».

Сама по себе Крупская растратилась бы и не заметила даже, что растратилась. Но, постепенно становясь отражением Ленина, она училась быть во всем согласной с ним Пишет: «Владимир Ильич настаивал на разрыве со „стариками“. Помню собрание, на котором произошел разрыв. Решение о разрыве было принято раньше, надо было провести его, по возможности, безболезненно. Рвали потому, что надо было порвать, но рвали без злобы, с сожалением. Так потом и жили врозь».

Прежняя Надя понимает, что это жестоко. Речь ведь идет всего лишь о простом общении в ссылке. О добрых отношениях с пожилыми людьми. О внимании к ним. В условиях ссылки, где люди живы вниманием и поддержкой, такой разрыв был смертелен для «стариков».

Новая Надежда Константиновна из добродушной женщины рядом со своим героем постепенно превращается в жесткого солдата революции. И вместе с этим превращением постепенно происходит другое, как бы приводя в соответствие форму и содержание: угасает мимолетная красота Надежды. Этому сильно способствует начинающийся тиреотоксикоз, в просторечии «базедова болезнь», которая наложит отпечаток на всю жизнь Крупской, но выбранного ею пути не изменит, напротив, как бы исключит все

отвлекающие от главного дела радости и увлечения жизни, способные подстеречь тургеневскую девушку Надежду на ее революционном пути.

Созидательницы разрушения

Окидывая мысленным взором двадцатый век и подступы к нему, видишь немало фигур, вроде бы определивших поступь этого столетия: президенты и ученые, писатели и всех видов воздухоплаватели. Но они — всего лишь следствия. А кто — причины?

Пусть немногие согласятся со мной. Пусть рискую я быть осмеянной — все же скажу: ищите женщину! Если вы не увидите во всех подвигах и подлостях человечества, где-то на грани сумрака и света, на границе чувства и ума, на перекрестке добра и зла женской тени, то вы не увидите и не поймете ничего о себе и своем времени.

Две женщины — каждая по-своему скромная, — стоя у изголовья новорожденного века, собственными руками подарили нам его таким, какой он сегодня есть, две славянки — Мария Владиславовна Склодовская и Надежда Константиновна Крупская.

Своими нежными ручками они выпустили из бутылок джиннов, которых вычислили их мужья. Не будь обе столь старательны, самозабвенны и преданы делу своих мужчин, история развилась бы иначе.

По воле судьбы, по таинственному ли знаку Космоса обе родились в России? Польша — место рождения Склодовской — тогда входила в состав Российской империи.

Знаменательно сопоставление некоторых подробностей их биографий:

1867 — родилась Мария Склодовская

1869 — родилась Надежда Крупская.

1883 — Склодовская окончила гимназию с золотой медалью, работала домашней учительницей.

1886 — Крупская окончила гимназию с золотой медалью, работала домашней учительницей.

1885—1901 — Склодовская обучала деревенских детей грамоте.

1891—1896 — Крупская обучала рабочих в вечерней воскресной школе.

1895 — Склодовская вышла замуж за Пьера Кюри.

1898 — Крупская вышла замуж за Владимира Ульянова-Ленина.

1897—1906 — Склодовская вместе с Кюри совершила открытия века: радиоактивность урана, новые химические элементы — полоний и радий. Путь к использованию энергии атома был открыт.

1903—1917 — Крупская вместе с Лениным создала и развивала новацию века: партию большевиков, чья политическая активность повернула русскую революцию по ленинскому пути.

1906—1931 — пик пройден. Склодовская, после смерти мужа, продолжала работу в благоприятных европейских условиях.

1924—1939 — пик пройден. Крупская, после смерти мужа, продолжала работу в неблагоприятных сталинских условиях.

1934 — кончина Марии Склодовской.

1939 — кончина Надежды Крупской.

О чем говорят эти факты? Обе — современницы, обе — великие созидательницы, сотворившие силы разрушения. Вот картины их труда.

Говорит Склодовская, которая четыре года варила радиоактивную кашу, создавая свое чудовище Франкенштейна: «Мы с головой ушли в новую область, которая раскрылась перед нами благодаря неожиданному открытию. Несмотря на трудные условия работы, мы были счастливы. Все дни мы проводили в лаборатории. В жалком сарае царил полный мир и тишина: бывало, что приходилось только следить за ходом той или другой операции... В нашем общем, едином увлечении мы жили как во сне. В этом дрянном сарае протекли лучшие и счастливейшие годы жизни, всецело посвященные работе. Нередко я готовила какую-нибудь пищу тут же, чтобы не прерывать ход особо важной операции. Иногда весь день я перемешивала кипящую массу железным шкворнем длиной почти в мой рост. Вечером я валилась от усталости...

Мне приходилось обрабатывать в день до двадцати килограммов первичного материала — и в результате весь сарай был заставлен большими химическими сосудами с осадками и растворами; изнурительный труд — переносить мешки, сосуды, переливать растворы из одного сосуда в другой, по несколько часов подряд мешать кипящую жидкость в чугунном тазу...»

Дочь Склодовской Ева дополняет этот рассказ своими подробностями:

«Мари обрабатывает килограмм за килограммом тонны урановой руды. Со страшным упорством в течение четырех лет она ежедневно перевоплощалась по очереди в ученого, квалифицированного работника, инженера и чернорабочего. Благодаря ее мозгу и энергии все более и более концентрированные продукты с большим и большим содержанием радия появлялись на ветхих столах сарая. В жалком, продуваемом со всех сторон сарае носится пыль с частицами железа и угля, которые примешиваются к старательно очищенным продуктам обработки, что приводит Мари в отчаяние. Пьеру так надоела эта бесконечная борьба, что он готов отказаться от нее. Он советует Мари сделать передышку. Но Пьер не учел характера своей жены. Мари хочет выделить радий и выделит...»

В 1902 году, спустя сорок месяцев с того дня, когда супруги Кюри заявили о вероятном существовании радия, Мария наконец одерживает победу.

Благодаря ее великим, бескорыстным и благородным стараниям мы имеем Хиросиму, Нагасаки, Семипалатинск, Неваду и Чернобыль. Во всей красе.

Думала ли эта упрямая славянка, чем обернется для человечества ее одержимость? Сначала и думать не могла, пока не увидела, по каким рукам пошло ее открытие.

Стоило ли так стараться и умереть от лейкоза?

(В Старом Мясте Варшавы, на улице Фрета, 16, где родилась Мария Склодовская-Кюри, есть небольшой музей. В нем фотографии разных этапов ее жизни, документы, памятные медали, награды, докторские

мантии. И отдельно стол с теми «кастрюльками», в которых она варила свою радиоактивную кашу.

Одна деталь бросилась мне в глаза: на всех групповых фотографиях Марии Владиславовны, где она снята вместе с великими учеными века, даже на тех, что сделаны в ее честь, она не в центре, а с краю или близко к краю.

Что это? Скромность Склодовской? Невежество или неосознанная амбиция великих мужей, всегда желающих быть в центре? Досадная, повторяющаяся случайность? Или подсознательное ощущение женщиной, а также мужчинами, негласного второстепенного женского места? — Л.В.)

В то же самое время другая семейная пара в Европе, попав из Шушенского в эмиграцию, и даже отчасти в том же Париже, где супруги Кюри выделяли радий, не зная отдыха, создает механизм, машину огромной разрушительно-созидательной силы, способную управлять человечеством, творит с самыми лучшими, как и Кюри, намерениями: во имя торжества человека, его будущего...

Говорит Крупская: «Ночи не спал Ильич, после каждого письма из России... Остались и у меня в памяти эти бессонные ночи. Владимир Ильич страстно мечтал о создании единой, сплоченной партии, в которой растворились бы все обособленные кружки со своими основывавшимися на личных симпатиях и антипатиях отношениями к партии, в которой не было бы никаких искусственных перегородок, в том числе и национальных...»

Удивительно близки процессы мертвой и мыслительной природы, лишь перевернуты: в первом

случае из огромной массы выделяется малое, но ценное, во втором — из малого создается огромное, но тоже ценное.

Годами, без сна и отдыха, Крупская, плохая домашняя хозяйка, замечательно работает на политической кухне: шаг за шагом, крупица за крупицей помогая Ленину собирать партию, трудится на износ.

Съезды сменяются конференциями, конференции — съездами. Она участвует в их организации во всех ипостасях: от механической работы до ораторской на трибунах, пишет свои собственные брошюры и книги, переписывает ленинские, секретарствует в ЦК РСДРП, делегатствует на самых важных собраниях, организует партийную школу в Лонжюмо, пишет статьи по вопросам педагогики, учит жить женщин — левых социалисток, в войну работает в комитете заграничных организаций среди пленных, разрабатывает проекты, составляет программы, участвует в выработках резолюций, заведует культурно-просветительной работой, сотрудничает в «Искре», «Пролетарии», «Рабочей газете», «Правде». Она многожильная. Не жалуется на усталость. Забывает себя в работе. Но никогда не забывает переживать Его усталость: «С самого начала съезда нервы Ильича были напряжены до крайности. Бельгийская работница, у которой мы поселились в Брюсселе, очень огорчалась, что Владимир Ильич не ест той чудесной редиски и голландского сыру, которые она подавала ему по утрам, а ему было и тогда уже не до еды. В Лондоне же он дошел до точки, совершенно перестал спать, волновался ужасно».

Иногда и он замечает ее бессонные ночи над бумагами и письмами в короткой строке письма к своей матери: «Надя устает немного».

Он ценит жену и соратницу: «Ильич лестно отозвался о моих следовательских способностях... я стала его усердным репортером. Обычно, когда мы жили в России, я могла много свободнее передвигаться, чем Владимир Ильич, говорить с гораздо большим количеством людей. По двум-трем поставленным им вопросам я уже знала, что ему хочется знать, и глядела вовсю», — писала Крупская спустя много лет после смерти Ленина, из скромности приоткрывая лишь часть своего самоотверженного служения всепожирающей идее, выраженной в Его лице.

«Она стояла в центре всей организационной работы, принимала приезжавших товарищей, наставляла и отпускала отъезжавших, устанавливала связи, давала явки, писала письма, зашифровывала, расшифровывала. В ее комнате почти всегда стоял запах жженой бумаги от нагревания конспиративных писем», — вспоминает Крупскую Троцкий в книге «Моя жизнь».

С талантливой точностью определила суть и особенность личности Крупской Александра Коллонтай в небольшой заметке, написанной к десятилетию со дня смерти Надежды Константиновны, та самая блистательная Коллонтай, которую не упрекнешь в нежном пристрастии к ленинской подруге жизни: «Когда Ленину пришлось долгие годы жить в изгнании, вдали от родины, руководя и оттуда работой партии, Надежда Константиновна была не просто его личным секретарем, а целым аппаратом (подчеркнуто мной. — Л.В.) Заграничного бюро партии».

Сомнительный комплимент женщине из уст женщины, но разве это женщина о женщине говорит?

Оглядываясь на минувший век, приходится признать, что без Крупской Ленин никогда не добился бы своих ошеломляющих успехов: взяв ВЛАСТЬ и не имея налаженной машины, он выпустил бы ее из рук.

Работа с человеческой рудой шла дольше и труднее, чем с радиоактивной. Но в обоих случаях сомнений в победе ученых и революционеров не было.

В обоих случаях двадцатое столетие получило два отлично подготовленных подарка: РАДИЙ и РЕВОЛЮЦИЮ.

В обоих случаях за спинами глобально мыслящих мужчин стояли невероятно трудолюбивые женщины.

Древнейшая коллизия мира: мужчина дает идею, женщина вышивает рисунок по его схеме, не имея своей.

В обоих случаях сегодня человечество еще не определилось: благодарить ли за подарки две выдающиеся семейные пары столетия или проклинать их.

В обоих случаях вряд ли определится человечество, ибо случилось лишь то, что должно было случиться.

В сравнении Скловской и Крупской, даже внешне отдаленно похожих, ощутим один и тот же масштаб разных личностей, определение которого вычерчивает фигуры огромной величины, независимо от конечного результата их работы и от симпатий или антипатий тех, кто смотрит на них, пытаясь разобраться, что же они такое.

Любовница Ленина?

— А что я знаю! — сказала мне подружка Аленка, оглядываясь по сторонам в маленькой комнатке, где, кроме нее и меня, никого не было. — Никому не скажешь?

— Клянусь!

— Честное пионерское? Под салютом всех вождей?

— Да!

— У Ленина есть любовница!

— Его самого давно нет.

— Ну, была, когда был.

— Врешь!

— Нет. Моя няня Настя дружит с Катькой. Она домработница у дочки любовницы Ленина. У нее еще до Ленина был муж. И много-много детей. Чуть не десять штук. Она их бросила и убежала с Лениным делать революцию.

— А Крупская как же?

— Не знаю...

Этот дурацкий разговор происходил в конце сороковых. Мы не были атомными детьми. Зато отлично знали, что в Америке голодают черные ребяташки, что за счастливое детство, какое бы оно ни было, нам нужно говорить спасибо товарищу Сталину и что дедушка Ленин хоть и умер, но вечно живой и каждый день завещает нам учиться, учиться и еще раз учиться. Коротенькое «еще раз» делало всю фразу не слишком серьезной и смешило: как так — «еще раз»?

Если с именем Сталина всегда было связано нечто грозно-грандиозное, то с именем дедушки Ленина ничего

особенно не связывалось. Он жил в нашем представлении сначала как хорошенький кудрявый ребенок, потом гимназист — белая статуя — одна рука оперлась на тумбу, другая лежит на ремне брюк; и, наконец, лысенький, с небольшой бородкой и прищуренными глазками, симпатичный старичок.

У него была любовница? А как же Крупская?

Она представлялась всегда одинаково скучной, седой, серо-синей глыбой, с вытаращенными глазами в очках.

Какая любовница, ведь они такие старые!

Лет через пять, совершенно забыв о сенсации Аленки, в подмосковной электричке, идущей из Пушкина, я услышала обрывок тихого разговора двух пожилых женщин.

— Арманд строил, потому и стоит. Были бы они сегодня, другая бы жизнь была.

— Какой человек! Инесса пятерых ему оставила. Всех воспитал.

— Стеша детей подняла. Ему ее Бог послал.

Они перешли на шепот, а в моей голове отпечатались два знакомых слова: Арманд, Инесса. Инесса Арманд — соратница Ленина и Крупской. Забыла и об этом разговоре. Средняя школа делала все, чтобы жизнь Ленина не вызывала к себе никакого любопытства. Общество должно было принять на веру мысль об идеальном Ильиче и не слишком задумываться над его жизнью.

Наконец, летом 1953 года, на даче Ивана Федоровича Попова, в первые же дни моей жизни там,

сидя за обедом рядом с бойким молодым режиссером, приехавшим к Попову, я вдруг замерла от вопроса режиссера, обращенного к Попову:

— Иван Федорович, это правда, что вы были близко знакомы с Инессой Арманд?

Попов быстро переглянулся с женой.

— В какой-то степени. Нас обоих сослали в Мезень. Потом вместе работали за границей в Интернационале...

— Напишем сценарий «Любовь Ленина»?

Лицо Попова напряглось.

— В каком смысле — любовь?

— В прямом. Вы же сами все понимаете. Покажем, как люди преодолевали чувства ради революционного долга.

Лицо Попова смягчилось:

— Не помню, чтобы чувства кто-то преодолевал ради революционного долга. О какой любви вы говорите? Не знаю.

Режиссер уехал несолоно хлебавши. Между Поповыми разгорелся скандал:

— Откуда ты взяла этого провокатора? Зачем привезла его?

— Но, Жан, он пристал как банный лист. Он был такой милый. Я не могла отказать. Я не так воспитана. Ну, ничего, ты ведь его отшил.

Люди из поколения Попова — конспираторы. Они прошли школу жандармской слежки, ленинской подозрительности, сталинской нетерпимости. Школу

большевистской опасливости и множества фигур умолчания.

В тот же вечер я связала одной ниткой рассказ Аленки о любовнице Ленина, разговор двух женщин в электричке и вопросы режиссера. Нужно спросить Ивана Федоровича про Инессу Арманд.

Красиво звучит имя: Инесса Арманд! Загадочно! Привлекательно! Одновременно возникает нечто и воздушное, и величественное.

За первым же нашим с Иваном Федоровичем «тайным» обедом он сказал:

— Инессу я знал более, чем кого бы то ни было из революционеров.

— Правда, она была любовницей Ленина?

Иван Федорович ничего не ответил. А в конце обеда назидательно, что редко делал, произнес:

— Запомни, жизнь значительно сложнее, чем может показаться, а слово — страшная сила. Неточное слово опасно для писателя. И вообще для человека. Инессу Арманд никак нельзя назвать любовницей Ленина. Это все гораздо, гораздо сложнее.

Попробую воспользоваться описанием Инессы Арманд, сделанным ее биографом, Павлом Подлящук: «Длинные косы уложены в пышную прическу, открыты маленькие уши, чистый лоб, резко очерченный рот и зеленоватые, удивительные глаза: лучистые, внимательно-печальные, пристально глядящие вдаль».

Трудно представить.

Фотографии? Разочаровывают. На фотографиях она кажется мне похожей на хищную птицу —

клювообразный нос, летящий профиль. В застылости фотоснимка лицо скорее отпугивающее, чем притягивающее к себе. Но, видимо, это лицо в движении, в разговоре, в улыбке, в сиянии глаз было неповторимо, неуловимо прекрасно, иначе не сходились бы в единодушном мнении все люди, хоть раз видевшие Инессу Арманд.

«Она была необыкновенно хороша».

«Это было какое-то чудо! Ее обаяния никто не выдерживал».

«Она своим очарованием, естественностью, манерой обращаться выжигала пространство вокруг себя. Все переставало существовать, когда появлялась Инесса, начинала говорить, улыбаться. Даже хмуриться».

Пятнадцати лет от роду две девочки, осиротевшие дочери французских актеров Натали Вильд и Теодора Стефана, приехали в Россию к своей тетке, которая давала уроки музыки и французского языка в богатой русской купеческой семье.

Еще и сегодня в подмосковных Пушкине, Ельдигине, Алешине помнят хозяев торгового дома «Евгений Арманд с сыновьями». Глава клана Евгений Евгеньевич Арманд был владельцем лесов, поместий, доходных домов в Москве, шерстоткацкой и красильно-отделочной фабрики в Пушкине, на двадцать восьмой версте от Москвы. Братья, сыновья и племянники Евгения Арманда вели коммерческие дела в России и за границей. Были Арманды обрусевшие французы, что, возможно, объясняет их особое пристрастие к двум девочкам, Инессе и Рене Стефан, появившимся в семье вместе с их тетушкой-гувернанткой.

Эти девочки, прямо из Парижа, такие хорошенькие, умненькие, изящные, прекрасные музыкантши, как диковинные пташки, влетели в семью Армандов, где их словно ждали юноши, готовые полюбить со всей страстью романтических сердец: трое сыновей Евгения Евгеньевича Арманда — Александр, Владимир, Борис. Разумеется, такие девочки, по законам тогдашней русской жизни, не годились в невесты братьям Арманд. Но, во-первых, братья были юношами очень прогрессивными, все их мысли, а позднее и поступки направлялись не на укрепление основ торгового дома «Евгений Арманд с сыновьями», а на расшатывание основ — особенно ярко выразили это всей своей жизнью Владимир и Александр; во-вторых, и, по-моему, в-главных, французское происхождение девочек Стефан явилось тем самым первоначальным очаровывающим фактором, устоять против которого не было никакой возможности.

Россия всегда смотрела на все иностранное как на чудесное. Быть может, виной тому — железный занавес на окне, глядящем в Европу и прорубленном из Европы Петром Первым? Во времена моей молодости, в 50—60-х годах XX века, для юноши из преуспевающей, скажем, московской писательской семьи было великим успехом и престижем жениться на молоденькой иностранке, работавшей нянькой в аккредитованной в СССР посольской семье. Это давало запасные связи и открывало такому юноше тропинку на Запад или даже широкую дорогу, если юноша обладал каким-либо дарованием в области искусств общедоступного характера: балете, музыке, кино, живописи.

В дни же юности братьев Арманд, не нуждающихся в невестах «на выезд», образ юной француженки как бы

намекал на искру от пламени Великой французской революции. Эдакая Марианна с баррикады. Инесса вполне могла напомнить ее.

Инесса вышла замуж за Александра Арманда, Рене — за Бориса.

Для того чтобы в какой-то степени понять обрусевшую и революционизированную Инессу, следует обратиться, мне кажется, к великой русской художественной литературе, во многом сформировавшей мировоззрение молодежи конца XIX — начала XX века. Инесса и сама признается, что на ее образ мыслей наложили отпечаток взгляды Льва Толстого. Она пишет: «Некоторые его фразы и характеристики как-то запечатлеваются на всю жизнь, иногда даже дают ей направление. Например, в „Войне и мире“ есть одна фраза, которую я прочитала, когда мне было 15 лет, и которая имела огромное влияние на меня. Он там говорит, что Наташа, выйдя замуж, стала самкой. Я помню, эта фраза показалась мне обидной, ужасно обидной, она била по мне, как хлыстом, и она выковала во мне твердое решение никогда не стать самкой — а остаться человеком».

Заглянем в «Войну и мир»: «Она пополнела и поширела, так что трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу. Черты лица ее определились и имели выражение спокойной мягкости и ясности. В ее лице не было, как прежде, этого непрестанно горевшего огня оживления, составлявшего ее прелесть. Теперь часто видно было одно ее лицо и тело, а души вовсе не было видно. Видна была одна сильная, красивая и плодовитая самка. Очень редко зажигался в ней теперь прежний огонь. Это бывало

только тогда, когда, как теперь, возвращался муж, когда выздоравливал ребенок или когда она с графиней вспоминала о князе Андрее (с мужем она, предполагая, что он ревнует ее к памяти князя Андрея, никогда не говорила о нем) и, очень редко, когда что-нибудь случайно вовлекало ее в пение, которое она сама совершенно оставила после замужества. И в те редкие минуты, когда прежний огонь зажигался в ее развившемся красивом теле, она бывала еще более привлекательна, чем прежде».

Что же тут, скажите, плохого написано про Наташу Ростову? И почему же такая ее трансформация, столь типичная для женщины, возмущала в юности прелестную француженку, которая тем не менее, войдя в возраст, повторила судьбу Наташи: вышла замуж, была некоторое время счастлива в браке, нарожала деток Александра, Федора, Инессу, Варвару. Разве же это не одна из главных миссий любой женщины: дать жизнь? Что тут обидного?

Во времена молодости Инессы пробудившееся женское общественное сознание жаждало активной деятельности. Женщина бежала не в дом, к очагу — а из дому. Это было поветрие. Знамение времени. Закономерность тогдашнего бытия. И это сыграло свою роль в формировании того типа женщины-мутанта, который прошел позднее со своими нерешенными проблемами через весь двадцатый век, неся знамена мужской борьбы, как свои собственные.

Лишь сегодня, возможно, наступает пора отрезвления.

Наступает ли?

Инесса, не принимая женского образа Толстого, всем сердцем приняла, однако, другой женский образ, который не одной Инессе вошел в сердце. Он, как известно, натворил в жизни русских людей немало чудес: Вера Павловна Лопухова-Кирсанова из романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?».

Это она, литературное воплощение Ольги Сократовны, жены Чернышевского, сумела, как никто, повлиять на любовные треугольники реальной жизни: одна женщина и двое любящих ее мужчин.

И все трое счастливы!

Двое мужчин любят тебя одну и готовы ради тебя на всяческие подвиги. Какой женщине не понравится такая ситуация?

Счастливая и благополучная жена Александра Арманда, старшего среди братьев, могла далеко не глядеть в поисках третьего угла треугольника, она его и не искала: брат ее мужа Владимир Арманд, в своих революционных воззрениях пошедший дальше старшего брата, исповедовавший социал-демократию, оказался очень близок Инессе. Они полюбили друг друга. Благородный Александр отпустил любимую жену с четырьмя детьми, и она поселилась с новым мужем на Остоженке в Москве для новой, прекрасной, счастливой жизни. Пятый ребенок Инессы — Андрей — был сыном Владимира Арманда.

Владимир, попав под революционное влияние Инессы, безоговорочно принял ее взгляды и пошел за нею, куда она повела его. Путь привел в тюрьму, ссылку, эмиграцию. Схема Чернышевского срабатывала полностью. Бывший муж, Александр Арманд, продолжал любить Инессу, помогал как мог: выкупал ее из тюрьмы,

взял всех детей, когда она пошла по тюрьмам и ссылкам, выполнял все ее желания. Новый муж, Владимир, идя за женой в ссылку, терпел лишения, тоже выполнял все ее желания.

А она? Была ли счастлива женщина, построившая любовный треугольник самым благоприятным для себя образом?

Осенью 1908 года Инесса пишет из мезенской ссылки своим друзьям Аскнази: «Разлад между интересами личными или семейными и интересами общественными является для современного интеллигента самой тяжелой проблемой, так как сплошь да рядом приходится жертвовать либо тем, либо другим, да и кто из нас не стоит перед этой тяжелой дилеммой? И как ни вырешись, одинаково тяжело».

Через несколько дней после того, как было написано это письмо, Инесса бежит из мезенской ссылки, некоторое время проводит в Москве, встречается с детьми, находящимися на попечении Александра Арманда, и нелегально, через Финляндию, бежит за границу, где ее должен ждать заранее уехавший Владимир Арманд. Оттуда она пишет другое письмо тем же Аскнази: «Я, конечно, не подозревала, что ему так худо, и думала, что предстоит лишь небольшая операция — вскрытие нарыва... через две недели после моего приезда он умер. Для меня его смерть — непоправимая потеря, так как с ним было связано все мое личное счастье, а без личного счастья человеку прожить очень трудно».

Но в этом же письме она сообщает о своих намерениях, касающихся совсем иного счастья: «...переехала в Париж — хочу попытаться здесь

позаниматься. Хочу познакомиться с французской социалистической партией. Если я сумею, смогу все это сделать, то наберу хоть немного опыта и знаний для будущей работы».

Революционерка Инесса, один раз встав на путь, с пути не сворачивает.

«Где эта прелестная моложавая вдова, медленно приходящая в себя от потери любимого мужа, познакомилась с Лениным? — интересуются исследователи. — В парижском кафе среди социал-демократов или в эмигрантской дешевой столовке? В русской библиотеке на улице Гобелен или в партийной типографии на улице Д'Орлеан? В Брюсселе, где наконец поселилась Инесса, а Ленин приезжал для участия в сессии Международного социалистического бюро?» Известно, что знакомство состоялось в 1909 году.

— Иван Федорович, — выбираю я удачный момент, — у Инессы был роман с Лениным?

— Роман — Арманд, рифма, — закатывает Попов к потолку свои карие глаза. — Вокруг нее всегда царила атмосфера красоты, поэзии, влюбленности.

— Так был у Инессы роман с Лениным?

Попов следит бархатными глазами, как большой мохнатый паук движется по своей невидимой нити между потолком и абажуром.

— Ты боишься пауков?

— Нет.

— Надо его смахнуть. Поди принеси щетку.

Он начинает рассказывать: в Мезени Инесса жила со вторым своим мужем Владимиром, что называется, душа

в душу, и все вокруг любовались их отношениями. Но все были влюблены в нее. Она давала уроки французского ему, молодому Попову, и кокетничала с ним напропалую, но в ее кокетстве просматривалась граница, за которую нельзя было переступать. Кокетство ради кокетства — чисто французская черта.

— Вы были влюблены в нее?

— Разумеется. Невозможно не влюбиться.

— Как она относилась к вам?

— Замечательно. Дала мне рекомендацию к Ленину, когда я приехал в эмиграцию, бежав из ссылки. В эмиграции мы с ней особенно сблизились.

— Что значит «особенно сблизились»?

Попов слегка щурится, улыбается:

— Как революционеры.

— Иван Федорович, Инесса когда-нибудь говорила о своем любовном треугольнике в семье Арманд?

— Да. Считала, что смерть Владимира — божья кара за Александра.

— Она? Марксистка?

— Ну и что? Мы говорили о любви. Инесса Федоровна уверяла, что физическое влечение часто не связано с сердечной любовью.

— Вы ей возражали?

— Нет. Она сказала — это было в двадцатом году, — что в ее жизни только однажды эти два чувства совпали: по отношению к Владимиру Арманду. И я был не один при этом разговоре. Человек пять нас было.

— Все-таки был у Инессы роман с Лениным?

— У Инессы Федоровны? Упаси бог! Она любила его как своего Учителя. Мало кто знает, что с книги Ленина «Развитие капитализма в России» — Инесса Федоровна прочла ее, еще живя у Армандов в имении, — началось ее революционное прозрение. Она поверила Ленину как никому. Пошла за ним. Сначала заочно. Потом рядом.

— Но это могло лишь способствовать роману.

— Слушай, ты мне надоела, — говорит Попов, — не было у нее романа с Лениным.

Попов рассказывал:

— Одно время в Женеве мы жили в одном доме: Владимир Ильич и Надежда Константиновна наверху, я — внизу. Он работал днем и ночью. Она говорила мне: «У него железная дисциплина. Организм как часы: увидите, дня через три-четыре сам прервется, и мы с ним уйдем в горы».

Так и было: ровно через четыре дня, утром они ушли. С рюкзаками. Куда — не сказали. Вернулись через двое суток, похудевшие, с исцарапанными руками, но веселые и отдохнувшие.

«Вы удирали от диких зверей в зарослях?» — удивился я, показывая на их руки.

Надежда Константиновна ответила: «Этот человек ни в чем не знает удержу. Вошел в лес, вошел в раж, должен пройти лес до конца».

Вечером наша хозяйка-швейцарка сказала мне: «Господин Ульянов очень страстен. Вы заметили синяки на шее его жены? Это от поцелуев. Не спорьте, я знаю. Они давно поженились?»

Я ответил, что живут вместе уже второй десяток.

«Бывает», — мечтательно вздохнула она.

За ужином я украдкой посматривал на шею Надежды Константиновны: заметил несколько пятен, похожих на комариные укусы. Она их почесывала.

«Вас в лесах заели комары?» — поинтересовался я.

«Ильича они не едят, боятся, а ко мне равнодушны», — улыбнулась Надежда Константиновна.

Если бы она знала, какие подозрения эти пятна вызвали у нашей хозяйки! Впрочем, Крупская не была ханжой: любила показывать нам с Владимиром Ильичом красивых женщин на улицах, любовалась вместе с нами и спорила, какая лучше. Наши вкусы с ее вкусами часто не совпадали, и она говорила: «Женский взгляд иной. Женщине в женщине нравится скромность, а мужчину привлекает яркость. Нужно учиться видеть душу друг в друге, а не внешнее».

Мне, по молодости, эти слова показались назидательными и скучными.

Если швейцарская хозяйка дома, где жили Ульяновы и Попов, посчитала, в определенном смысле, Владимира Ильича страстной натурой, то Иван Федорович считал таковой Надежду Константиновну, но в ином смысле.

— Страстная большевичка, страстный боец революции, страстная в работе. При этом она никогда ничего не демонстрировала и была, пожалуй, самым естественным человеком, каких я когда-либо встречал.

— Она была вам интересна как собеседница? — не отставала я от Попова.

— Нет. Я видел в ней часть Владимира Ильича. Не больше, хотя она была много больше.

— Она не вызывала в вас чувства жалости?

— В разное время по-разному. В Женеве и Брюсселе, конечно, нет. Напротив. Я замечал — она порой относилась к Ильичу с легкой иронией, если он начинал рассуждать на бытовые темы. «Зря вы его слушаете, — сказала она однажды, — Володя, как щедринские генералы, уверен, что булки растут на деревьях». А после его смерти, спустя годы, я жалел ее, но издали, зная, что она не позволит себя пожалеть.

— Учти, — сказал мне Попов, — я безгранично любил его. Весь день двадцать пятого января четырнадцатого года я провел с ним в Брюсселе. Он приехал из Парижа. И попросил прилечь, отдохнуть. Я принес ему плед, укрыл. Он уснул мгновенно. А я сидел в соседней комнате и думал, что если понадобится мне умереть за него — с радостью умру. Так-то вот. Тогда у меня был полный любовный крах — дочь моей хозяйки Жанна, по которой я помирал, собралась замуж за другого. Приличного, добропорядочного бельгийца. Я не понимал, как это она предпочла меня кому-то. Меня! Жалкого эмигранта, политического ссыльного! Дурак, думал — меня можно любить ни за что. И Ленин в этот день сразу почувствовал мои неприятности.

«Вы что-то немножко не тот стали? Вы чем-то расстроены? Где причина?» — «Никакой причины нет». — «Если верно, что не знаете причины, тем хуже. Всегда нужно найти причину. И быстро ее устранить. Да вы и сами это знаете, но что-то скрываете и хитрите».

Мне не хотелось рассказывать ему о своих любовных неприятностях. И я замял разговор.

Лишь накануне его отъезда он вдруг спросил меня: «Почему я в этот приезд ни разу не встречал дочь мадам Артц? Где Жанна? Уехала куда-нибудь?» — «Разве я сторож Жанны, Владимир Ильич? Да и не будем об этом говорить. Это не стоит вашего внимания».

В дверях квартиры мы неожиданно столкнулись с хозяйкой и Жанной. Обе провожали гостя. Когда поднялись наверх в мою комнату, я сказал: «Ну вот вы и встретили Жанну. Это был ее жених, она выходит замуж».

Я стал искать спички, чтобы зажечь газовую лампочку, и само вырвалось: «Как бы я хотел убежать отсюда, ничего не видеть, не слышать!»

Владимир Ильич не отозвался. Раскрыв чемодан, он сказал: «Не опоздать бы к поезду. Вы спуститесь-ка, расплатитесь за меня с хозяйкой, а я чай приготовлю. И не поднимайтесь, я погашу газ, закрою комнату, и мы сойдемся вниз».

Я проводил его на вокзал, посадил в поезд, вернулся, войдя в комнату и зажегши свет, увидел посреди стола записку. На записке деньги.

«Вам надо уехать отсюда, — писал Ленин. Слово „надо“ было дважды подчеркнуто. — Поезжайте немедленно к семье Инессы Арманд, они уехали на западное побережье в Сан-Жан-де-Мон. Рассейтесь там, отдохните. Я телеграфирую о вашем приезде. Зная, что у вас, как всегда, нет денег, оставляю вам двести франков».

А за подписью еще приписка, почерком помельче — на бумаге оставалось мало места: «И советую вам утопить ваши неприятности в океане».

— И вы поехали?

— Поехал.

— Утопили неприятности?

— Утопил. Мы с Инессой занялись работой.

— Так все-таки был у Ленина роман с Инессой?

— А вот это другой вопрос.

— Почему другой?

— Раньше ты спрашивала, был ли у Инессы роман с Лениным.

— И вы сказали: ни в коем случае. А у Ленина с Инессой, значит, был?

— Конечно, был.

— Настоящий роман? Расскажите. А как же Крупская?

— У нее тоже был своего рода роман с Инессой. Если это так можно назвать. Они обе, и Надежда Константиновна, и Елизавета Васильевна, с первой минуты знакомства окружили Инессу своим вниманием. У каждой были с Инессой свои отношения. Елизавета Васильевна проводила с Инессой часы за разговорами.

— Что их связывало?

— Представь, многое. Обе, в отличие от Надежды Константиновны, были отчасти барыни. Этого хватало для общих тем. Умная Елизавета Васильевна видела, что в Инессу нельзя не влюбиться, ну и по-своему, через

дружбу с соперницей, оберегала свою Надю. И обе курили.

— Значит, все-таки было между Лениным и Арманд?

— Я свечу не держал.

Крупская — великий конспиратор. Умела затемнить и замолчать все, что угодно, лишь бы ее главная цель — победа революции — осуществлялась по намеченному плану. Если Ленину суждено было влюбиться в Инессу Арманд и это помогало делу революции, Крупская поднялась бы выше обывательских представлений о любви, супружеской верности и собственной женской гордости.

Пытаясь разглядеть треугольник: Ленин — Крупская — Арманд, я позвонила женщине-историку, которая посвятила изучению жизни и деятельности Крупской всю свою жизнь.

— Только, пожалуйста, не пишите, что Арманд любовница Ленина. Это такая чушь! Это неправда! Надежда Константиновна была очень гордым человеком, она не потерпела бы, она ушла бы, она не стала бы мешать их любви.

Сомневаюсь. Зная твердый характер Крупской, трудно себе представить, что она способна проявить гордость или унизиться перед соперницей, которая прежде всего — соратница. И помощница. И куда, спрашивается, ей уходить? От революции? От своей великой мечты, которую воплощает он? Из-за другой?

Умные женщины, желающие «держать мужа на длинном поводке», отлично умеют сделать подругой его возлюбленную и использовать ее в своих интересах — в

данном случае общих, революционных. Возможно, они при этом страдают, почему бы нет — живые люди.

«В 1910 году в Париж приехала из Брюсселя Инесса Арманд и сразу же стала одним из активных членов нашей парижской группы, — писала Крупская, объясняя будущему человечеству, как все надо понимать, — она жила с семьей, двумя девочками и сынишкой. Она была очень горячей большевичкой, и очень быстро около нее стала группироваться наша парижская публика».

В то самое время у Надежды Константиновны появилась своя душевная забота: в Париже объявился Виктор Курнатовский, за десятилетие, что они не видались, побывавший во многих ссылках, на каторге, приговоренный к смертной казни, сумевший бежать из Нерчинска в Японию, оттуда в Австралию, где жил в нужде, был лесорубом, надорвался и еле достиг Парижа.

«Исключительно тяжелая доля скрутила его вконец, — пишет Крупская о Курнатовском. — Осенью 1910 года по его приезду мы с Ильичом ходили к нему в больницу — у него были страшные головные боли, мучился он ужасно... Потом он поправился немного. Попал он к примиренцам и как-то в разговоре стал говорить тоже что-то примиренческое. После этого у нас на время расстроилось знакомство...»

Как же много может сказать женщина, если хочет что-то скрыть! Невольно вспоминается жестокий разрыв Ленина со «стариками»-народовольцами в Шушенском: любое другое мнение грозит разрывом с ним — он признает только согласие с собой. Нетрудно представить, что Курнатовский в результате тягот жизни, которые Ленину и не снились, мог наконец-то примириться с

жизнью, но непримиримого Ильича это не устраивало. А раз Ильича, то, стало быть, и Крупскую?

Да, в любом другом случае она и не вспомнила бы о человеке, рассердившем Ильича. Но это был Курнатовский, ее маленькая тайна. Для него она сделала исключение.

«Я зашла раз к нему, — вспоминает Крупская, — он нанимал комнатку на бульваре Монпарнас, занесла наши газеты, рассказала про школу в Лонжюмо, и мы долго проговорили с ним по душам. Он безоговорочно соглашался уже с линией Центрального Комитета. Ильич обрадовался и последнее время частенько заходил к Курнатовскому. Осенью 1912 года, когда мы уже были в Кракове, Курнатовский умер».

Писатель Марк Алданов в одном своем документальном романе рассказывает о страданиях и слезах Крупской, наблюдавшей за развитием отношений Ленина и Арманд. Если принять точку зрения Алданова и поверить, что Крупская в 1910 году страдала от ревности, то ее приход к Курнатовскому, вполне возможно, облегчил переживания?

Склонна я думать другое: по характеру скрытная, не позволяющая пятнышку появиться на белоснежной репутации своего вождя, Надежда Константиновна вряд ли искала у Курнатовского сочувствия своей ревности, даже если она и была, просто хотела бывать у Курнатовского, пусть уже старого и безнадежно больного, говорить по душам, помогать ему. Она хотела его видеть — вот и все.

А Курнатовский быстро и «безоговорочно соглашался с линией Центрального Комитета» просто потому, что хотел видеть у своей постели пусть

постаревшую и подурневшую, но ту Наденьку Крупскую, впечатление о которой в долгих скитаниях согревало его душу. Ради столь скромного, едва ли не последнего желания с чем не согласишься?

Позднее, в 1912 году, в Поронине и Кракове, проводя много времени в обществе Инессы, Крупская вспоминала: «В середине конференции в Поронин приехала Инесса Арманд... у нее были признаки туберкулеза, — но энергии у ней не убавилось. С еще большей страстностью относилась она ко всем вопросам партийной жизни. Ужасно рады были мы, все краковцы, ее приезду...»

Сама Крупская тогда тоже нездорова: обостряется старая болезнь — «базедка» (так Надежда Константиновна во всех письмах к родным называла тиреотоксикоз. — Л.В.). Тюрьмы, ссылки, скитания по чужим городам подрывают здоровье женщин революции. Но какое это имеет значение, если они служат общему делу?

«Осенью мы все, вся наша краковская группа, очень сблизилась с Инессой. В ней много было какой-то жизнерадостности и горячности. К Инессе очень привязалась моя мать, к которой Инесса заходила часто поговорить, посидеть с ней, покурить. Уютнее, веселее становилось, когда приходила Инесса... Она много рассказывала мне в этот приезд о своей жизни, о детях, показывала их письма, и каким-то теплом веяло от ее рассказов... Инесса была хорошая музыкантша, сагитировала сходить всех на концерты Бетховена, сама очень хорошо играла многие вещи Бетховена. Ильич особенно любил *Sonate pathetique*, просил ее постоянно играть — он любил музыку».

Внезапно Арманд покинула Польшу.

Крупская так объясняет отъезд Инессы: «Сначала предполагалось, что Инесса останется жить в Кракове, выпишет к себе детей из России; я ходила с ней искать квартиру даже, но краковская жизнь была очень замкнутая, напоминала немного ссылку. Не на чем было в Кракове развернуть Инессе свою энергию, которой у нее в этот период было особенно много...»

Может быть, именно здесь произошел разрыв любовного треугольника, чтобы окреп треугольник революционный?

«...Решила Инесса объехать сначала наши заграничные группы, прочесть там ряд рефератов, а потом поселиться в Париже, там налаживать работу нашего комитета заграничных организаций. Перед отъездом ее мы много говорили о женской работе. Инесса горячо настаивала на широкой постановке пропаганды среди работниц, на издании в Питере специального женского журнала для работниц...» — утверждает Крупская отъезд Инессы.

Но не все просто.

В декабре покинувшая Польшу Инесса присылает Ленину письмо из Парижа: «Дорогой, я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, говорить с тобой иногда, было бы радостью — и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты „провел“ расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя».

Она не хотела расставаться? Не хотела уезжать из скучной, замкнутой краковской жизни?

«Это никому не могло бы причинить боль», «ты сделал это не ради себя» — о ком это?

Надежда Константиновна?

В июле 1914 года Ленин пишет Инессе: «Пожалуйста, привези, когда приедешь (т.е. привези с собой), все наши письма (посылать их заказным сюда неудобно: заказное письмо может быть легко вскрыто друзьями)...»

Пожалуйста, привези все письма, приезжай сама, и мы поговорим об этом».

В чьи руки не должны попасть письма? Кто такие друзья? Соратники или охранка? О ком это?

Надежда Константиновна?

Итак, попробуем думать, что с 1909 года у ленинской революции место Возлюбленной революции было прочно занято. Возлюбленная вместе с Женой работала на революцию не покладая рук. Возлюбленная моталась по Европе как большевистская связная, писала статьи для большевистских изданий, работала по организации съездов и конференций, переводила с языка на язык несметное количество чужих статей революционного содержания и множество документов, она сидела в европейской тюрьме за свою деятельность, причем в тяжелейших условиях. Возлюбленная революции делала для нее так же много, как Жена революции, но вряд ли испытывала необходимость взять на себя еще и весь быт Владимира Ильича, кое-как улаженный неумелой Крупской вместе со своей умелой матерью. Возлюбленная понимала, что семейное соединение ее с Лениным может оказаться если не гибельным, то неудобным для русской революции: ни

пятнышка не должно замарать прославленную жилетку Ильича. Всем троим лучше было ничего не менять.

Конец 1914-го — Ульяновы живут в Берне, Инесса — тоже. Июль-август 1915-го — втроем отдыхают в горном пансионате «Мариенталь».

1916 год — после смерти матери Крупской Инесса заботится «об Ильичах».

Из «записной книжки» Ивана Федоровича Попова

— Ты точно запомни, не записывай, пусть будут другие слова, но запомни смысл. Моя жизнь была связана с Инессой очень сильно, я бы сказал, кровно, насмерть. В определенный период нашей жизни, в тысяча девятьсот шестнадцатом году, мы вместе с ней решили: наши взгляды на революцию требуют пересмотра.

Мы ни с кем не говорили, только друг с другом, но оба пришли к тому, что Ленин слишком категоричен в суждениях, слишком далеко идет. Оба считали, что отечество нужно защищать, а не превращать войну империалистическую в гражданскую. Тогда Инесса напомнила мне про ленинскую месть Романовым за брата и предположила в его отношении к самодержавию много личного.

А я вспомнил, как Ленин, когда был у меня в Брюсселе, однажды рассказывал, что уезжал на лодке по Волге с братом Сашей и над рекой стелилась песня. Он вспомнил казненного Сашу, помолчал и вдруг, как бы про себя, не обращаясь ко мне, прочитал строфу из пушкинской оды «Вольность».

Самовластительный злодей,

Тебя, твой род я ненавижу,

Твою гибель, смерть детей

С жестокой радостью увижу.

Инесса шесть раз рожала (да, да, я точно запомнила, Попов сказал, шесть раз. — Л.В.), ей, как матери, страшны показались и пушкинские строки, и то, что Ленин их процитировал в связи с воспоминанием о Саше.

Мы долго говорили с ней. Она решила написать Ленину о своих сомнениях.

Написала и получила ответ, после которого сказала мне:

«Уходи, Жан, уходи и не оглядывайся. Ты молод, слабоват характером, поэтичен. Все это не для тебя. Пиши книги и люби жизнь, если сможешь. А мне отступать некуда. Я под его гипнозом навсегда. Мне нельзя иначе. Если отступлюсь, значит, все мои жертвы были напрасны и жизнь прошла зря».

Спустя много лет я прочитала в известном ленинском письме к Инессе Арманд: «Насчет защиты отечества. Мне было бы архинеприятно, если бы мы разошлись. Попробуем еще раз спеваться».

Это был ответ на письмо Инессы, готовой в 1916 году стать вместе с Поповым на позиции обороны отечества.

Она спелась. Не ослушалась своего Вождя.

Попов ушел к «оборонцам», и на этом кончился большевистский период его жизни. Дружбы с Инессой не прекратил.

Два треугольника составила Инесса в своей запутанной и бурной жизни: любовный и революционный.

Итог любовного треугольника она выразила в письме бывшему мужу и другу всей ее жизни Александру Арманду: «Я только теперь поняла вполне, как я была избалована жизнью, как я привыкла быть окруженной людьми, которые мне близки, которых я люблю и которые любят меня. И когда я подумаю о том, как мне стало невыносимо тяжело, когда я очутилась совсем одинокой, тогда как столько людей всю жизнь одиноки, мне стало даже неловко перед самой собой».

Революционный треугольник завершился ошеломляющим известием о Февральской революции, пломбированным вагоном через Германию в Россию и тысячными толпами на улицах Петрограда. Ленин на броневике, бросающий в массы лозунг: «Да здравствует мировая социалистическая революция!», а внизу, за его спиной, кажущаяся массивной фигура Крупской и рядом худенькая, изящная Инесса — вся порыв или, как писал о ней один восторженный большевик, «горячий костер революции».

После Октября революционный треугольник окончательно обосновался в Москве. Ходили, и по сей день не исчезли, слухи о намерении вождя революции наконец-то соединить свою жизнь с Инессой и даже об отрицательном решении Политбюро по этому вопросу.

Живет сегодня и слух о намерении Крупской самой уйти от Ленина, отдать его Инессе.

Есть и такое: Крупская требовала переселить Инессу Арманд из Москвы в провинцию, дабы все было спокойно.

Много лет посвятившая жизни Надежды Константиновны исследовательница, вынужденная видеть ее сквозь розовые очки, сегодня позволяет себе быть откровенной: «В девятьсот десятом Ленин явился в Стокгольм на встречу с матерью и привез Инессу. Маман плохо — а как же Надя? Но роман был быстротечный. Он не очень афишировал эту связь, чувствовал, что она любвеобильна, окружена мужчинами — он привык властвовать один. Она? Тут посложнее: она иногда афишировала, хотела подчеркнуть свою близость к нему, как к вождю, но на перемене жизни не настаивала: эмигрант, без денег плюс Надя висела, как груз на ногах. И хоть они, как возлюбленные, расстались задолго до революции, она вскоре после Октября устроила ему истерику, ей хотелось быть первой леди. Он было задергался, Надя умно повела себя. Помните фразу из ее воспоминаний: „Володя пошел к Инессе на Остоженку один, без охраны, я ему за это попеняла“. Крупская даже хотела тихо отойти, отдать его Инессе. В девятнадцатом году поплыла на пароходе (имеется в виду поездка Крупской на агитационном пароходе „Красная звезда“ по Волге до Камы и обратно. — Л.В.), он перепугался и послал за ней. К чему были ему такие стрессы и полная ломка жизни — он достиг всего, о чем мечтал. Оставалось закрепить мечту».

Жизнь замечательных людей тем и замечательна, что ее можно трактовать как угодно и натягивать, словно безразмерный чулок, на понятия трактователей.

Инесса, по собственному желанию лишившая себя когда-то положения одной из самых богатых жен России и ставшая одной из главных русских революционерок, вдруг захотела в жены к вождю? Независимая Инесса? Возможно ли? Все, конечно, возможно, но трудно поверить.

Жена, возвращенная Лениным с парохода, пишет: «В конце 1919 года к нам часто стала приходиться Инесса Арманд, с которой Ильич особенно любил говорить о перспективах движения. У Инессы старшая дочь уже побывала на фронте, чуть не погибла... Помню, как Инесса пришла к нам однажды с младшей дочерью Варей, совсем тогда молодой девушкой... и Ильич при них, как я по старинке выражалась, „полки разводил“; помню я, как поблескивали глаза у Варюшки».

Сколько же уверенности в себе и в нем за этими строками, снисходительного отношения к нему и сколько безразличия ко всему, что относится к полу. Присутствует лишь гордость за своего Ильича, революционные разговоры которого волнуют девушку Варю.

Во многих документах показана совместная дружная работа Крупской и Арманд в подготовке международной женской конференции 1920 года.

«Инесса еле держалась на ногах. Даже ее энергии не хватило на ту колоссальную работу, которую ей пришлось провести», — свидетельствует Крупская.

После конференции друзья, и в первую очередь Ленин, уговорили Инессу поехать отдохнуть. Он пишет ей: «Если не нравится в санатории, не поехать ли на юг? К Серго (речь идет об Орджоникидзе. — Л.В.), на Кавказ? Серго устроит отдых, солнце, хорошую работу, наверное,

устроит (и на отдыхе она не может без работы. — Л.В.). Он там власть. Подумайте об этом? Крепко жму Вашу руку. Ваш Ленин».

И это все, что мог бросить к ногам предполагаемой возлюбленной новый властелин России? Немного. Непохоже на роскошества монархов. А ведь она действительно была бесподобно хороша — среди большевиков бродила шутка: Инессу Арманд нужно включить в учебник по диамату как образец единства формы и содержания.

Новые времена имели новую шкалу ценностей: женщина перестала быть предметом мужских забав, она стала его помощником в работе. Такая роль вполне удовлетворяла Инессу, положившую жизнь на идею равноправия женщин.

Она вняла ленинскому совету, поехала на Кавказ, там заразилась холерой, и 23 сентября 1920 года ее не стало.

Есть воспоминание, сказавшее мне о троих много больше всех писем и сплетен. Старая большевичка Елизавета Драбкина в очерке «Зимний перевал» вспоминает, как участвовала в отряде особого назначения по обезвреживанию савинковцев, стремившихся свергнуть советскую власть.

«Ночь была по-осеннему сырой и темной. Мы сильно продрогли и с нетерпением ждали утра.

Уже почти рассвело, когда, дойдя до почтамта, мы увидели движущуюся нам навстречу похоронную процессию. Черные худые лошади, запряженные цугом, с трудом тащили черный катафалк, на котором стоял очень

большой и поэтому особенно страшный длинный цинковый ящик, отсвечивающий тусклым блеском.

Стоя у обочины, мы пропустили мимо себя этих еле переставлявших ноги костлявых лошадей, этот катафалк, покрытый облезшей черной краской, и увидели идущего за ним Владимира Ильича, а рядом с ним Надежду Константиновну, которая поддерживала его под руку (выделено мной. — Л.В.). Было что-то невообразимо скорбное в его опущенных плечах и низко склоненной голове. Мы поняли, что в этом страшном ящике находится гроб с телом Инессы».

Какая деталь: Крупская поддерживала Ленина, а не Ленин — Крупскую. Это было ЕГО горе. Не ЕЕ.

«Инессу хоронили на следующий день, на Красной площади. Среди венков, возложенных на ее могилу, был венок из живых белых цветов с надписью на траурной ленте: „Товарищу Инессе от В.И.Ленина“».

Революционерка Анжелика Балабанова, бывшая в то время секретарем Третьего интернационала, описала Ленина в день похорон Инессы: «Не только лицо Ленина, весь его облик выражал такую печаль, что никто не осмеливался даже кивнуть ему. Было ясно, что он хотел побыть наедине со своим горем. Он казался меньше ростом, лицо его было прикрыто кепкой, глаза, казалось, исчезли в болезненно сдерживаемых слезах. Всякий раз, как движение толпы напирало на нашу группу, он не оказывал никакого сопротивления толчкам, как будто был благодарен за то, что мог вплотную приблизиться к гробу».

Прах Инессы заключили в Кремлевскую стену, среди знаменитых, прославленных большевиков: этим актом

вождь революции поблагодарил ее за все свершившееся и не свершившееся в их сложной жизни на этой земле.

Александра Коллонтай считала: смерть Инессы ускорила смерть Ленина, он не смог пережить ее ухода.

Это чисто женское понимание сильного мужского характера справедливо лишь в том, что, возможно, смерть Инессы была каплей, переполнившей чашу переживаний вождя революции, сделавшего свое дело. Он создал механизм разрушения старой системы. Он ее разрушил. Предстояло начинать строительство новой системы с помощью созданного им механизма. Но ломать — не строить. Для этого требовались новые фигуры. Они уже дышали Ленину в спину, ожидая своего часа, им уже не терпелось начать то, чего не мог начать Ленин. Энергия ленинского гения была на исходе. Его психология дворянина средней руки не справлялась с жестокостью, провозглашенной им самим.

Инесса Арманд, прелестная девушка, француженка, очаровательная жена богача Арманда, одинокая ссыльная, пламенная революционерка, истая большевичка, верная ученица Ленина, многодетная мать, жрица свободной любви, загнавшей ее в капкан невероятных переживаний, ушла в мир иной и звала его оттуда, и, может быть, там вопреки их атеизму они соединились.

Она ушла, они ушли — а вопросы и загадки, сплетни, легенды и пересуды остались.

Говорили, что Инесса бросила на руки бывшему мужу всех своих детей. Это обсуждалось и осуждалось.

Однако все ее дети до дрожи любили свою мать. Встреча с нею была праздником. Письма от нее были

радостью. И уходила-то она от детей не по своей воле — в тюрьму, ссылку, эмиграцию. Пользовалась каждой возможностью увидеть их. Выписать к себе. Поехать к ним.

Не судите — не судимы будете.

Сегодня, совсем близко от Москвы, в Пушкине, Ельдигине, Алешине — родовых гнездах семьи Арманд, память о них сохранена самая светлая и добрая. Всю жизнь прожил там сын Александра Евгеньевича Арманды и Стеши, прекрасной русской женщины, которая поднимала без Инессы ее детей. Смерть Стеши, брак с которой Александр Евгеньевич Арманд зарегистрировал спустя много лет после смерти Инессы, оплакивали все дети, почитая в ней вторую мать.

Говорили, что клан Армандов, помогая революции, уничтожившей их богатства, рубил ствол дерева, на котором сидел. Верно. Многие богачи так поступали. Одни говорят: «С жиру бесились». Другие: «Совесть мучила».

Но вот вопрос, почему Арманды, имея громадные счета в швейцарских банках, виллу в Лугано, не покинули страну после революции — ни один Арманд не эмигрировал?! Как они приняли сталинский термидор?

Почему родная сестра Инессы Федоровны, Рене Федоровна, до конца своей жизни не произносила и не хотела слышать имени своей сестры? Она была противницей революции — и поэтому вычеркнула сестру из своей жизни?

Весь клан Армандов категорически отрицает легенду о любовных отношениях Инессы и Ленина. Точно

так же думали старые французские коммунисты, которые боготворили Инессу и гордились ею.

А какое для нас имеет значение — было между ними что-то или не было? Ведь между ними было такое понимание, перед которым физическая близость — сущий пустяк.

Каждое время века характерно своими тайнами. Современным молодым людям и людям средних лет, зацикленным на себе, своих делах, душевных переживаниях, проявлениях физиологии, невозможно даже представить, что людей начала века делали близкими идеи, а не постель. Им трудно поверить, что ради идей люди отказывались от благ, удобств и денег и находили радость в поисках мечты о лучшем будущем. Их вела не жажда наживы, а обостренная совесть. Не вина — беда всех этих борцов и мечтателей в том, что не сумели они договориться ни между собой, ни со временем. А наши сегодняшние пламенные борцы за собственное существование даже не замечают, что в борьбе за свои теплые места используют жалкие обрывки идей тех, кого ныне официально позволено ругать и осмеивать.

Говорили, говорили и по сей день говорят, что был у Инессы шестой ребенок, якобы от Ленина, и что один советский кинооператор своими глазами видел в Швейцарии могилу этого ребенка.

Неужели на могиле написано, что он — от Ленина? Говорили также, что ребенок этот жив и даже работал переводчиком у Брежнева.

Мало ли что можно придумать, в то время как в Москве хранится переписка Ленина, Крупской, Арманд, способная превратить в пыль все кривотолки, легенды и

слухи. Читать чужие интимные письма? А если бы так же стали читать вашу переписку? Видимо, есть тайны, которые не должны быть открыты. Если они есть...

После выхода в свет первого издания «Кремлевских жен» мне написал В.Панченков: «В Центральном музее Внутренних войск МВД России хранится рапорт командира 457 батальона ВОХР П.Лимчера на имя командира 93 отдельной стрелковой бригады войск ВОХР. В нем говорится: «... в ночь с 6-го августа на 7-е проследовал на дрезине из Москвы в Сергиево Председатель Совета Народных Комиссаров тов. Владимир Ильич Ленин, который на реках Клязьма и Уча вверенного мне участка благодарил караулы за службу».

Как сообщает далее В.Панченков, через несколько дней после подачи этого рапорта, 13 августа 1920 года, в приказе по 93-й отдельной стрелковой бригаде была объявлена благодарность, выраженная Лениным личному составу караулов 457-го батальона.

Куда ездил в ночь Владимир Ильич? Сергиево — это Сергиев Посад, рядом с ним Ельдигино, подмосковное имение Армандов, где в начале августа 1920 года находилась Инесса Федоровна, собираясь на отдых на Кавказ, откуда вернулась в гробу. Почему он ехал ночью? Потому ли, что не хотел огласки или днем не хватало времени?

«Небольшое путешествие Владимира

Ильича так и осталось бы незамеченным, — пишет мне Панченков, — если бы не эта его благодарность в адрес красноармейцев, легшая в основу рапорта и нарушившая тайну поездки».

Без комментариев.

Звездный час и горькие минуты

Долгожданное чаще всего приходит неожиданно.

«Однажды, когда Ильич уже собрался после обеда в библиотеку, а я кончила убирать посуду, пришел Бронский со словами: „Вы ничего не знаете?! В России революция!“ Мы пошли к озеру, там на берегу под навесом вывешивались все газеты... В России действительно была революция. Усиленно заработала мысль Ильича...»

Так начинался для Крупской ее звездный час.

Рядом с Лениным.

Они возвращались в 1917 году в Россию, мыслями о которой жили повседневно и в которой не были много лет. Одновременно со всех концов Европы на запах гибели сбегались многие другие революционные группы и партии в надежде взять то, что уже валялось под ногами разбушевавшихся масс, — ВЛАСТЬ.

Самые разные европейские силы способствовали передвижениям революционеров не без своей заинтересованности: внутренняя борьба за ВЛАСТЬ ослабит вселенского русского монстра на внешних рубежах.

Впереди у Крупской были родина и неизвестность. Может быть, снова тюрьма. В молодости это не испугало бы, но теперь, на исходе четвертого десятка жизни, после относительно благополучного житья в Европе, было страшновато.

И все-таки «волков бояться — в лес не ходить»!

В plombированном вагоне она и Инесса Арманд ехали в одном купе.

О каких «женских ревнивых чувствах» могли думать эти две сивиллы революции, мчащиеся вместе со своим идолом к долгожданной цели?! Они были едины в своем порыве.

Россия превзошла их ожидания.

Вместе с Инессой Федоровной за спиной Ильича стояла Надежда Константиновна, когда на всем пути следования их встречали соратники.

Вместе с нею Крупская запрокидывала голову и, восторженно сверкая базедными глазами, слушала речь Ленина с броневика. Она заранее знала все его слова, но в атмосфере всеобщего возбуждения казалось — слышит впервые.

Вместе с Инессой она внимала Ленину, кричавшему с балкона Кшесинской.

Но только вдвоем с ним, после этого выступления, поехала она к его сестрам Анне и Марии на Петроградскую сторону.

«Мы почти не говорили с Ильичом в ту ночь — не было ведь слов, чтобы выразить пережитое... Ильич обвел комнату глазами, это была типичная комната петербургской квартиры, почувствовалась реальность того факта, что мы уже в Питере, что все Парижи, Женевы, Берны, Цюрихи — это уже действительно прошлое».

На них надвигалась сама история, она шла к ним в руки, она покорно ложилась под паровой каток их детища — партийной машины. Сознание, что ничего не делающая зря Европа сама выбросила их в Россию,

давало уверенность в своих силах: значит, они чего-то стоят!

«Ленин — немецкий шпион! Его прислала Германия!» — вопили газеты. Смех! Вместе с Надеждой он решал: ехать — не ехать в Россию, когда явился к ним сомнительный социалист — богач Гельфанд-Парвус и предложил свой проект безопасного проезда большевиков через Европу. Тогда у каждого были свои цели: Европа выбрасывала русских революционеров домой, чтобы они своими распрямами окончательно развалили страну, а Ленин и Крупская, рискуя попасть в тюрьму, ехали, чтобы, сотворив свою революцию, создать родину пролетариата.

Крупская не зря опасалась тюрьмы, она грозила Ленину. И впервые за много лет они расстались на несколько месяцев. Он ушел в подполье, а ей, освободившейся от своего секретарского поста при нем, предстояло начинать включение в безумие окружающей жизни той части своей машины, которую она готовила лично для себя: партийную этику будущего общества, дело политического просвещения детей и женщин в духе марксизма.

Со свойственным ей хладнокровием Крупская «закатывает рукава». Она пишет и печатает статью «К Всероссийскому съезду учителей». Составляет проект изменений пунктов программы большевиков, относящийся к народному образованию. Опасаясь за жизнь Ленина, пишет статью о нем, где популярно объясняет, кто он и чего хочет. Баллотируется и избирается в думу Выборгского района Петрограда, чтобы быть в курсе всех думских дел и влиять на думскую политику, пусть пока в районном масштабе.

Одну за другой создает комиссии из рабочих и работниц по борьбе с неграмотностью — вот где пригодились ее незабытые педагогический дар и опыт. Активно секретарствует в Центральном Комитете большевиков, чтобы знать все творящееся в партии, пока ее вождь в подполье.

Повсюду ей сопутствует успех, а страсть всей жизни — революция, в которой она наконец-то принимает не книжно-бумажное, а живое участие, вновь преображает ее. Еще недавно в Европе это была прежде времени состарившаяся, больная женщина. Теперь она снова почти красавица, да некому оценить: все вокруг бьются друг с другом в безумии борьбы за ВЛАСТЬ.

С Лениным она встречается урывками, но держит его в курсе всех дел. А он, видя ее развернувшиеся таланты, все больше нагружает Крупскую делами.

Природная женская мудрость диктует ей необходимость рассылать метастазы марксистского мировоззрения в самые основы рассыпавшегося общества: к женщине и ребенку, к началу жизни как таковой, чтобы потом — Крупская никогда не торопится, — спустя годы, получить богатые марксистские плоды.

О, если бы такая сила бросала в массы не холодную, властную мужскую идею борьбы, а естественную, хорошо разработанную мысль о гармонии мужского и женского начал на уровне общественного сознания — где бы сегодня было человечество?!

В те же дни, в Москве, Инесса Федоровна Арманд со свойственной ей горячностью проводит в жизнь идеи Ленина. Выступает с пропагандистскими лекциями. Объединяет работниц. Организует в Москве Советы рабочих депутатов. В подмосковном Пушкине, много лет

назад гостеприимно принявшем в свои объятия прелестную юную француженку, эта ныне зрелая российская революционерка создает свой Совет рабочих депутатов, который должен будет превратить в ничто все многолетние труды Армандов на этой земле.

Инессе позднее придется обращаться за поддержкой к Ленину, чтобы самих Армандов не трогали, а у скольких заводов и фабрик, сел и деревень не было своей Инессы, чтобы не дать погибнуть, чтобы помочь и защитить?

Инесса Федоровна становится членом Московской городской Думы, желая быть в курсе всех думских дел и влиять на думскую политику, пусть пока в городском масштабе.

Пишет статью «Почему буржуазия клеветает на большевиков?», объясняет, кто такой Ленин и каковы его позиции.

Создает журнал «Жизнь работницы».

Обратите внимание, как идентичны, почти повторяют друг друга действия и занятия Крупской и Арманд, как одинаково направлены одной и той же мощной мужской рукой их силы.

Осенью семнадцатого года стремительно нарастают события. Днем 24 октября Крупскую находят в Выборгской районной Думе и передают записку. Она раскрывает ее. Ленин пишет в ЦК большевиков: «Промедление в восстании смерти подобно».

Крупская понимает — час настал. Сейчас или никогда. Свершается дело всей их жизни. Но где ОН? Пошел в Смольный, куда ему нельзя идти? Некоторое

время Крупская колеблется — как быть? Решается, бежит в Смольный.

С этой минуты она опять неразлучна с Лениным. Множество народу окружает его. Он проходит сквозь толпы — она за ним. Жена, служанка, рабыня, хозяйка. Рабочая лошадь революции. Никак не возлюбленная?

Ну и пусть.

Это ей не по достоинству.

Революционная ночь двадцать пятого октября описана всеми по-разному.

Одни живописали жестокие, кровопролитные бои революционных солдат и матросов с озверевшими белогвардейскими частями.

Другие рассказывали о стремительном большевистском захвате Зимнего дворца.

Третьи, усмехаясь, сообщали о самой бескровной в мире революции и холостом выстреле крейсера «Аврора» по бывшему царскому дворцу.

Представляется весьма символичным тот бесспорный факт, что исторической ночью революционные солдаты и матросы одержали в Зимнем дворце победу всего лишь над небольшим отрядом юнкеров и Петроградским женским батальоном.

Большевики той ночью победили женщин?!

Старший унтер-офицер женского батальона Мария Бочкарева, под псевдонимом Бочарникова, оставила воспоминания:

«25 октября 1917 года около восьми часов вечера получаем приказ выйти на баррикады, построенные

юнкерами перед дворцом. У ворот, высоко над землей, горит фонарь. Стоит группа юнкеров с офицерами. Слышу приказ: «Юнкера, разбейте фонарь!» Полная темнота. С трудом различаешь соседа. Мы рассыпаемся вправо за баррикадой, смешавшись с юнкерами. Как потом мы узнали, Керенский тайно уехал за самокатчиками, но самокатчики уже «покраснели» и принимали участие в наступлении на дворец. В девятом часу большевики предъявили ультиматум о сдаче, который был отвергнут. В девять часов вдруг впереди загремело «Ура!». Большевики пошли в атаку. В одну минуту все вокруг загрохотало. Ружейная стрельба сливалась с пулеметными очередями. С «Авроры» забухало орудие. Мы с юнкерами, стоя за баррикадой, отвечали частым огнем. Я взглянула вправо и влево. Сплошная полоса вспыхивающих огоньков, точно порхают сотни светлячков. Иногда вырисовывается силуэт чьей-то головы. Атака захлебнулась. Неприятель залег. Стрельба то затихала, то разгоралась с новой силой. Воспользовавшись затишьем, я спросила: «Четвертый взвод, есть еще патроны?» «Есть, хватит!» — раздались голоса из темноты...

Нас обстреливали от арки Главного штаба, от Эрмитажа, от Павловских казарм и Дворцового штаба. Штаб округа сдался. Часть матросов прошла через Эрмитаж в Зимний дворец, где тоже шла перестрелка. В 11 часов опять начала бить артиллерия. У юнкеров были раненые, у нас одна убитая. Прослужив впоследствии два с половиной года ротным фельдшером в 1-м Кубанском стрелковом полку, я видела много боев, оставивших неизгладимое впечатление на всю жизнь, но этот первый бой, ведшийся в абсолютной темноте, без знания обстановки и с невидимым неприятелем, не произвел на

меня большого впечатления. Было сознание какой-то обреченности. Отступления не было, мы были окружены. В голову не приходило, что начальство может приказать сложить оружие. Был ли страх? Я бы сказала, сознание долга его убивало. Но временами охватывала сильная тревога. Во время стрельбы становилось легче. В минуты же затишья, когда я представляла себе, что в конце концов дойдет до рукопашной и чей-то штык проткнет меня, признаюсь, холодок пробегал по спине. Надеялась, что минует меня чаша сия и заслужу более легкую смерть — от пули. Смерть не страшила. Мы все считали долгом отдать жизнь за родину.

«Женскому батальону вернуться в здание!» — пронеслось по цепи. Заходим во двор, и громадные ворота закрываются цепью. Я была уверена, что вся рота была в здании. Но впоследствии я узнала со слов участников боя, что наша полурота защищала двор. И когда уже на баррикаде юнкера сложили оружие, добровольцы еще держались. Как туда ворвались красные, что там происходило — не знаю. Полуроту заводят во втором этаже в пустую комнату.

«Я пойду узнаю о дальнейших распоряжениях», — говорит ротный, направляясь к двери. Он долго не возвращается. Стрельба стихла. В дверях появляется поручик. Лицо мрачное.

«Дворец пал. Приказано сложить оружие», — похоронным звоном отозвались его слова в душе. Мы стоим, держа винтовки у ноги. Минут через пять заходит солдат и нерешительно останавливается у двери. И вдруг под напором толпы громадная дверь с треском распахнулась, и толпа ворвалась. Впереди матросы с выставленными вперед наганами, за ними солдаты. Видя,

что мы не оказываем сопротивления, нас окружают и ведут к выходу. На лестнице между солдатами и матросами — горячий спор: «Нет, мы их захватили, ведите в наши казармы!» — орали солдаты. Какое счастье, что взяли перевес солдаты! Трудно передать, с какой жестокостью обращались матросы с пленными. Вряд ли кто-нибудь из нас остался бы жив. Выводят за ворота. По обе стороны живая стена из солдат и красногвардейцев. Начинают отбирать винтовки. Нас окружает конвой и ведут в Павловские казармы. По нашему адресу раздаются крики, брань, хохот, сальные прибаутки.

То и дело из толпы протягивается рука и обрушивается на чью-то голову или шею. Я шла с краю и тоже получила удар кулаком по загривку от какого-то ретивого защитника советской власти.

«Не надо, зачем?» — остановил его сосед.

«Ишь как маршируют и с ноги не сбиваются!» — замечает конвоир. Подошли к какому-то мосту. Вдруг с улицы вынырнул броневик и пустил из пулемета очередь. Все упали на землю. Конвойные что-то закричали. Броневик умчался дальше.

В суматохе добровольца Хазиева благополучно сбежала. В казарме нас завели в комнату с нарами в два яруса. Дверь открыта, но на треть чем-то перегороджена. В один миг соседняя комната наполняется солдатами. Со смехом и прибаутками нас рассматривают, как зверей в клетке...

Настроение солдат постепенно менялось. Начались угрозы, брань. Они накалялись и уже не скрывали своего намерения расправиться с нами как с женщинами. Что мы могли сделать, безоружные, против во много раз

превосходящих нас численностью мерзавцев? Будь оружие, многие предпочли бы смерть насилию. Мы затаились. Разговоры смолкли. Нервы напряжены до последнего. Казалось, еще момент — и мы очутимся во власти разъяренной толпы.

«Товарищи! — вдруг раздался громкий голос. К двери через толпу протиснулись два солдата — члены полкового комитета, с перевязкой на рукаве. — Товарищи, мы завтра разберемся, как добровольцы попали во дворец. А сейчас прошу всех разойтись!»

Появление комитетчиков подействовало на солдат отрезвляюще. Они начали нехотя расходиться... Решено было переправить нас в казармы Гренадерского полка, державшего нейтралитет... В Гренадерских казармах нас привели на обед. На столах груды белого хлеба.

Солдаты сами разносили нам пищу по столам. Говорили, что в нашу судьбу вмешался английский консул, хлопотал о нас...

Петроградские гренадеры! Если кому-нибудь из вас попадутся эти строки, примите от всей нашей роты, хотя и с большим запозданием, сердечную признательность за братское отношение в ту тяжелую для нас минуту, мы навсегда сохранили добрую память о часах, проведенных в ваших казармах 7 ноября — 25 октября 1917 года. Ходили слухи, что погибли все защитницы Зимнего дворца. Нет, была только одна убитая, а поручику Верному свалившейся балкой ушибло ногу. Но погибли многие из нас впоследствии, когда, безоружные, разъезжались по домам. Нас ловили солдаты и матросы, насиловали, выбрасывали на улицу с верхних этажей, выбрасывали на ходу из поездов...«

Вот и все вооруженное восстание. Несolidно? Зато богато последствиями.

Символично: женщины оказались последними защитницами дворца, бывшего «оплота самодержавия» — в неестественной, не женской, страшной роли, заведомо обреченной на провал.

«Беда, коль пироги начнет печи сапожник...»

И впрямь, беда.

Ленин и Крупская были счастливы.

Они ждали и дождались.

Он наконец-то смог отомстить проклятым Романовым за казнь брата. Расходясь по земле кругами, эта месть захватывала все большие и большие просторы и была уже неподвластна Ленину.

Как всегда водилось в человечестве, так и в революции, и в послереволюционные годы: стенка шла на стенку — кто кого, — и побеждал сильнейший. Примеров тому множество. Возьмем лишь несколько.

Из старых советских школьных учебников знали мы, как зверствовали белые, убивая красных, как «в паровозных топках сжигали нас японцы, живьем по голову в землю закапывали нас банды Мамонтова». И это была правда — сегодня ее забыли, считая предвзятостью. Но вот непредвзятое мнение очевидца-антибольшевика Д.Варецкого:

«Страшную картину разрушения, жестоких расправ с местной советской властью оставлял за собой Махно. Сгоревшие, дотлевающие здания райкомов и комбедов, продовольственных складов и мельниц, сожженные мосты, и в каждом селе трупы: председатели ревкомов,

сельские милиционеры, случайные люди, попавшие под горячую руку, валялись застреленные, изрубленные шашками, избитые прикладами. Обрубки человеческих тел без ног и рук, трупы с мелко изрубленной шашкой головой, „в капусту“, как говорили махновцы, с головами без ушей и носов, с выкинутыми вон кишками...»

А что было со стороны большевиков?

В то время как Надежда Константиновна утверждала марксистско-ленинскую нравственность среди нищих и безграмотных, «творцы» красного террора ничем не уступали — если не превосходили, ибо были победителями, победителей не судят, — «творцам» белого террора.

И всюду нередко проглядывали женские лица.

В восемнадцатом году в Одессе зверствовала «красная» женщина-палач, Вера Гребенюкова (Дора). С.П.Мельгунов рассказывает: «Она буквально терзала свои жертвы: вырывала волосы, отрубала конечности, отрезала уши, выворачивала скулы... в течение двух с половиной месяцев ее службы в одесской Чрезвычайке ею одной было расстреляно 700 с лишним человек, то есть почти треть расстрелянных в ЧК всеми остальными палачами».

Да уж! Если женщина берется за мужское дело, она всем докажет, что может исполнить его лучше мужчины, иначе ее спишут как глупую бабу.

С.С.Маслов описывает женщину-палача, которую видел сам:

«Она регулярно появлялась в Центральной тюремной больнице в Москве (1919 г.) с папиросой в зубах, с хлыстом в руках и револьвером без кобуры за

поясом. В палаты, из которых заключенные брались на расстрел, она всегда являлась сама. Когда больные, пораженные ужасом, медленно собирали свои вещи, прощались с товарищами или принимались плакать каким-то страшным воем, она грубо кричала на них, а иногда, как собак, била хлыстом. Это была молоденькая женщина... лет двадцати-двадцати двух».

А вот сообщение о революционной деятельности Ревекки Пластининой-Майзель-Кедровой, которая «расстреляла собственноручно 87 офицеров, 33 обывателя, потопила баржу с 500 беженцами и солдатами армии Миллера».

Еще одесская героиня пятидесяти двух выстрелов: «Главным палачом была женщина-латышка со звероподобным лицом; заключенные звали ее „мопсом“. Носила эта женщина-садистка короткие брюки и за поясом обязательно два нагана...»

Может быть, это единичные случаи?

В Рыбинске было свое чудовище в облике женщины — некая Зина.

Были такие же в Екатеринославле, Севастополе.

В Ессентуках в 1918 году наводил ужас на жителей «женский карательный отряд каторжанки Маруси».

В Киеве в январе 1922 года была арестована следовательница-чекистка, венгерка Ремовер. Она обвинялась в самовольном расстреле восьмидесяти арестованных, преимущественно молодых людей.

Ремовер была признана душевнобольной на почве половой психопатии. Следствие установило, что «Ремовер лично расстреливала не только

подозреваемых, но и свидетелей, вызванных в ЧК и имевших несчастье возбудить ее большую чувственность».

Интересно, много ли таких, как Ремовер, было арестовано?

Чем эти ужасы лучше кошмаров тридцать седьмого?

«Комиссарша Нестеренко заставляла красноармейцев насиловать в своем присутствии беззащитных женщин, девушек, подчас малолетних...»

Что это все такое, если не деградация женской природы, которая в жестоких страстях мужского мира теряет собственное лицо?

О, если бы Надежда Константиновна, мудрая Крупская, вовремя поняла, что мир не делится на классы, на партии и группировки, на врагов и единомышленников, а делится он лишь на мужчин и женщин, и, поняв это, с первых же дней революции или немного раньше, с чисто женской хитростью, которой ей хватало, сумела посадить всех врагов за дружеский стол переговоров? С этого началось бы возрождение человечества. Если бы она также исподволь внушала своему кумиру не «беспощадно истреблять», а «миролюбиво отпускать», то...

То с другой стороны истребили бы?

Да.

Значит, и с другой стороны должна была оказаться своя мудрая Крупская.

Но какие женщины были с другой стороны?

Подруги и противницы

Несколько минут, часов, дней Октябрьской революции решили судьбу России, а с ней судьбы миллионов и каждого человека. Явные и невидимые баррикады бесповоротно разделили родственников, знакомых, друзей, подруг.

Но и вся предшествовавшая этим дням жизнь, все отношения между людьми, все разногласия и непонимания — все вело к разрыву.

Что же такое это роковое «ВСЕ»? Отношение к государственному устройству, к монархии и республике, к конституционным нормам, к земле, к войне и миру, к разным слоям общества: дворянам, рабочим, крестьянам, женщинам...

Последние к началу века уже были предметом общественного внимания, выйдя на арену истории, и у них были свои разногласия. Женские противостояния обозначились в 1908 году на Первом всероссийском женском съезде. Тогда кадетские участницы движения за женское равноправие, члены феминистских организаций — «Союза равноправности женщин», «Женской прогрессивной партии», «Русского женского взаимоблагодотворительного общества» — выступили с объединительной идеей:

«У всех женщин, независимо от классовой принадлежности, общие интересы: хозяйка и служанка должны понять друг друга в новых исторических условиях, ибо женщины изначально — „угнетенная нация“».

Будь эта идея встречена съездом 1908 года с пониманием, поднимись женское общественное сознание над мужским движением к борьбе «за» и «против», оцени женщина себя не с позиции «что я имею и что

имеет она», а с позиции «мы в одной беде», — началось бы осознание женщиной своего и мужского места в жизни, данной человечеству Богом на Шестой День Творения, когда Он создал две равновеликие силы — мужчину и женщину и заповедал им совместно владеть землей.

Случилось иначе.

Жестокою отповедь на женском съезде получили «кадетские дамы». Большевички, горячие сподвижницы Александры Коллонтай, загнали их в угол социальными проблемами: «нет общих интересов у хозяйки и служанки. Одна — угнетательница, другая — угнетенная».

Правы были те и другие. Не правы те и другие. Если бы они сначала разобрались со своей общностью, осознали ее, прочувствовали, а потом перешли бы к разногласиям социального порядка, стоя на общеженской платформе, то...

Возможно, не было бы через девять лет такой братоубийственной бойни.

Но могли ли они — представительницы разных, враждующих мужских партийных структур, пронизанные духом межпартийной, да и внутрипартийной борьбы, счастливые от того, что наконец-то допущены в святая святых мужского мира? Не могли.

На съезде победили соратницы Коллонтай, а «кадетские дамы» с Октябрьской победой большевиков отошли в тень истории. Сегодня есть смысл вспомнить о них.

Софья Владимировна Панина. Одна из самых богатых невест России, дочь графа и миллионерши Мальцевой.

Свадьба Паниной и блестящего офицера Половцева, где посаженным отцом был император Александр III, почти до самого скорого развода занимала петербургских сплетников. Разойдясь с Половцевым, графиня вернула себе отцовскую фамилию — факт довольно редкий по тем временам: на это требовалось высочайшее разрешение.

Панина смолоду увлекалась либеральными идеями и благотворительностью.

Она дала средства на постройку Народного дома в Петрограде, где устраивались концерты и разыгрывались пьесы для рабочих.

Во время войны она, не зная усталости, помогала солдатским семьям.

В пору материального кризиса Художественного театра Софья Владимировна вошла в состав его пайщиков.

Выхаживала Льва Толстого на своей даче в Гаспре после его тяжелой болезни.

В 1917 году Софью Владимировну избрали в ЦК кадетской партии, а после октябрьских событий она попала в тюрьму за отказ передать советской власти денежные средства Министерства просвещения, где была на должности товарища министра. Ее хотели освободить, дав денежный залог, она отказалась. 10 декабря 1917 года Панина предстала перед революционным трибуналом и получила от общественного обвинителя Наумова, представителя тех самых рабочих, которым

всегда помогала, следующее заключение: «Сейчас перед нами не отдельное лицо, а деятельница партийная, классовая. Она вместе с представителями своего класса участвовала в организованном противодействии народной власти — в этом ее преступление, за это она подлежит суду».

Однако перечень заслуг Паниной перед российским освободительным движением сыграл на суде свою роль — ее выпустили.

Началась кочевая жизнь бывшей владелицы дворцов и поместий.

Осенью 1918 года графиня бежала на Юг, переодетая в крестьянское платье, с единственным грошовым чемоданчиком в руках, но в нем лежали все оставшиеся у графини драгоценности Паниных и Мальцевых. Она везла их Деникину для нужд белой армии. На одной из станций потеряла свою ношу. Потом был Дон, трагедия белой армии, эмиграция — Софья Панина дожила до глубокой старости и, забытая Россией, умерла в Америке.

Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс, уже известная нам школьная подруга Надежды Константиновны Крупской. Красавица. Софью Панину писал Репин. Ариадну Тыркову — Добужинский, который «не мог забыть ее огненных глаз и горячих речей».

Пока Надежда Константиновна в эмиграции не покладая рук трудилась на партию большевиков, вписывая симпатическими чернилами в послания родственникам конспиративные тексты ленинских указов, Ариадна Тыркова участвовала в легальных феминистских организациях, благотворительствовала и все более становилась заметной фигурой в партии кадетов, где

научилась властно и решительно смотреть свысока на многих мужчин-кадетов, за что ее ядовито прозвали «единственным мужчиной в кадетском ЦК» — какой мужчина любит такое, для него неестественное, женское превосходство?

Она участвовала во внутривнутрипартийных спорах, недолюбливала «примиренца Милюкова», нередко «вытаскивая его за усы» на острые словесные баталии.

Прелестная Ариадна дважды выходила замуж. Второй ее брак в 1906 году был удачным: Гарольд Вильямс, корреспондент английских газет в Петербурге, надолго застрял в России, полюбив страну и Ариадну. После Октября был аккредитован корреспондентом при Добровольческой армии Деникина. Его материалы всегда освещали события в России с кадетских позиций — Ариадна верховодила не только в партии, но и в семье.

«Кадетские дамы» славилась демократизмом. Так, Анна Сергеевна, жена и неизменная соратница главы партии и члена Временного правительства Павла Николаевича Милюкова, не захотела после Февральской революции жить в предоставляемой ее мужу роскошной квартире, и он отказался от этой привилегии. Спустя полтора месяца после Февральской революции, в день Пасхи, Милюковы устроили прием в министерском здании на набережной Мойки с приглашением дипломатического корпуса. Это была складчина. Жены кадетов пришли со своими приготовлениями. Анна Сергеевна суетилась сама, раскладывая угощения, а оказавшиеся не к месту приглашенные поработать царские лакеи молча взирали на эту «студенческую вечеринку».

Ариадна Тыркова, однако, не одобрила таких манер:

— Новые министры изучили все конституции, но они не понимают, что такое власть, ее престиж и авторитет.

Тырковой не пришлось бывать на приемах, устраиваемых позднее победившими большевиками: их царский размах в голодные годы наглядно демонстрировал престиж и авторитет новой власти. Приемы понравились бы ей, не будь они большевистскими..

Фигура этой женщины любопытно возникает в воспоминаниях ее сына от первого брака, Аркадия Бормана:

«Большой зал Соляного Городка в центре Петербурга весь наполнен слушателями, в основном молодежью. Мама в черном платье на председательском месте острым взглядом осматривает аудиторию. В конце зала сидит полицмейстер Шебеко, он в любой момент может закрыть собрание. Сама по себе тема не может вызывать конфликта с властями, но мама видит среди записавшихся ораторов имя Коллонтай — ее выступление может вызвать взрыв.

Моложавая и элегантная Коллонтай поднимается на трибуну. Звонким и уверенным голосом, как настоящая пропагандистка, начинает излагать основные пункты социал-демократической программы.

Шебеко вскакивает:

— Госпожа Тыркова, потрудитесь остановить оратора!

Лишенная мамой слова, Коллонтай покидает трибуну, и собрание продолжается в спокойных тонах.

Мама научилась вести собрания. Скоро поняла, что она не просто женщина, занимающая председательское кресло, а активный председатель, умеющий вести собрания и направляющий их. Тот же Шебеко однажды сказал:

- Когда госпожа Тыркова председательствует, я уверен, что все обойдется благополучно».

Вот как! Кадетка Тыркова, сторонница идеи одинаковых интересов для женщин всех слоев общества, попав в председательское кресло, ведет себя так же, как ее противница большевичка Коллонтай, когда «затаптывает» речи кадеток. Эта зависимость поведения женщины от значительности ее роли в мужской структуре, увы, норма любой политики.

«Мама научилась вести собрания...»

Да, научилась обрывать, лишать слова, противодействовать только потому, что оратор высказывает другие идеи. Принципы партийных противостояний стали сущностью этих феминисток, ушедших в мужскую борьбу.

Школьные подруги — Ариадна и Надя. Закадычные. Неразлучные.

Девочка из богатой семьи и девочка из бедной. Жена преуспевающего английского журналиста и жена эмигранта-революционера.

Конституционная демократка и социал-демократка. Вдова английского пенсионера и вдова вождя России. Как складывались их отношения в зрелости? Встречались ли они? Могли ли, пользуясь дружбой, изменить хоть что-то в ходе исторического процесса?

Две женщины, объединенные дружеской любовью, Екатерина Великая и Екатерина Дашкова сумели, сговорившись, повернуть колесо истории. Не к худшему.

Те сумели, а эти нет, ибо эти служили не друг другу, не своим отношениям, а своим партиям.

В книге «На пути к свободе» Ариадна Тыркова рассказывает о встрече в Женеве в 1913 году с четой Ульяновых: «Я раньше Ленина не встречала и не читала. Меня он интересовал прежде всего как Надин муж. После ужина Надя попросила мужа проводить меня до трамвая... Дорогой он стал дразнить меня моим либерализмом, моей буржуазностью. Я в долгу не осталась, напала на марксистов за их непонимание человеческой природы, за их аракчеевское желание загнать всех в казарму. Ленин был зубастый спорщик и не давал мне спуска, тем более что мои слова его задевали, злили...

- Вот погодите, таких, как вы, мы будем на фонарях вешать.

Я засмеялась. Тогда это звучало как нелепая шутка.

- Ну я вам в руки не дамся.

- Это мы посмотрим!«

Ариадна Тыркова не далась им в руки — была прикрыта английским паспортом. А сколько кадетских женщин поневоле дались и погибли?

Она осталась в истории своими воспоминаниями о Крупской.

Женщины разных революционных движений, отличных от кадетского и большевистского, — эсерки (социалистки-революционерки), меньшевички, следуя за

мужчинами, также становились в конфронтацию к женщинам иных политических ориентаций и, каждая по-своему, упорно боролись.

Фигура Марии Спиридоновой характерна для представительниц третьей стороны. Дочь хозяина паркетной фабрики в Тамбове, она с детства показала недюжинные способности: пяти лет уже читала и писала, в гимназии была первой ученицей, пока ее не исключили из восьмого класса за «политическую неблагонадежность». Волчий билет помешал поступить на Высшие женские курсы, и Мария отдала дарования делу революционного террора.

14 января 1906 года, в самый разгар эсеровских террористических актов, на железнодорожной платформе города Борисоглебска Мария Спиридонова стреляла в губернского советника Луженовского, известного своей жестокостью в усмирении крестьянских волнений.

Газеты печатали рассказ Марии о покушении:

«Луженовский ехал последний раз по этой дороге. Надо было убить его именно тогда. Взяла билет второго класса, рядом с его вагоном; одетая гимназисткой, розовая, веселая и спокойная, я не вызывала никакого подозрения. Но на станции он не выходил... Я вошла в вагон и на расстоянии 12—13 шагов, с площадки вагона сделала выстрел в Луженовского, проходившего в густой цепи казаков. Так как я была очень спокойна, то я не боялась не попасть, хотя пришлось метиться через плечо казака — стреляла до тех пор, пока было возможно. Луженовский присел на корточки, схватился за живот и начал метаться по направлению от меня к платформе. Я в это время сбежала с площадки вагона на платформу и быстро, раз за разом, меняя ежесекундно цель,

выпустила еще три пули. Всего нанесено пять ран: две в живот, две в грудь и одна в руку».

Четкий, спокойный рассказ о планомерно продуманном убийстве. Розовощекая «гимназистка» хладнокровно совершает противоестественный для женщины, призванной давать, а не прерывать человеческую жизнь, поступок. Да, но она стреляет в человека, который каждый день убивает сам. Или приказывает убивать.

Замкнутый круг, цепная реакция убийств стары как мир.

Доколе? Напрасный вопрос. Было и будет, пока человечество не подойдет к самой опасной черте, и тогда инстинкт самосохранения сработает проникновением в массовое сознание. Не зря получил XX век в руки возможность создания оружия массового уничтожения. Воспользовавшись этой возможностью, мы все чаще говорим о необходимости задуматься над общелюдской проблемой выживания на земле — ищем пути в заколдованном круге противоречий.

Мария Спиридонова написала письмо — его читала в газетах вся Россия:

«Они велели раздеть меня донага и не велели топить мерзлую и без того камеру. Раздетую, страшно ругаясь, они били нагайками (Жданов) и говорили: „Ну, барышня, (ругань) скажи зажигательную речь“».

Жданов... Разумеется, однофамилец, другой, не большевистский, а царский Жданов, мелкая жандармская сошка, но какво совпадение. Спустя несколько десятилетий не террористку Марию Спиридонову, а великую поэтессу Анну Ахматову другой Жданов будет

истязать иным, изысканным способом: через прессу, систему слежек и угроз. Какие пытки страшнее — нельзя соизмерить, все они — пытки.

«Один глаз ничего не видел (на всю жизнь глаз остался больным. — Л.В.), и правая часть лица была страшно разбита, — продолжает Спиридонова, — они нажимали на нее и лукаво спрашивали: «Больно, дорогая? Ну скажи, кто твои товарищи?» Я часто бредила и, забываясь в бреду, мучительно боялась сказать что-либо...

Выдергивали по одному волосу из головы и спрашивали, где другие революционеры. Тушили горящую папиросу о тело и говорили: «Кричи же, сволочь!» В целях заставить кричать давили ступни «изящных» — так они называли — ног сапогами, как в тисках, и гремели: «Кричи! (Ругань.) Ты закричишь, мы насладимся твоими мучениями, мы на ночь отдадим тебя казакам».

— Нет, — говорил Аврамов, — сначала мы, а потом казаки...

И грубое объятие сопровождалось приказом: «Кричи!» Я ни разу не крикнула, я все бредила...

Повезли в экстренном поезде в Тамбов... Поезд идет тихо. Холодно, темно. Чувствуется дыхание смерти. Даже казакам жутко... Гиканье, свист. Страсти разгораются, сверкают глаза и зубы...«

Что напоминает эта, с позволения сказать, картинка? Состояние защитниц Зимнего дворца после Октябрьского переворота: они тоже едут в поездах с солдатами и казаками и боятся быть изнасилованными.

Спиридонова — ненавистница старого режима, девушки из женского батальона — защитницы его. И она, и они заняты глубоко не женским делом, но, увы, лишь в экстремальной ситуации выясняется, что суть их одна, женская, и проблемы у них изначально общие.

Все женщины, прошедшие пытки в тюрьмах и лагерях, более всего мучаются страхом быть изнасилованными. Мария Спиридонова почти спокойно перечисляет пыточные ужасы, но с огромным нервным напряжением говорит о мужских притязаниях своих мучителей:

«Офицер ушел со мной во второй класс вагона. Он пьян и ласков, руки обнимают, расстегивают, пьяные губы гадко шепчут: «Какая атласная грудь, какое изящное тело...» Нет сил бороться, нет сил оттолкнуть, голоса не хватает, да и бесполезно. Разбила бы голову, да не обо что. Да и не даст, озверелый негодяй. Сильным размахом сапога он ударяет мои сжатые ноги, чтобы обессилить их, зову пристава, который спит...

Не спала всю ночь, опасаясь окончательного насилия. Днем офицер предлагает водки и шоколаду, когда все уходят, ласкает. Перед Тамбовом уснула на час. Проснулась, потому что рука офицера была уже на мне. Вез в тюрьму и говорил: «Вот я вас обнимаю». В Тамбове бред и сильно больна».

За убийство Луженовского Спиридонова была сослана в бессрочную каторгу, откуда ее освободила Февральская революция: более десяти лет прожила в условиях царских тюремных режимов, где были и холод, и полуголод, но случилось ей там и заниматься самообразованием. Каховская, подруга Спиридоновой,

вспоминала: «Книги были главным содержанием ее жизни... Мы получали их в достаточном количестве».

Она вышла из Акатуйской тюрьмы вместе с Фанни Каплан в марте 1917 года. Сразу приступила к активной политической борьбе.

После Октябрьской победы Мария Спиридонова некоторое время сотрудничала с большевиками. Надежда Константиновна вспоминала, как в дни Второго съезда Советов Ильич сидел рядом со Спиридоновой, о чем-то тихо и мирно беседуя.

Почему же она не с Крупской беседовала по актуальным вопросам нарождавшейся новой женской жизни? Да потому, что Спиридонова, более других допущенная в мир мужских дел, не собиралась тратить силы на «второстепенное».

С 1919 года, с перерывами, Спиридонова провела жизнь в большевистских тюрьмах.

По иронии судьбы, лишь большевики адекватно отомстили ей за убийство царского чиновника Луженовского — она была расстреляна во дворе Орловской тюрьмы в 1941 году, когда гитлеровские войска стояли у ворот Орла. (Одинаковый почерк: царскую семью большевики тоже расстреляли перед приходом в Екатеринбург чехословаков. Они убивали одних своих политических врагов, «всякую политическую нечисть», чтобы не достались другим врагам. — Л.В.)

Как видим, карающая мужская рука не щадит женщин разных взглядов, как бы они ни помогали тому или иному мужскому делу, в этих делах они не женщины, а товарищи или враги.

Но они женщины...

Вот и встает вопрос: если бы женщины всех партий сумели договориться между собой и убедить борющиеся стороны?

В чем?

Не бороться, а тоже договориться.

Мне вспоминается Евгений Семенович Молло, эмигрант, специалист по русской милитарии, человек, в ранней юности побывавший и в Белой, и в Красной армиях. Он говорил: «Я думаю, если бы борющиеся партии в 1917 году все вместе сели за один общий стол переговоров, как бы они все вместе преуспели! Ведь у них было одно стремление: сделать Россию богатой, счастливой, процветающей. Одно стремление, понимаете?! Но властные партийные амбиции и уверенность, что только их взгляды верны и неопровержимы, вот что погубило великую возможность».

Если бы! История необратима. Опыт ее ничему не учит и никого не просвещает, пока приманка власти, как живец, влечет к себе «золотых рыбок разных идеологий», выпускающих в толпы мутные хвосты сказок о всенародном счастье и светлом будущем.

Мария Спиридонова, Ариадна Тыркова, Софья Панина, Анна Милюкова, Надежда Крупская, Александра Коллонтай, Вера Фигнер, Вера Засулич — не договорились. Даже не попытались.

А если бы?

Тогда и кремлевские жены были бы несколько иными...

Бездетная мать и вдова фараона

Внутри Кремлевской стены с первых же дней советской власти, сначала незаметно, но все более разрастаясь, пошла своя борьба за ВЛАСТЬ. Внутренняя. Жестокая. И в ней Крупская заняла не последнее место.

Она сразу сумела показать себя не просто женским приложением к Ленину, взяв в руки дело народного образования.

По инициативе Надежды Константиновны во всех школах страны был отменен Закон Божий.

Вспоминая ли свою религиозную мать или в силу некоторого смущения жестокой мерой, Крупская посчитала необходимым в письменной форме объяснить человечеству свое негативное отношение к религии: «Зачем мне нужна была религия? Я думаю, что одной из причин было одиночество. Я росла одиноко, я очень много читала, много видела. Я не умела оформить своих мыслей и переживаний так, чтобы они стали понятны другим. Особенно мучительно это было в переходный период. У меня всегда было много подруг... Но мы общались как-то на другой почве. И вот тут-то мне очень нужен был Бог. Он, по тогдашним моим понятиям, по должности должен был понимать, что происходит в душе у каждого человека. Я любила сидеть часами, смотреть на лампадку и думать о том, чего словами не скажешь, и знать, что кто-то тут близко и тебя понимает. Позже изжитию остатков религиозности мешало отсутствие понимания закономерности явлений общественного характера. Вот почему марксизм так радикально излечил меня от всякой религиозности».

Тут все противоречиво и не слишком убедительно. Непоследовательность слов «росла одиноко» и «всегда

много подруг». Склонность к религиозному созерцанию, лишь подмененная марксизмом, очевидна.

Непривлекательна категоричность: далеко не всех, как ее, марксизм мог излечить от религиозности. Зачем же навязывать его всем?

Ее мысль обращена к детям: «Я считаю, что антирелигиозная пропаганда должна начинаться очень рано, еще в дошкольном возрасте, потому что эти вопросы очень рано начинают интересовать теперь детей...»

В работе с детьми ее бездетность, возможно, играла свою роль: искренне любя детей, она не знала их с пеленок, не растила, не проводила над кроватками бессонных ночей, и поэтому в ее воспитательных программах всегда была нежизненность, ирреальность идей, которые она заставляла быть реальными. И все же они были лучше, добрее мужских общеобразовательных циркуляров.

Глобальная женщина Крупская умела спуститься с идейных высот и выйти к людям. Вот письмо — эхо далеких лет, полученное мною в 1992 году: «Хочу рассказать о Надежде Константиновне. 1937 год. Моя сестра Лена страдает ревматизмом и болезнью сердца. Ей нужно длительное лечение. Мама в отчаянии. Она живет в деревне Липняги с шестью детьми. Я учусь в Рыбинске и решаюсь написать Крупской. Ответ получаю дней через восемь-десять. А на следующий день меня вызывают в Рыбинский райздравотдел. Выделяют на весь летний сезон бесплатную путевку в санаторий для сестры. Маме выдают денежное пособие на детей..

Сестра жива, слава богу, и сейчас. А я виню себя, что не поблагодарила Надежду Константиновну.

Нина Курицына».

А сколько таких писем получала эта бездетная мать! Скольким помогла! Ни один человек, из тех, кто встречался с нею, не мог сказать ничего дурного. Переключив свое внимание и энергию с революции на общесоюзных детей, она делала для них все возможное и невозможное, строила свою общенародную семью, топя в ее проблемах тоску несбывшегося материнства.

Крупская совершенно искренне думала: «...библиотекарей и учителей надо подбирать с большой осмотрительностью, ибо главное в библиотекаре и в учителе не талант, не душевные качества, а классовый подход к человеку или книге».

Она всерьез признавалась: «Кто-то в своих воспоминаниях писал, что Владимир Ильич любил Фета. Это неверно. Фет — махровый крепостник, у которого не за что зацепиться даже».

Прочитаешь такое и невольно задумаешься, а если бы в руках Надежды Константиновны волею судьбы сосредоточилась самая большая ВЛАСТЬ, она во многом успешнее Сталина, ибо была более образованна, сумела бы поставить дело культурной инквизиции.

Большая ВЛАСТЬ и Крупская — странная мысль. А нельзя ли ею, как ключом, открыть некую потайную дверь?..

Эйфория счастья и успеха прошла быстро. Жестокие будни съели радость.

Гражданская война.

Голод по всей России.

Борьба с контрреволюцией.

Болезни Надежды Константиновны.

Выстрел Фанни Каплан в Ленина.

Сейчас много версий: Фанни — подруга Сарры, сестры Свердлова, работавшей в секретариате Кремля, точно знала время приезда Ленина на завод Михельсона, пришла и выстрелила; но Фанни была полуслепа и стрелять не умела.

Говорят, что Владимир Ильич просил сохранить жизнь Фанни, и ее сослали в Сибирь. Документы же говорят, что ее поспешно расстреляли 3 сентября 1918 года, через четыре дня после выстрела, без суда.

Внезапная смерть Свердлова.

По слухам, Свердлов умер не своей смертью, а «был нарочно уронен» рабочими, когда они качали его и подбрасывали в революционном воодушевлении. Это была месть за приказ расстрелять семью Романовых.

Думаю, история с выстрелом Каплан имеет прямую связь со слухами о подбрасывании Свердлова, и предполагаю: в Ленина стреляли мстители за Романовых, а не эсерка Фанни, но объявить тогда такое для большевиков было неразумно — убийство царя и его семьи не афишировалось. А борьба с эсерами была актуальна, и представить их злоумышленниками имело политический смысл.

Смерть Инессы Арманд.

Перечислениям неприятностей и ударов в жизни Крупской первых пореволюционных лет несть числа. И все они окрашены тревожной обстановкой внутри

партии, разногласиями, взаимными неприязнями, открытой или тайной враждой, сговорами, шепотами, возней.

Над полубездыханным телом России, соединяясь, склоняются люди самые разные, часто совершенно несовместимые, амбициозные и жаждущие доказать свою правоту, а есть и жаждущие просто урвать от пирога ВЛАСТИ.

Если к началу болезни Ленина борьба на фронтах России затихла, то внутри стен Кремля уже пылали свои пожары.

Внезапное обострение болезни Ленина испугало Крупскую. В ее голове поселилась мысль: что будет без него?

Разговоры о смещении Ленина уже ходили в партийных кругах. Пословица «Мавр сделал свое дело, мавр должен уйти» прыгала из уст в уста. Доносилось кое-что и до Надежды Константиновны, но она не придавала этому значения, уверенная — кроме Ленина, никто не видит правильного пути.

Но болезнь вождя от ЦК партии большевиков не зависела, и, когда он рухнул, свет померк перед глазами Крупской.

Что бы там ни болтали, ни сплетничали, эта пара была накрепко привинчена жизнью друг к другу. В их дуэте он стал той самой головой, которая поворачивалась, как того нужно было шее. Но она была той самой шеей, которая отлично знала, куда хочет повернуться голова. Сознание, что она отдает ему всю себя — со всеми своими достоинствами и недостатками, с многочисленными талантами, с холодным умением

видеть мир и людей насквозь, с циничностью оценок, прикрываемой филистерскими разговорами о деле рабочего класса, которому она, хоть никто не просил ее об этом, отнюдь не филистерски, а искренне и преданно думала, что служила, — это сознание было главной осью ее жизни.

Со своей стороны, он привык к ней и любил ее, как умеют мужчины любить свое «альтер-эго». Более двадцати лет супружества — не шутка. Многолетняя семейная жизнь вообще к сильным страстям не располагает, но сильная, почти кровная привязанность тут несомненна.

Елизавета Драбкина вспоминает рассказ своего друга, курсанта кремлевских курсов Вани Треицкого, как однажды, когда он поздно вечером дежурил на посту у квартиры Ленина в Кремле, Владимир Ильич попросил его, если услышит внизу на лестнице шаги Надежды Константиновны, задержавшейся на каком-то заседании, постучать в дверь и позвать его.

«Ваня вслушивался в ночную тишину. Все было тихо. Но вдруг отворилась дверь квартиры, и быстро вошел Владимир Ильич.

— Никого нет, — сказал Ваня.

Владимир Ильич сделал ему знак.

— Идет, — прошептал он заговорщически и сбежал вниз по лестнице, чтобы встретить Надежду Константиновну: она шла, ступая совсем тихо, но он все же услышал».

И вот Ленин сражен приступом болезни в самый разгар очередной внутривнутрипартийной баталии. Крупская по долгу и праву жены сразу же занимает оборону у постели

больного. Над больным склоняются лучшие врачи и выносят вердикт: полный покой.

Невежественный в медицине, но именно поэтому глубоко ее уважающий Центральный Комитет ВКП(б) поручает своему генсеку товарищу Сталину ответственность за соблюдение режима, установленного врачами.

А если точнее, сам Сталин берет на себя такую ответственность. С согласия ЦК. Берет не зря. Ему уже потихоньку принесла секретарша Ленина продиктованное ей «Завещание», где больной вождь предупреждает свою партийную машину: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека...»

Неделю спустя, после утверждения Сталина ответственным за здоровье вождя, «Владимир Ильич потребовал, чтобы ему разрешили, хотя бы в течение короткого времени, диктовать его дневник, — вспоминает Елизавета Драбкина. — На совещании И.В.Сталина, Л.Б.Каменева, Н.И.Бухарина с врачами решено было предоставить Владимиру Ильичу право диктовать ежедневно пять-десять минут, но так, чтобы это не носило характера переписки и чтобы на записки Владимир Ильич не ждал ответа. Свидания запрещаются. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений».

Люди есть люди, и каждому болевшему понятно: чуть тебе стало лучше — ты, если деятельная натура, тут

же берешься за дело. Чаще всего без особого вреда для здоровья. Именно поэтому врачи не настаивали на изоляции Ленина, но она была чрезвычайно необходима его заботливым соратникам. Профессор Ферстер считал, что, если бы Ленина в октябре двадцать второго года и дальше оставляли бы в бездеятельности, он лишился бы последней радости... Работа для него была жизнью. Бездеятельность означала смерть.

Понимая это, Крупская вела себя у постели больного так, как считала нужным: она помогала мужу выжить. 21 декабря он попросил, а она написала под его диктовку письмо Троцкому. По поводу монополии внешней торговли. Ничего особенного.

Письмо? Троцкому? Врагу Сталина? При попустительстве Крупской за спиной Сталина Ленин переписывается с Троцким?

Сталин по телефону не пожалел грубых слов для Надежды Константиновны. В завершение сказал, что она нарушила запрет врачей и он передаст дело о ней в Центральную контрольную комиссию партии.

Сегодня читать такое смешно. Но тогда Крупской было не до смеха. Нервы ее на пределе. Однако она отбивается от сталинских угроз со свойственным ей хладнокровием. Пишет в Контрольную комиссию, предлагая созданной ею машине разобраться в чисто человеческой коллизии: «Я в партии не один день. За все тридцать лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичом, я знаю лучше всякого врача, так как знаю, что его волнует, и, во всяком случае, лучше Сталина».

Разумеется, жена за двадцать с лишним лет совместной жизни знает мужа лучше всех.

Но если партии нужно, с помощью партийных механизмов она легко докажет, что не жена, не врач, а она, партия, знает, как вести себя с больным.

Партия — превыше всего!

Ссора Крупской со Сталиным произошла через несколько дней после начала болезни Ленина, в декабре 1922 года. Ленин узнал о ссоре лишь 5 марта 1923 года, но продиктовал секретарше письмо Сталину:

«Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу вас взвесить, согласны ли вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения».

После диктовки Ленин был очень взволнован. Это заметили и секретарши, и доктор Кожевников.

На следующее утро он попросил секретаршу перечитать письмо, передать лично в руки Сталину и получить ответ. Вскоре после ее ухода его состояние резко ухудшилось. Поднялась температура. Нарушилась речь. На левую сторону тела распространился паралич. Больше Ленин не вернулся к активной жизни.

Есть легенда — ее придерживался Троцкий — что Сталин отравлял Ленина медленно действующим ядом. Рассказывали, что Сталин сам сообщал ЦК, будто Ленин

в тяжкие минуты болезни просил у него яду, дабы прекратить мучения.

В реальности же Сталину не нужно было стараться, как средневековому отравителю. Достаточно было сделать лишь то, что он сделал по отношению к Надежде Константиновне.

Из всех известных мне поступков Ленина я думаю о его последнем письме Сталину, как о самом прекрасном и благородном. Сам умирающий, Владимир Ильич защитил свою женщину.

Это стоило ему жизни, хотя еще почти целый год Ленин дышал. Она не отходила от него, осознавая — с его уходом перевернется страница истории не так, как они заложили ее, предчувствуя, что жизнь всего наспех собранного в ленинском кулаке государства окажется в другом кулаке.

Она была железная. Ни слезинки не увидели люди в ее глазах в дни похорон. За долгое время его болезни свыклась с фактом его смерти. Говорила на панихиде, обращаясь к народу и партии: «Эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумала всю его жизнь, и вот что я хотела сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого не говорил он сам, да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую, менее торжественную (выделено мной. — Л.В.) минуту... товарищи, умер наш Владимир Ильич, умер наш любимый, наш родной... Большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память — всему этому он придавал при жизни такое малое значение, так тяготился

этим. Помните, что многое еще не устроено в нашей стране...»

Разве это похоже на речь убитой горем любящей жены?

Это голос борца революции, знающего, каким путем идти дальше, и готового взять в руки бразды правления. Да, она знала, что готова, сможет, сумеет лучше прочих...

Она также не сомневалась: никто, никогда, ни при какой погоде не даст ей в руки эти бразды.

Оставалось лишь искать опору.

Сразу после смерти Владимира Ильича Надежда Константиновна отправила два письма за границу: Алексею Максимовичу Горькому и дочери Инессы Арманд, Инессе Александровне, — самым близким людям.

Она описывала последние дни своего мужа и похороны в Москве. В письме Горькому есть такие строки: «... похоронили мы вчера Владимира Ильича. Он был до самой смерти таким, каким и раньше, — человеком громадной воли, владевшим собой, смеявшимся и шутившим еще накануне смерти, нежно заботившимся о других. Около газеты, которую мы читали каждый день, у нас шла беседа. Раз он очень взволновался, когда прочитал в газете о том, что Вы больны. Все спрашивал взволнованно: „Что? Что?“»

Крупская пишет Горькому так, словно и не лежал Ленин в параличе, словно он был активен, деятелен, ходяч.

А как же общеизвестная легенда о впадшем в детство Ленине?

Вот несколько впечатляющих строк из воспоминаний художника Юрия Анненкова, рисовавшего Ленина:

«В декабре 1923 года Лев Борисович Каменев... предложил мне поехать в местечко Горки, куда ввиду болезни укрылся Ленин со своей женой. Я вижу, как сейчас, уютнейший барский, а не рабоче-крестьянский, желтоватый особнячок. Каменев хотел, чтобы я сделал последний набросок с Ленина. Нас встретила Крупская. Она сказала, что о портрете и думать нельзя. Действительно, полулежавший в шезлонге, укутанный одеялом и смотревший мимо нас с беспомощной искривленной младенческой улыбкой человека, впавшего в детство, Ленин мог служить только моделью для иллюстрации его страшной болезни, но не для портрета Ленина».

Даже если правда на стороне Юрия Анненкова, нетрудно понять «обман» Надежды Константиновны. Она не хочет представлять никому, даже близкому Горькому, Вождя революции в жалком виде. Он должен остаться в памяти добрым, прекрасным, могучим, великодушным.

Подруга победителя не мыслила себе другой позиции Вождя, кроме победно-сильной.

Но в этот же день она пишет еще одно письмо, о котором никто никогда не упоминает, — на Кавказ, Троцкому. Троцкий только уехал отдыхать в Сухуми, а через несколько дней Ленин умер. Сталин в депеше не рекомендовал ему приезжать на похороны. И Троцкий послушался. Позднее винил Сталина, хотя сам себе был тогда хозяин, мог и не внять сталинскому совету. Просто не хотелось возвращаться. Сталинский совет в те дни был ему на руку.

Находясь на отдыхе, Троцкий думал о Ленине, о его жизни и смерти, вспоминал Надежду Константиновну, «которая долгие годы была его подругой и весь мир воспринимала через него, а теперь хоронит его и не может не чувствовать себя одинокой... Мне хотелось сказать ей отсюда слово привет, сочувствия, ласки. Но я не решился. Все слова казались легковесными перед тяжестью совершившегося. Я боялся, что они прозвучат условностью. И я был насквозь потрясен чувством благодарности, когда неожиданно получил через несколько дней письмо Надежды Константиновны».

Что же это за люди такие были наши вожди, если не находилось у них естественных слов сочувствия вдове и более всего думали они не о том, чтобы сердечным словом хоть как-то облегчить страдание человеку, а о том, как будут выглядеть они сами в этом сочувствии?

Крупская не дожидается сочувствия: «Дорогой Лев Давидович, я пишу, чтобы рассказать вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечитать ему это место, слушал очень внимательно. Потом еще раз просматривал сам.

И еще вот что я хочу вам сказать: то отношение, которое сложилось у В.И. к вам тогда, когда вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти.

Я желаю вам, Лев Давидович, сил и здоровья и крепко обнимаю.

Н.Крупская».

Если верить Крупской, а не Анненкову и многим другим, Ленин до самого последнего дня действовал и жил как интеллект.

Если верить этой ее записке, Ленин перед смертью размышлял о Троцком. И последний, уже не думая о страданиях безутешной вдовы, радуется за себя: «Крупская свидетельствовала, что отношение ко мне Ленина, несмотря на длительный период антитезиса, оставалось „лондонским“: это значит отношением горячей поддержки и дружеской приязни, но уже на более высокой исторической основе. Даже если бы не было бы ничего другого, все фоллианты фальсификаторов не перевесили бы перед судом истории маленькой записочки, написанной Крупской через несколько дней после смерти Ленина».

Да что же это такое! Ведь записочка Крупской не в прошлое глядит — в будущее, повествуя совсем не о дружеских чувствах покойного к Троцкому.

Записочка Крупской — не что иное, как протянутая рука на союз, на согласие, возможно, на политическую поддержку. Взаимопомощь.

Крупская не из тех, кто будет предаваться вдовой печали. Она действует, но ей приходится выбирать между лаем и черной бездной, между Сциллой и Харибдой, между Троцким и Сталиным. Она готова выбрать Троцкого, хотя уже понимает: победа не будет на его стороне.

Окажись Троцкий менее суетным и менее одержимым пламенной любовью к самому себе, она многое смогла бы противопоставить Сталину — своему главному оппоненту по жизни и по партии. Вместе с Троцким она возглавила бы борьбу внутри партии и,

глядишь, победила бы. Но Троцкий соскользнул, и она осталась без реальной поддержки.

Не затем, однако, Крупская отдала всю себя революции, чтобы Сталин воспрепятствовал ее революционной страсти!

Дело всей ее жизни было начато, и ничто не могло помешать довести его до конца. Даже личное горе. Оно, кстати, тоже должно было работать на революцию.

Уже в мае 1924 года Крупская выступает на XIII съезде партии, первом съезде после смерти Ленина, с докладом о работе в деревне. Ее встречают продолжительными аплодисментами.

«Существует привод между авангардом и рабочим классом, между РКП и рабочим классом, этот привод уже прочно налажен. Владимир Ильич говорил об этой системе приводов, что должны быть приводы от авангарда рабочего класса к рабочему классу, а от рабочего класса, от пролетариата, к середняцким и бедняцким слоям крестьянства. Вот первый-то привод у нас есть, а над постановкой второго привода, от рабочего класса к крестьянству, надо еще поработать».

Это разве речь безутешной вдовы? Это речь робота.

Совершенно неожиданно ненавистный ей Сталин понимает ненавистную ему Крупскую более, чем кто бы то ни был. Осознав в ней главную создательницу партийной машины, он вот-вот увидит в ней помощницу себе, да и ей легче будет с ощущением его железной руки. Вот-вот — и они соединят свои усилия на приводах.

Однако люди есть люди, и машины, ими создаваемые, не предусматривают тонкостей и оттенков

чувств: оба не сумели переступить через взаимонеприятие.

Бывший семинарист Сталин внимательно наблюдал, какими несмолкающими аплодисментами встречают и провожают вдову Ленина народные массы и партийные митинги.

Приходила в голову мысль: чего доброго, захотят использовать старуху на роль новоявленной царицы — память о последней, Александре Романовой, убитой в Екатеринбурге, не выветрилась у народа.

Он обижал ее? Это видели и понимали все, но никто не смел вступиться? Он бросал ей в лицо, что она своим неумелым уходом загнала Ленина на тот свет? Он заставлял ее ходить в Мавзолей, упрекая, что она забыла любимого мужа? Говорили, все было именно так.

Крупская умоляла, требовала похоронить Ленина. Ее страшил ритуал поклонения ленинским мощам, устроенный Сталиным: в двух шагах от квартиры, где она жила, лежал непохороненный труп ее мужа, и это было невыносимо. Очередь к его забальзамированному телу стала символом всех нескончаемых очередей в стране.

Сноха Каменева, актриса Галина Сергеевна Кравченко, вспоминает: «Приходила Крупская, приходила к Льву Борисовичу в 30—31 годах, плакала, просила, чтобы он защитил ее от грубостей Сталина. Он сочувствовал, успокаивал, но не знаю, чем он мог помочь. Она была большая, рыхлая, видно, что больная. Мягкая такая, славная. Плакала. Я ее успокаивала, а она голову положит мне на плечо и говорит: „Галечка, Галечка, так тяжело...“».

Декабрь 1925 года. XIV съезд партии. Крупская выступает на нем с беспокойством о своем детище: «...авторитет нашей партии может быть поколеблен».

В чем дело?

«В прежние времена наша партия складывалась в борьбе с меньшевизмом и эсерством... мы привыкли крыть наших противников, что называется, матом, и, конечно, нельзя допустить, чтобы члены партии в таких тонах вели между собой полемику...»

Ай-ай-ай, пуританка Надежда Константиновна! Значит, «врагов» можно матом, а однопартийцев нельзя? Где же интеллигентность? Разве неясно вам, умнице, что любая полемика должна быть на высоте, кто бы ни был оппонентом?

Увы, неясно. Вседозволенность власти сделала свое дело — Крупская уже отделена от общечеловеческого суперчеловеческими условиями властного мира.

В этой речи Крупская предостерегает аппарат своей машины от излишнего увлечения капитализмом, ссылаясь на Ленина, но вольно или невольно подпевая Сталину. И каждое ее слово — работа над усовершенствованием партийной машины.

Ее слушают, ее слышат, ей продлевают время выступления.

Декабрь 1927 года. XV съезд партии. Крупскую встречают бурными аплодисментами.

Ее волнует проблема политического просвещения общества — то есть необходимость его активной политизации в одном лишь большевистском

направлении. Это, в ее понимании, и есть основа культурной революции.

Июнь 1930 года. XVI съезд партии.

Крупская приветствует коллективизацию: «Эта перестройка на социалистических началах сельского хозяйства — это настоящая подлинная аграрная революция». Она клеймит выброшенного за пределы страны Троцкого, который «никогда не понимал крестьянского вопроса», она предлагает в деле коллективизации мощнее использовать все механизмы своего партийного детища: «...борьба с кулаком заключается в том, чтобы на идеологическом фронте не оставалось никакого следа кулацкого влияния». А без руководящей работы партии это невозможно. Она предлагает каждому члену партии «неустанную ленинскую бдительность», иначе он, «борясь с перегибами, не заметит важного; иногда по чрезвычайно важной стороне дела ударит, а того, с чем надо бороться, не увидит».

В этой речи слышна агрессивность уже не ленинская — сталинская, но при этом Крупская не идет в ряды рьяных сторонников Сталина.

Январь 1934 года. XVII съезд партии.

В своей речи Крупская без конца произносит имя Сталина в унисон со всеми другими ораторами. Но!.. Талантливая Крупская, приняв сталинские «правила игры», умеет говорить в нем не славословя, с достоинством, вроде бы даже дополняя его. Самого Сталина!

«Вот на XVI съезде товарищ Сталин заострил вопрос о всеобщем обучении. Конечно, это вопрос громадной важности, это сознавала партия с самого начала...»

То есть не воображай, товарищ Сталин, что ты открыл Америку. Ленин вместе со мной этим занимался, еще когда ты в семинарии учился богу, с маленькой буквы, молиться.

«...Но только на известной ступени, когда созданы были предпосылки для осуществления этого, можно было провести ту громадную работу...»

То есть до тебя, Сталин, предвидели и предполагали.

Чуткое ухо Сталина ловило все нюансы. Думаю, интонации Крупской резали ему слух.

Острый на язык Радек пустил сплетню, что, раздраженный какими-то ее высказываниями в свой адрес, Сталин сказал:

«Пусть помалкивает. А то завтра партия объявит вдовой Ленина старую большевичку Стасову». (В этой сплетне, дожившей до сего дня, иногда менялись имена: то уже давно умершую Инессу подставляли вместо Стасовой, то Фотиеву. — Л.В.)

Она пережила Ленина на пятнадцать лет. Давняя болезнь мучила и изнуряла ее. Не сдавалась. Каждый день работала, писала рецензии, давала указания, учила жить. Написала, неоднократно переписывая, книгу воспоминаний, где в каждом новом издании, словно утюгом, разглаживала прошлое. В этой книге видно, как гнулась она под гнетом сталинского времени, как все же, где могла, не сгибалась она. В этой книге, если читать ее и по строкам, и сквозь строки, видна вся создательница

партийной машины, вся великолепная исполнительница ленинских идей.

Наркомпрос, где она работала, окружал ее любовью и почитанием, ценя природную душевную доброту Крупской, вполне мирно уживавшуюся с суровыми идеями.

Но каково было видеть Надежде Константиновне постепенную и планомерную гибель ленинской гвардии, эту агонию большевизма, это перерождение его в сталинизм?! Она, женщина, приветствовавшая пролитую кровь — дворянскую, белогвардейскую, царскую, понимавшая необходимость народной крови для защиты своей машины, тяжело переживала потерю большевистской крови.

Созидательница машины, которой не дано было право держать руль, не отвечала за ход шестеренок и двигателей.

А тот, кто отвечал за них, переделывал механизмы под свой нрав и разум.

Творчество Крупской, составившее одиннадцать внушительных томов, содержит много полезного. Но, думаю, ее ум и знания не скоро опять пригодятся, заслоненные общими негативными реакциями на ленинизм.

26 февраля 1939 года Крупская праздновала свое семидесятилетие. Вечером собрались друзья. Сталин прислал торт. Все дружно ели его. Наутро она, одна из всех, умерла в больнице. От острого отравления — таков стойкий слух. Чья-то рука положила в ее блюдце кусок с ядом?

Даже в последующие, открытые для разоблачения Сталина дни оставшиеся в живых участники вечера у Крупской решительно отметили версию отравленного торта.

Кто знает...

«Бойся данайцев, дары приносящих...»

Сталин лично нес урну с прахом Крупской.

Тайна смерти Надежды Константиновны никогда не будет раскрыта. Да и была ли тайна? Если задаться вопросом: чем эта сдававшаяся и все-таки не сдающаяся старая больная женщина вдруг в 1939 году стала опасна Сталину, то можно найти немало причин, которые недоказуемы.

Если «повесить» (глагол! — Л.В.) эту смерть на Берия, проявлявшего особую старательность в начале своей московской деятельности на посту главы НКВД, то можно снять подозрение со Сталина: не ведал, что творит его подручный. Но Берия в том году был еще слаб для такой инициативы.

Самоубийство? Приняла снотворное, устав жить, работать, болеть, переносить тяжесть расплаты за мечту, ставшую для нее в реальности кошмаром?

Все, что угодно, только не это! После смерти Ленина, после потери многих соратников она ощущала себя едва ли не единственной носительницей великой ленинской мечты и творила ее, понимая, что пока жива она — жив в какой-то степени и ОН, значит, жива ее главная любовь — революция.

На похоронах Надежды Константиновны было сказано много высоких слов. Двадцать лет эта женщина

не жалела себя, поднимая неграмотную страну к свету тех знаний, которые считала единственно верными.

Обернувшись на всю историю России, можно сказать без преувеличений: ни одна женщина на вершине власти не сделала для женского мира столько, сколько Крупская. Даже Екатерина Великая, самая могучая представительница «слабого пола» в нашей истории, была мужчиной в юбке на русском троне.

Крупская положила свою женственность под колеса свершившейся революции для того, чтобы женское равноправие стало в стране реальностью. Она могла бы убеждать мужа в том, что женщины России еще не готовы для такого шага в отличие от женщин более цивилизованной Европы, где они тоже неравноправны, и он прислушался бы к ее голосу, а остальные поддакнули бы вождю. Но это была бы уже не Крупская. В результате Советская Россия создала новую женщину: свободную работать наравне с мужчиной, но несвободную наравне с ним решать проблемы всей страны.

Всеми своими достоинствами и недостатками женский мир Страны Советов был обязан титаническим усилиям Крупской, а хорошо это или плохо — рассудит Время.

Я заканчивала историю первой кремлевской жены в дни, когда огромная партийная машина, созданная и ее руками, многими после нее многократно перестроенная, сначала, как шагреневая кожа, усыхала в размерах и вдруг совместными, нападающими и защищающими, ударами была вдребезги разбита августовскими днями 1991 года. По обе стороны баррикад, в той Москве, где двадцать лет жила некоронованная царица революции, где она умерла, сошлись идеи большевиков старого и

нового образца и руками своих детей и внуков расправились с этой машиной.

Ой ли?!

Мадам История ходит не по прямой, а возвращается на круги своя.

Не затем Надежда Константиновна столько работала, чтобы какие-то мы явились и перечеркнули.

Патрон и Помада

Подполье наверху

Весной 1974 года в тиши лондонской улочки Челси-парк-гарденс ужинала я в обществе трех — каждая по-своему замечательна — эмигрантских дам прошлого.

Саломея Николаевна Андронникова, двоюродная внучка поэта Плещеева и дочь бакинского генерал-губернатора. Подруга поэтов русского Серебряного века.

Приятельница Ахматовой в десятых годах.

Спасительница Цветаевой в двадцатых, когда та бедствовала в Европе.

Возлюбленная Зиновия Пешкова — международного авантюриста и французского генерала, старшего брата Якова Свердлова и приемного сына Максима Горького.

Муза поэта Осипа Мандельштама.

Вдова бывшего управделами Временного правительства Александра Гальперна.

Добрая, злая, все на свете понимающая, замечательная читательница.

Женщина без ярко выраженных политических пристрастий, если не считать таковым пристрастное чувство к родине, сохраненное в эмиграции во всей неприкосновенности. Красавица, несмотря на приближающиеся девяносто.

М а р и я И г н а т ь е в н а
Закревская-Борейшо-Бенкендорф-Будберг, дочь украинского помещика, родом из Лозовского уезда, где родился и мой отец, а значит, мы с нею в некотором роде землячки.

Возлюбленная английского дипломата-разведчика Брюса Локкарта.

Вдова графа Бенкендорфа.

Официальная жена барона Будберга.

Секретарь и близкая подруга Максима Горького.

Гражданская жена Герберта Уэллса.

Переводчица русской и советской литературы на европейские языки.

Железная женщина — по определению одних, Мата Хари — по подозрениям других.

Анна Самойловна Калина, дочь богатого московского купца.

Гимназическая подруга Анастасии Цветаевой.

Адресат стихотворения Марины Цветаевой «Эльфочка» из первой книги поэтессы «Вечерний альбом».

Недолгая муза художника Оскара Кокошки.

Компаньонка Саломеи.

Не знаю, как мы за столом пришли к теме революции и большевиков, помню лишь, Анна Самойловна, мило надув сморщенные губки, высказалась:

— Пока большевики в Кремле, моей ноги в родной Москве не будет. Ничего не хочу иметь общего с вашей революцией.

Мне это высказывание не понравилось. Явилась я из СССР, жена аккредитованного в Лондоне советского журналиста-международника, но, подобно Саломее, четких политических взглядов не имела. То обстоятельство, что к 1974 году была я в своей стране автором нескольких поэтических книг лирического характера, помогало оставаться собой и не прилепляться к литературно-политическим компаниям. Хотя это трудное одиночество.

Живя в Лондоне с 1973 года, стала я замечать за собой черты псевдопатриотизма. Мне, например, категорически не нравилось, когда кто-то ругал мою страну. Пусть он и совершенно прав. Это чувство знакомо многим. Еще Александр Сергеевич Пушкин говорил, что порой ненавидит отечество, но ему неприятно, если иностранец разделяет с ним это чувство.

А тут сидели далеко не иностранки. Стараясь быть вежливой, я сказала:

— Позвольте, почему революция моя? У вас по поводу революции ко мне не может быть никаких претензий. Ваше поколение сделало ее. Ваше. Это у меня могут быть к вам претензии, но не у вас ко мне.

Что началось! Все три — такие разные — набросились на меня:

— Революция была необходима!

— Самодержавие прогнило насквозь!

— Дальше терпеть весь тот ужас было нельзя!

— Царь погряз в бессилии. О царице лучше не говорить: психоз и разврат.

— Конечно, кровавая расправа с Романовыми не имеет оправдания, но это уже другой вопрос.

— Царизм довел Россию до революции — в феврале совершилось то, что должно было совершиться. Большевистской революции никто не ожидал — она была не нужна!

— Почему же ваше Временное правительство не удержало власти в своих руках? — спросила я Саломею Николаевну, как будто все от нее зависело. А она-то и за своего Гальперна, причастного к этому правительству, вышла только в эмиграции, не от хорошей жизни.

— Да, — ответила она, — Временное правительство никуда не годилось. Я всегда это говорила. Мой покойный муж, Александр Яковлевич Гальперн, тогда даже не жених, а один из поклонников, сидел внутри этого правительства и каждый день писал мне письма в Крым, где я проводила лето с дочкой от первого мужа и няней. Рассказывал ужасы про беспорядки на улицах. Не советовал пока возвращаться в Петербург. Просил переждать. Пугал голодом. Что вы думаете? К середине осени его письма стали более спокойными.

У меня есть исторический документ о несостоятельности Временного правительства: письмо Александра Яковлевича от двадцать четвертого октября

тысяча девятьсот семнадцатого года — заметьте, канун Октябрьской революции...

Саломея Николаевна выходит из своей кухни-столовой, где мы обедаем, и недолго отсутствует.

Желтое от времени письмо разворачивает бережно. На бумаге царские водяные знаки — двуглавый орел. Она опускает личные подробности и читает главное:

— «Совершенно уверенно сообщаю Вам, дорогая, что теперь можно ехать. Жизнь, слава богу, налаживается. Вчера появился пышный белый хлеб, как раньше. Вам голодать не придется. Жду с нетерпением. Буду встречать...»

Она показывает мне эти строки, и я прочитываю их. Написаны четким, аккуратным почерком, почти без наклона.

— Вот, — указывает перстом Саломея, — вечером этого дня, двадцать четвертого октября, мой Гальперн уже сидел в тюрьме у большевиков. Чудом вышел. Так, спрашиваю я вас, куда годится правительство, которое под своим носом ничего не видит? Потом, в Париже, выйдя замуж за Гальперна, я часто спорила с ним — у нас были совершенно разные подходы к жизни, но это нам не мешало — и всегда говорила: «Так вашему правительству и надо. Получили по заслугам».

— Значит, царь был плох? Временное правительство плохо? И большевики плохие? — спрашиваю я.

— Плохие. Они, конечно, многое сразу же сделали разумно своими декретами. Народ на свою сторону взяли. Правильно повели себя. Но слишком круто. Слишком. Так нельзя.

— Они еще за это поплатятся, — ввернула непримиримая Анна Самойловна.

— Они не могли иначе. Такая шла рубка... — неуверенно сказала баронесса Будберг, у которой за плечами было слишком хорошее знакомство с большевиками и с Чрезвычайкой, когда ее взяли чекисты вместе с Локкартом.

— Понимаешь, Мура, — задумчиво произнесла Саломея Николаевна, — я размышляла над этим. Понимаешь, они были подпольщики. Это накладывает свой отпечаток. Подпольщики...

На этом слове я остановила пленку.

Да, да, я приходила к Саломее Николаевне с магнитофоном. Ей хотелось «оставить себя на магните». Она говорила, что очень тщеславна, и если уж есть такое новое средство «голосом запечатлеться на века», почему им не воспользоваться. Она всегда требовала включать магнитофон: и за разговором, и за ужином, если гости не возражали. На этот раз возражений не последовало.

Анне Самойловне было безразлично. Думаю, она не сомневалась, что я записываю для КГБ невинные разговоры у Саломеи.

Мария Игнатьевна, узнав, что мы ужинаем под магнитофон, сказала:

— Терять мне нечего. На какую разведку ты работаешь? Ну-ну, я пошутила. Мне терять нечего. Знаешь, четыре разведки платят мне пенсию.

— Она все врет, — шепнула себе в тарелку Анна Самойловна, пользуясь тем, что слух отличный только у нее и у меня, — набивает себе цену.

Подпольщики

Каждая власть, придя к рулю, с удовольствием обнаруживает и обнарудует злоупотребления старой. И тут же начинает собственные злоупотребления. Так было в веках, во всех странах и на всех материках.

Подпольщики — арестанты, эмигранты, ссыльные, — большевики вошли в Кремль, счастливые от сознания своей не совсем ожидаемой сверхпобеды. Они были чисты перед народом — вместо того чтобы служить и прислуживать старому режиму, они вскрыли его язвы и, рискуя многим, даже, случалось, жизнью, трудно искали истину. Светлое будущее всего человечества, осуществленное руками рабочего класса и бедного трудового крестьянства с помощью вышедшей из народа интеллигенции, — вот, с теми или иными вариациями, основная схема большевиков.

Жизнь дала сказочную возможность. Древний Кремль распахнул ворота.

Весь мир насилья мы разрушим

До основанья, а затем

Мы наш, мы новый мир построим,

Кто был ничем, тот станет всем! —

пели они.

Судьба сказала:

— Разрушили? Стройте!

Они вошли в Кремль, группа мужчин разного возраста, в большинстве своем немолодые, все до одного вчерашние арестанты, ссыльные, эмигранты, со своими

неоконченными спорами о светлом будущем, со своими несогласиями и недоговоренностями.

Цари были царями. Они царили, не провозглашая свободы, равенства и братства народов. Они знали, что свободы нет, есть лишь осознанная необходимость. Равенства на земле быть не может, ибо никто не равен никому, а царь выше всех других. Божий помазанник. Братство народов — чушь. Многочисленные этносы, населяющие Россию, едины в своих различиях и равны в одном: они все — царские подданные, должны служить ему, а он должен о них заботиться.

Великие и малые правители веками собирали эту психополитико-экономическую структуру России с Литвой, Польшей, Кавказом, Украиной и т.д.

В 1917 году, к осени, все расплзлось, разделилось и вышло из берегов.

Большевики развесили свои полотнища с лозунгами и декретами и попали в самую точку, пообещав измученной войной России, всему трудовому народу мир, хлеб, землю. Но практически не было тех, кому все это обещалось: старые классовые структуры рассыпались на глазах, новые еще не сложились. Народ представлял собой некую неопределенную массу, с которой можно делать все, что угодно. Требовалось длительное время и большое терпение, чтобы сформировать общество. Но жить тем, кто тогда жил, нужно было в повседневности. Назад дорога не просматривалась. В сегодняшнем дне царили хаос и неопределенность. Завтра обещалось светлым и праздничным, как вековая мечта. Голод Гражданской войны сменился локальными благополучиями нэпа. Ленин, не зная отдыха, колеблясь и сомневаясь во многом и многих, вел свою, ставшую

нечеткой, линию. С ним боролись вчерашние соратники. После него борьба приняла еще более жестокий характер. Взгляды борющихся сторон не были проверены жизнью, но внедрялись, чтобы проверить их. Россия становилась страной-экспериментом. Власть пьянила и кружила головы.

Цари, короли и президенты приходят на власть, предполагая и принимая как должное все и всяческие привилегии. Привилегированность — традиция обществ. Правители мира и их челядь защищены от остального мира стеной удобств и сверхудобств, как говорится, на законном основании. И нигде народ не волнуется по поводу того, почему у хозяев или правителей все эти удобства есть: у царей — навсегда, у президентов и их челяди — на время правления.

Большевики вошли в Кремль с идеей отмены всех и всяческих привилегий. Им претили барские замашки и исключительные обстоятельства. Не за то боролись они, чтобы обуржуазиться и омещаниться.

Боролись... Сутью жизни вчерашних арестантов и ссыльных всегда была борьба. Ее принципы они положили в основу мирных инициатив. Мир стал войной. В мирное время по приказам новой власти было совершено столько разрушений «ненужных устаревших форм» прошлой жизни, созданных столетиями, сколько не разрушали жестокие битвы. Взрывались основы общества, складывавшегося веками.

Большевики вошли в Кремль и очутились перед необходимостью, толкаясь боками в одной гигантской кухне народной жизни, вести экономику домашнего, то бишь народного, хозяйства. Для успеха такого рода

работы не было опыта, образования, соответствующего воспитания — никаких предпосылок.

Опыт революционного подполья диктовал новой власти свои нормы поведения. Скрытность. Тайны во всем — от мелочей до крупного. Строгая подчиненность младшего по чину старшему. Весь этот партийный «демократический централизм», который легкомысленному человеку вроде меня мог показаться набором пустых фраз, был нутром партийной машины и работал безотказно: руководил — управлял.

Стиль тюрьмы, подполья, ссылки — это подозрительность, недоверие, жестокость, изворотливость, ложь во спасение, предательство ближних.

Стиль тюрьмы становился стилем свободной жизни, превращая ее в подобие тюрьмы. Полагаю, что в упоении побед большевики всего этого не замечали, возвеличивали новый стиль, возводили в крайнюю степень восторга, любовались им и требовали неукоснительно следовать ему.

Анна Михайловна Ларина, вдова Н.И.Бухарина, вспоминает 7 ноября 1924 года, первую годовщину Октября без Ленина. Она была тогда девочкой. Отец взял ее с собой на Красную площадь:

«В то время праздник на трибуне Мавзолея встречали не только члены Политбюро, но и более широкий круг партийных работников. Я, как и во многих других случаях, сопровождала отца, помогая ему добираться. (Отец Анны Михайловны был инвалидом. — Л.В.) Так я оказалась на трибуне...

Как только мы с отцом поднялись на левую трибуну Мавзолея, ко мне подошел Троцкий и сказал:

— Ты что на себя нацепила? — И дернул рукой мой пестрый шарфик (красный в голубых цветочках), который мать не без моего желания повязала мне поверх пальто, чтобы я выглядела нарядной. — Где твой пионерский галстук?! Ты, очевидно, не знаешь, почему пионерский галстук красного цвета! Красный цвет — символ пролитой крови восставшего рабочего класса!

Он произнес эти слова строгим, грозным тоном, будто по меньшей мере я была проштрафившимся солдатом Красной Армии, которого ждет кара.

Я до такой степени смутилась и так была взволнована, что праздник был отравлен, и у меня было лишь одно желание — поскорее вернуться домой.

В свое оправдание я сказала Троцкому:

— Это мама повязала мне шарфик вместо галстука.

— Неплохая у тебя мама, — ответил Троцкий, — а совершила такое зло!

Так и выразился — «зло».

Мамино «зло» еще больше огорчило меня, и у меня брызнули слезы. Отец, увидев мой жалкий вид, заступился за меня:

— Посмотрите, Лев Давидович, какие огромные красные банты в косах моей дочери, так что «крови» более чем достаточно.

Оба они рассмеялись...«

Чудовищность этой сцены очевидна. Шуточки Троцкого с маленькой девочкой — чрезвычайно сильная

деталь. Не из такой ли детали вырос Павлик Морозов — несчастное дитя, жертва революционного героизма?

Думаю, одной детали достаточно, чтобы увидеть: не будь Сталина, Троцкий был бы не слабее. И, видимо, дело здесь не в том, какая фигура пришла к власти, к руководству партийной машиной, а в устройстве самой машины, чья изначальная жестокость и жесткость оправдывались, обосновывались и обстоятельствами жизни, и идеями классового подхода ко всему, включая детские шарфики. Впрочем, возможно, я ошибаюсь.

Возможно, ошибаюсь? И не будь Троцкого, а приди после Ленина к рулю мягкий человек, все было бы иначе? Ведь роль личности в истории — факт неоспоримый.

Я стала искать фигуру мягкую, многое понимающую, в каком-то смысле цивилизованную, побывавшую в эмиграции, в Европе, не такую жестокую, как Сталин, не такую эксцентричную, как Троцкий, не такую аморфную, как Луначарский, не такую железную, как Дзержинский, не такую простецкую, как Буденный, не такую интеллигентную, как Каменев, не такую непоследовательную, как Бухарин, не такую циничную, как Радек.

Нашла: Зиновьев. У него и вид не слишком партийно-правильный. Явный налет поэтичности: этакая лохматость, губастость, склонность к полноте — значит, незлой характер. И две жены в активе. И обе работают на дело революции. И между собой в хороших отношениях, а это значит, сумел Зиновьев семейные сложные конфликты разрешить самым оптимальным образом. И поест любит, и повеселиться не прочь. То

есть сам живет и способен дать жить другим — так, что ли?

Вроде бы так.

Комиссар путей сообщения, большевик с первых дней Октября, сын царского генерала, позднее порвавший с большевиками, А.Нагловский оставил потомству поучительное воспоминание:

«Я был в кабинете Зиновьева, когда туда пришел председатель петербургской ЧК Бакаев. Он заговорил о деле, сильно волновавшем тогда всю головку питерских большевиков. Одна пожилая женщина, старая большевичка, была арестована за то, что при свидании со знакомой арестованной «белогвардейкой» взяла от нее письмо, чтобы передать на волю. Письмо было перехвачено чекистами. Дело рассматривалось в ЧК, и вся коллегия во главе с Бакаевым высказалась против расстрела этой большевички, в прошлом имевшей тюрьму и ссылку. Но дело дошло до Зиновьева, и Зиновьев категорически высказался за расстрел. В моем присутствии — свидетельствует Нагловский — в кабинете Зиновьева меж ним и Бакаевым произошел крупный разговор. Бакаев говорил, что если Зиновьев будет настаивать на расстреле, то вся коллегия заявит об отставке.

Зиновьев взъерепенился, как никогда, он визжал, кричал, нервно бегал по кабинету и на угрозу Бакаева отставкой заявил, что, если расстрела не будет, Зиновьев прикажет расстрелять всю коллегия ЧК. Спор кончился победой Зиновьева и расстрелом арестованной женщины».

Чем он лучше других?

Вспоминает Троцкий: «Жили в Кремле в первые годы революции очень скромно. В 1919 году я случайно узнал, что в кооперативе Совнаркома имеется кавказское вино, и предложил изъять его, так как торговля спиртными напитками была в то время запрещена.

— Доползет слух до фронта, что в Кремле пируют, — говорил я Ленину, — произведет плохое впечатление.

Третьим при беседе был Сталин.

— Как же мы, кавказцы, — сказал он с раздражением, — будем без вина?!

— Вот видите, — подхватил шутливо Ленин, — грузинам без вина никак нельзя!

Я капитулировал без боя.

В Кремле, как и по всей Москве, шла непрерывная борьба из-за квартир, которых не хватало. Сталин хотел переменить свою, слишком шумную, на более спокойную. Агент ЧК Беленький порекомендовал ему парадные комнаты Кремлевского дворца. Жена моя, которая заведовала музеями и историческими памятниками, воспротивилась, так как дворец охранялся на правах музея. Ленин написал ей большое увещательное письмо: можно-де из нескольких комнат дворца унести более ценную мебель и принять особые меры к охране помещения; Сталину необходима квартира, в которой можно спокойно спать; в нынешней его квартире следует поселить молодых товарищей, которые способны спать и под пушечные выстрелы, и проч. Но хранительница музеев не сдалась на эти доводы. Ленин назначил комиссию для обследования вопроса. Комиссия признала, что дворец не годится для жилья. В конце концов

Сталину уступил свою квартиру сговорчивый Серебряков, тот самый, которого Сталин расстрелял 17 лет спустя».

Думаю, что Сталин запомнил, как Наталья Седова-Троцкая не пускала его жить в парадных комнатах дворца, но не смог тогда достойно ответить ей. Позднее ледоруб Рамона Меркадера прошелся, в каком-то смысле, и по ней.

Спецжизнь и спецлитература

Они вошли в Кремль и с его холма увидели Россию. Она принадлежала им со всеми ее богатствами: царскими кладовыми и погребками, музеями и галереями, княжескими и боярскими особняками. Со времен Ивана Калиты все это, с разной долей успеха, собиралось и охранялось. Теперь предстояло сберечь.

Однако тут же возник и ленинский лозунг: «Грабь награбленное!». Его можно было понимать как угодно.

Тюрьма есть тюрьма. Кто сидел в ней, сильно отличается от того, кто в ней не сидел. Люди, прошедшие тюрьму, знают неведомое нам, грешным. Достоевский, отсидевший в «мертвом доме», говорил, что писателю Всеволоду Соловьеву не хватает опыта тюрьмы, необходимого всякому мыслящему человеку. Чрезвычайного опыта!

Имея этот опыт, большевики легко ввели Чрезвычайку.

Полные самых благородных намерений, большевики не желали никаких привилегий.

Но в первое же послеоктябрьское время члены нового Совнаркома стали падать в голодные обмороки

прямо на местах работы — в кабинетах бывшего царского правительства.

Ленин, не желая потерять свою гвардию, решительным указом ввел спецпитание. Оно было временной мерой — до тех пор, пока не утрясется хозяйственный вопрос. Эта мера продолжается по сей день. Она легла в основание партийной машины, хотя Крупская, когда привинчивала винтики и шарики машины, и думать о таком не могла: жизнь внесла коррективы. Все годы начиная с 1917-го спецжизнь слуг народа возбуждает сначала молчаливое, а потом громкое возмущение миллионов, не попавших в спецсписки. Где же провозглашенное равенство и братство?

Английскую королеву определенная часть народа не любит за то, что на нее идет много средств из бюджета, но есть законы, некогда провозгласившие эту привилегию. Большевики не объявили о своих привилегиях широким массам. Они продолжали твердить о равенстве, живя спецжизнью, легшей в основу жизни общества, чем создали в обществе фигуру противоречия. Более семидесяти лет партийный и государственный аппараты делили между собой сливки общественного продукта, которого не производили. Следующая фигура в этом дележе — «выборные» представители народа — получали свое, поменьше, в кругу собравшихся над продуктом. Остаток, полусъеденный по дороге широкой сетью сферы обслуживания, получал производитель.

Такова грубая схема.

Сама жизнь диктовала большевикам спецформы: Ленин не помышлял об охране, но выстрелили в него, ранили, и ему была приставлена охрана.

Охранять одного Ленина? Другие разве не значительные люди? Штат охраны кремлевских вождей разрастался.

Главные большевики вошли в Кремль не одни, а большой толпой — с женами, чадами и домочадцами. Расселились по квартирам. Все это многолюдье, шумящее, кричащее, спорящее, растущее, каждый день, естественно, желало жить: есть, пить, одеваться. Причем хорошо.

Зря, что ли, по тюрьмам и ссылкам здоровье растрачивали?

Кремлевские жены под стать мужьям. Соратницы. Сподвижницы. Революционерки. Ниспровергательницы основ. Как Надежда Константиновна, но помельче масштабом. Они не собирались стоять у плит или стирать пеленки. По ту сторону Кремлевской стены, в народе, их ждали серьезные дела. Предстояло помогать мужьям заботиться о голодном и замерзшем народе. И они помогали как могли. Не жалея сил, увлекаясь работой, поднимали беспризорников, ликвидировали безграмотность, создавали для трудящейся женщины ясли и детсады. Хотя идея детсада и была внедрена, хотя и спецсады, и спецясли появились тут же, некоторые жены из «высших эшелонов власти» предпочитали держать детей дома. Именно по этой причине у них возникла необходимость в домработницах и няньках. Множество бывших нянек, кухарок, горничных, бонн бродило по Москве, потеряв хозяев. Нужно было преодолеть щепетильный момент и нанять такого рода обслугу. Кое-кто преодолел. Не все. Большинство жен считали: брать в Кремль слуг «от бывших хозяев» хоть и

шикарно, однако буржуазно, нескромно, могут осудить. А также опасно. Чего доброго, убьют или отравят.

Большевистские жены были подвержены традициям секретности и таинственности не меньше своих мужей — они ведь тоже пришли из тюрем, ссылок, эмиграции. Ко всему этому прибавился новый страх — перед контрреволюцией: а вдруг придут, вернуться, затребуют свое?

Весь новый кремлевский двор от мала до велика знал о расстреле царской семьи. Неужели ни одна женщина из кремлевской семьи не содрогнулась? Не воспротивилась? Достоверно неизвестно, однако легко предположить, что в большинстве своем — нет. Кремлевские жены — большевички и соратницы — не должны были сомневаться в справедливости ленинско-свердловского решения, перечисляя преступления на совести царя и всех Романовых: бедность народа, которую их мужья должны были ликвидировать (глагол! — Л.В.), войну... С царицей тоже ясно — немка, погрязла в разврате и злоупотреблениях. Дети царя и царицы? Ну да, дети, дети. Вроде бы... Нет! Вырастая, дети могли стать предметами политических интриг для всякого рода врагов советской власти, контрреволюционеров. Их необходимо было ликвидировать (тот же глагол уже в угрожающем значении. — Л.В.) как можно скорее в условиях Гражданской войны. Железная логика? Разве нет?

Большевики укреплялись. Новые царицы — не царицы, придворные дамы — не придворные дамы постепенно свыкались со своими ролями. Осваивались.

— Я в тюрьме сидела, а теперь в Кремле сижу!

— Мы боролись и победили, нам положено!

В самом деле — еще вчера тяготы тюрьмы и ссылки, стесненность эмигрантских средств к существованию, а сегодня сложнейшая проблема: одну даму возит новая заграничная машина, а другую — старая; при этом муж первой по положению ниже мужа второй. Непорядок!

В борьбе за автомобиль и прочие блага отлично пошли в ход привычные, характерные навыки людей, прошедших тюрьму и подполье: подозрительность, изворотливость, опыт внутрипартийных склок.

Подполье наверху

Запрещение книг с самого начала стало нормой советской жизни. От поколений силой заслонили целый пласт литературы и искусства.

В моей молодости не издавали Сергея Есенина — у него была «религиозно-патриархальная в сочетании с уличной психология».

Достоевский? Ни в коем случае! «Носитель вредных, махрово-консервативных взглядов», Федор Михайлович к тому же «страдал склонностью к созданию патологических образов».

Александра Блока, припечатанного новой идеологией «представителем упаднической буржуазной культуры декадентского толка», широко начали печатать в шестидесятых.

Булгаков, Платонов, Ахматова, Гумилев, Волошин, Цветаева, а позднее Пастернак — в годы моей молодости в той или иной степени были под запретом.

«Известно, что после Октября дело просвещения страны Ленин отдал в руки своей жене, Надежде

Крупской. Эта духовно и интеллектуально весьма ограниченная советская леди (грубее — партийная дура-начетчица) издала один за другим три циркуляра, исключительно замечательных тем, что они говорили всякому, что бестиарий начался», — негодовал литератор-эмигрант Роман Гуль.

В ноябре двадцать третьего года Горький написал Ходасевичу: «Из новостей, ошеломляющих разум, могу сообщить, что в России Надеждой Крупской запрещены для чтения Платон, Кант, Шопенгауэр, Вл. Соловьев, Тэн, Рэскин, Ницше, Лев Толстой, Лесков». Лев Толстой?!

12 апреля 1918 года Совнарком утвердил декрет «О памятниках Республики», подписанный Лениным, Луначарским, Сталиным:

«Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц».

И полетели с пьедесталов исторические фигуры. Сегодня многие из них водружаются на прежние места и летят с пьедесталов уже не царские, а большевистские монументы. И то и то варварство. Вандализм.

Тогда, в 1918 году, Совнарком рассмотрел и одобрил список новых памятников великим людям, дополнив его именами Баумана, Ухтомского, Гейне. В этом списке рядом с именами Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Герцена, Ломоносова, Кипренского, Добролюбова, Чернышевского и других стояли имена Спартака, Тиберия (без Гая. — Л.В.), Гракха, Марата, Робеспьера, Гарибальди, Сен-Симона, Фурье, Бебеля, Жореса, Лафарга — революционеров всех времен и народов. Москва мерещилась разгоряченному

воображению победителей столицей всемирных революций, Меккой революционного движения всех народов земли.

Среди этих монументов, которым вряд ли хватило бы московских площадей, пришлось бы украшать ими скверы и даже дворы, предполагался и памятник Льву Толстому, часть произведений которого была запрещена. С одной стороны — вредный писатель, с другой — великий. Художественные произведения издать, философские — изъять, но памятник поставить и Ясную Поляну сохранить.

Мне всегда казалось, что за отношением Владимира Ильича к Толстому стояла Надежда Константиновна, с юности душой привязанная ко Льву Николаевичу, и если она смирялась перед большевистским желанием видеть в Толстом зеркало русской революции, то лишь в порядке партийной дисциплины.

Мне также казалось, что в нужный момент Надежда Константиновна умела смягчить суровость мужа по отношению к Толстому лишь ей одной ведомым способом, который она не всегда безуспешно применяла в разных других случаях своей поистине исторической жизни.

Участвуя в решении, какие памятники должны стоять в Москве и какие книги читаться народом, Надежда Константиновна стояла у своего детища — машины, которая должна была производить психологию и мышление новых людей, и ничего с большевистской точки зрения вредного, пусть даже великого, не должно было просочиться в новые головы строителей коммунизма.

Но как совместить: образованнейшая Надежда Константиновна, сделавшая так много для всеобщей грамотности России, позволила себе запретить книгу?! Одной рукой созидала, другой разрушала? Противоречие?

Нет.

Воспитанная тюрьмой и ссылкой, возросшая на запрещенной литературе, на печатании запретных листовок и воззваний, она не видела криминала в запрещении книги как таковой. Корни ее поступка лежат в прошлом нашего отечества, и не признаться в этом — значит спрятать голову под крыло: вспомним хотя бы судьбы русских поэтов начала девятнадцатого века, их прижизненную подцензурность и трагизм.

В чужих отечествах были свои книжные костры — это старо как мир.

Инквизиторша...

Назови ее тогда так, удивилась бы. Она старалась для будущих поколений, очищала их от литературной скверны, с «чуковщиной» боролась, мечтая создать замечательного, усредненного человека нового общества без ненужных поисков и нервных отклонений в ушедший мир. Без корней. Или с обрубленными корнями. Среди невольных ее учителей в этом деле, несомненно, и Лев Николаевич: его давнее желание переделывать, переписывать чужие книги случайными руками, запавшее с юности ей в душу, разве не несло в себе инквизиторских черт?

В этой своей роли, как, впрочем, и во многих других, Крупская была менее всего женщиной. Соратником. Борцом. Сопредседателем всего самого

большевистского. Соучастником. В мужском роде и в мужском деле. Создавая школьные и пионерские циркуляры, она отлично подлаживала их под мужскую властвующую структуру, в которой девочки и мальчики как разные существа почти неразличимы.

Другим кремлевским избранницам оставалось брать с нее пример.

Высшие чины Кремля жили внутри стены с 1918-го по середину 50-х годов.

Я была в кремлевских квартирах и запомнила тяжелую темную дверь, потом лестницу, потом опять тяжелую дверь, а за ней — ярко освещенный узкий коридор со сводами. Красный длинный ковер с зеленой разрисованной каймой. Вдалеке зеркало, вдвое удлинявшее коридор.

Поэт Владислав Ходасевич бывал в этом коридоре в начале двадцатых, я — в середине сороковых, но коридор за двадцать пять лет не изменился. Воспоминания Ходасевича так и называются: «Белый коридор». Мне придется несколько раз обращаться к ним по ряду причин. Одна из них — очень яркое, пожалуй, единственное в своем роде, художественно-документальное описание первых лет жизни вождей в Кремле.

Ходасевичу понадобилось прийти к Каменеву с просьбой о жилье. Каменев был тогда председателем Московского Совета. Поэт воспользовался тем, что жена Каменева, Ольга Давидовна (она же родная сестра Троцкого), курировала пролетарское искусство и покровительствовала поэтам.

«Дверь Каменевых, — пишет Ходасевич, — в самом конце белого коридора, направо. Мягкая мебель — точно такая, как у Луначарского: очевидно, весь белый коридор ею обставлен. Выделяется только книжный шкаф, новый, темно-зеленый. Подхожу, вижу корешки. Улыбаюсь. Грабари, Бенуа, „Скорпионы“ да „Альционы“ глянули на меня из-за стекол каменевского шкафа. Много книг, и многое, вижу, не разрезано. Да и где же так скоро прочесть все это? Видно, что забрано тоже впрок, ради обстановки и для справок на случай изящного разговора. В те дни советские дамы, знавшие только „Эрфуртскую программу“, спешили навести на себя лоск. Они одевались у Ламановой, ссорились из-за автомобилей и обзаводились салонами. По обязанности они покровительствовали пролетарским писателям, но „у себя“ на равной ноге хотелось им принимать „буржуазных“».

С тех самых пор пошла раздвоенность: с буржуазией борются, а сами млеют от удобств ее быта; капитализм клеймят, а сами ездят в капиталистических «Роллс-Ройсах», не имея отечественных автомобилей; эксплуататоров ненавидят, а сами уже сидят на шее народа со своими «временными» привилегиями, которые с каждым днем захватывают все большие слои разрастающейся партократии — людей, обслуживающих партмашину; буржуазную и дворянскую интеллигенцию преследуют, дома разоряют, а принадлежащие им книги себе берут.

Но вернемся к Ходасевичу.

«Мы с Ольгой Давидовной коротаем вечер. Она меланхолично мешает угли в камине и развивает свою мысль: поэтами, художниками, музыкантами не рождаются,

а делаются, идея о прирожденном даре выдумана феодалами для того, чтобы сохранить в своих руках художественную гегемонию; каждого рабочего можно сделать поэтом или живописцем, каждую работницу — певицей или танцовщицей: дело все только в доброй воле, в хороших учителях, в усидчивости...

Этой чепухи я уже много слышал на своем веку — и от большевиков, и не только от них.

После всевозможных околесиц для меня становится ясно, что Ольга Давидовна намерена собрать писателей, музыкантов, артистов, художников, чтобы сообща обсудить проект. Это значит — опять будут морить людей заседаниями... Мне хочется выгородить товарищей, и я начинаю доказывать Ольге Давидовне, что писателей звать не стоит, что они могут читать лекции по своей специальности, когда все будет готово, но организовывать они ничего не умеют, это не их дело. Между прочим, так оно и есть в действительности, но Ольга Давидовна мечтает именно хорошенько позаседать. К счастью, в эту минуту входит прислуга — толстая баба в валенках — и зовет Ольгу Давидовну к сыну«.

Эта колоритная картинка кремлевского быта, написанная не без яда, насквозь просвечивает и последующие времена, когда партия десятилетиями решала, что и как должны писать писатели. Основы стиля руководства искусством были заложены с первых дней, и дело не в Ольге Давидовне, которую позднее заменили, а в принципах партийной безошибочности и правоты, возведенных в догму.

Стиль кремлевской исключительности пришел в нравственное противоречие с народной жизнью. Это

противоречие углублялось с каждым годом, каждым десятилетием. И выросла сегодняшняя бездна.

Кремлевская жизнь с самого начала рождала легенды и суперлегенды. Вот уже много лет живет слух, что вожди в голодные дни Гражданской войны ложками ели черную икру. Нет дыма без огня. Был прием по случаю второй годовщины Октября. Федор Раскольников и его боевая подруга Лариса Рейснер привезли из своего успешного волжского похода захваченные в царских рыбных складах бочки с черной икрой. И разложили горы икры перед участниками приема.

Эта икра стоном прошла по устам поколений — забыто, кто, когда, по какому случаю ее привез, забыто, что было лишь раз; помнится — едят икру ложками, а люди голодают!

За несколько лет в Кремле сложился особенный быт, непохожий на дворцовый, — с подчеркнута демонстративной большевистской скромностью. И все же это был двор. С хозяевами и слугами. Шоферы, повара, уборщицы, няньки, охранники, начальники обслуги, разного рода распорядители — вся эта челядь, набранная из проверенных, революционно настроенных товарищей, поначалу служила людям революции, словно самой революции, исступленно, самоотверженно, бескорыстно. Кремль создал свою уникальную систему хозяйственно-ходатайственного руководства. Вот пример.

Пламенная немецкая революционерка Клара Цеткин летом 1926 года жила на подмосковной кремлевской даче. Ее соседкой была С. Фортунато, работавшая в АХО (административно-хозяйственном отделе) Кремля с июня 1919 года. Фортунато заболела воспалением легких, ей понадобились деньги и дополнительное лечение. Клара

Цеткин написала письмо Авелю Софроновичу Енукидзе, секретарю Президиума ЦИК СССР. Я нашла это письмо в мало кому известном сборнике «Советские архивы» № 3 за 1990 год.

«Многоуважаемый и милый товарищ Енукидзе!

Благодаря случайному соседству по даче, я встретила тов. Фортунато, которая после своей тяжелой болезни чувствует себя очень слабой и нуждается в отдыхе. Мне говорили, что она обратилась с просьбой продолжить ей отпуск для окончательного восстановления своего здоровья. Я разрешила себе сердечно просить Вас поспособствовать этому отпуску. Кроме того, поспособствовать отпуску необходимых средств для восстановления ее здоровья. Благодаря своей предусмотрительности, добросовестности и сознанию долга тов. Фортунато, заведующая кремлевскими ценностями, сохранила и сэкономила немалые суммы для СССР. К тому еще можно дополнить, что за все годы своей работы в Кремле т. Фортунато всего один раз пользовалась отпуском, а именно в прошлом году, после двух несчастных случаев.

Я думаю, многоуважаемый тов. Енукидзе, что Вы хорошо знаете справедливость всех этих оснований и пойдете навстречу тов. Фортунато.

С коммунистическим приветом и благодарностью,
уважающая Вас Клара Цеткин».

Узнаете, советские люди? Узнаете сопроводительные, подкрепляющие ваши просьбы, письма в разные инстанции? Ваша необходимость получить квартиру сопровождается ходатайственным письмом. Ваша необходимость лечь в больницу

нуждается в сопроводилровке. Да что там, такой пустяк, как запись в научный зал библиотеки, требует отношения с места работы. Как говорится, в порядке особого исключения — вся жизнь.

Тут сама Клара Цеткин вступилась. И вы думаете, так просто, в один миг все было решено с Фортунато? Ничего подобного.

Волокиту интересно проследить.

Письмо Клары Цеткин было рассмотрено 3 августа 1926 года на заседании Секретариата ЦИК СССР. Секретариату в голодной стране больше нечем заняться? Секретариат почему-то решает, как болеть Ленину, ехать или нет на отдых Троцкому...

Решение Секретариата вынесено: «1. Выделить тов. Фортунато в виде пособия на лечение двести рублей. 2. Просить Секретариат ВЦИК продлить отпуск тов. Фортунато на 1 месяц».

11 августа 1926 года сам Совет секретарей ВЦИК (!) заслушал предложение Секретариата Президиума ЦИК СССР о продлении отпуска сотруднице АХО Кремля тов. Фортунато и постановил продлить ей отпуск на один месяц.

А если бы не приехала из Германии на нашу революционную землю Клара Цеткин, помирай скромная труженица Фортунато?!

Система сопроводительных писем пришла из большевистского подполья: свой человек должен дать рекомендацию, тогда все будет сделано. Свои люди должны ее затвердить, тогда все будет правильно.

Из «записной книжки» Ивана Федоровича Попова

Он любил вспоминать один разговор с тещей Ленина Елизаветой Васильевной в Париже. И подробно записал его.

«Человек вы молодой, надеюсь, правдивый, отвечайте, кто, по-вашему, Владимир Ильич? — пыталась мать Крупской. — Я вам сейчас поясню, зачем и почему спрашиваю. Вот, знаете, мы, пожилые люди, родители, особенно матери, как собираемся вместе, разговор у нас идет больше всего о детях, и особенно о дочерях... Чья дочка за кем замужем. Одна говорит, за адвокатом, другая — за писателем, третья — за профессором... и так далее. А я сижу и думаю, что мне ответить, когда до меня очередь дойдет. «А ваша Наденька, Елизавета Васильевна, за кем?» А я и не знаю, как мне надо будет отвечать, за кем.

Например, можно ответить: за адвокатом. На самом деле Владимир Ильич государственный экзамен в Петербургском университете выдержал на адвоката и к одному присяжному поверенному в Петербурге был приписан для практики и даже дела каких-то рабочих вел. А все-таки не адвокат. Не это его постоянное занятие, не это профессия. И также нельзя мне сказать, что он писатель... Книг он немало написал. Каждый день пишет, но не просто для самого писания и не для заработка, как иные: значит, не писатель. И не профессор, конечно, мог бы он по своим способностям преподавать в университете, не пошел на это...

Вы не подумайте. Я очень, очень его люблю, но, видно, не придумано еще слово для обозначения того, что мой зять делает».

Наивная вдова несостоявшегося революционера! Уж и в тюрьму дочери передачи носила, и в Сибирь с

дочерью к ссыльному зятю ездила, и в эмиграции по полгода живет с ними, как горничная и кухарка служит дочери и зятю, на ее глазах все разговоры о газете «Искра», о партии, о рабочем классе, о мировой революции. И ведь не темная она, не безграмотная. Стихи, как известно, в молодости писала, книжку детскую издала. А не может понять, чем же так упорно и настойчиво занимаются ее дочь и зять.

Мировая революция для сознания Елизаветы Васильевны — хаос и потрясение основ, безбожное дело. Но способна ли она признать, что по четыре раза в день готовит пищу безбожникам и анархистам? Нет, неспособна. Была бы способна, бежала бы на край света, только бы не знать, не понимать, чего хотят они для счастья народного. Помогать дочери ведет ее инстинкт. И дочь ее — по всему видно — порядочная, и зять. Не может признать Елизавета Васильевна, чтобы порядочные люди непорядочным делом занимались.

Почему я вдруг повернула назад — вспомнила разговор Попова с тещей Ленина? Хочу понять, что же это за люди были, пришедшие в Кремль править и наложившие главный отпечаток на нас, сегодняшних. Можно сказать, анкету хочу составить. Кратчайшую. Без беллетризованных подробностей. Анкету о профессии и образовании.

Ленин — гимназия, три месяца юридического факультета Казанского университета, курс юридического факультета в Петербурге — экстерном.

Сталин — духовное училище, пять лет духовной семинарии в Тифлисе — не окончил.

Свердлов — профессиональный революционер, без образования.

Троцкий — профессиональный революционер, без образования.

Калинин — рабочий, токарь по металлу, профессиональный революционер, без образования.

Каменев — два курса Московского университета.

Молотов — профессиональный революционер, без образования.

Каганович — профессиональный революционер, без образования.

Буденный — военачальник, без образования.

Ворошилов — рабочий, пастух, профессиональный революционер, без образования.

А их жены, соратницы, игравшие немалую роль в общественной жизни, бывшие заведующими, управляющими, членами ЦК и даже наркомками?

Крупская — гимназия, один курс Бестужевских курсов.

Аллилуева-Сталина — гимназия — не окончила, Промакадемия — не окончила.

Седова-Троцкая — домашнее образование.

Каменева — без образования.

Калинина — без образования.

Молотова-Жемчужина — неоконченное среднее образование.

Ворошилова — белошвейка.

Конечно, дело не в образовании. Иной, не образованный высшим учебным заведением, куда сильнее и полезнее иного, окончившего два факультета.

Однако, когда так много не слишком образованных людей — и все они, без исключения, прошли тюрьму, ссылку, в большинстве прошли эмиграцию — приходят к управлению огромной, полуразрушенной политикой и войнами страной, это опасно для будущего, не говоря уже о настоящем.

Разумеется, умные люди, они понимали, что необходима опора на образованный, сложившийся до них мир. И в ряде случаев сумели подойти к людям этого мира, и в ряде случаев встретили на первых порах понимание.

Но стиль тюрьмы, окрик и жесткие рамки для личности отпугнули, отвратили интеллигента — ученого, инженера, литератора.

Машина партийного управления не справилась с человечностью.

Бедный, бедный, жалкий, жестокий мужской мир.

Большевики, получившие в 1917 году уникальнейшую возможность преобразить звериный лик ВЛАСТИ как таковой, не только не воспользовались этой возможностью, но в упоении ВЛАСТЬЮ усилили зверства.

Закон — «ТЮРЬМА» — лег в основание новых формирующихся нравственных категорий, начиная с самого главного: с семьи, с ребенка. Исконные, но веками забываемые на общественных уровнях такие естественные законы семейных отношений с 1917 года были подчинены законам всеобщих повинностей: выходя из дому, человек сразу же попадал в некие воинские

формирования, независимо от пола, возраста и характера: октябрята, пионеры, комсомольцы, коммунисты. Внутри этих формирований человек растворялся, хотя не скажешь, что проявляться не мог. Разумеется, мог и должен был, но лишь в строгих рамках установленных принципов. Оттуда, из этих формирований, люди и их дети возвращались в семьи, часто разрушая семейные очаги своей обобществленной, антисемейной нравственностью.

Тут и многочисленные примеры конфликтов отцов и детей, жен и мужей, сестер и братьев, когда разница во взглядах способна довести до кровопролития.

Разумеется, все эти явления не изобретены большевиками. Они жили в человечестве, живут сегодня и будут жить завтра, если тысячелетиями молчавшая в своем углу женщина не выйдет из угла с единственной целью: возродить общечеловеческую семью, участвуя в общественном процессе не в роли помощника мужчины, а в своей собственной роли.

Юрий Дружников, эмигрировавший в семидесятых на Запад, вспоминает о своей случайной экскурсии на ближнюю сталинскую дачу весной 1953 года, когда еще «дух» Сталина не выветрился там:

«Зал длиной метров тридцать. Овальный противоположный конец, как в дворянских особняках позапрошлого века. Много одинаковых окон, плотно задраенных тяжелыми белыми гардинами, такими же, как во всех важных учреждениях центра Москвы.

Нижняя часть стен, метра на полтора от пола, коричневая, отделанная карельской березой, что выглядит довольно казенно. Под окнами — батареи электрического отопления, укрытые решетками из такой

же березы. В промежутках между окнами висят портреты. Это члены Политбюро: Маленков, Булганин, Каганович, Микоян, Ворошилов, Молотов, Хрущев...

Посреди зала, на всю его длину, стол. Плоскость покрыта темно-зеленым бильярдным сукном. Вокруг спинки жестких кресел из светлого дерева. Вдоль стен кресла, диваны. На полу колоссальный ковер на весь зал — кажется, единственная действительно дорогая здесь вещь...

— Мы с вами находимся в помещении, где проходили заседания Политбюро, — торжественно произносит экскурсовод. — Товарищ Сталин любил, чтобы каждый из присутствующих сидел за столом точно под своим портретом.

Ничто не смутило тогда нас, двадцатилетних. Теперь читаю старую свою запись и останавливаю глаза. Что за домашние сборища лидеров? Они кто, подпольщики?»

— Слушайте, у меня чуть не случился роман с большевиком-подпольщиком, — сказала, смеясь, Саломея Николаевна.

— Ого! А почему «чуть»? — заинтересовалась баронесса Будберг.

— Мы поехали с мамой из Баку в Петербург. Это был мой первый выезд в большой свет, в общество. Папа ждал нас в Петербурге. Я была юная, совершенное дитя, худенькая, как цыпленок.

— И красоты невероятной, — басом сказала Мария Игнатьевна.

— Не думаю, но что-то во мне, конечно, было. И в вагоне познакомились мы с очаровательным человеком. Грузин. Светский, свободный в манерах. Влюбился. Смотрел на меня так волнующе. Но что-то в нем было неуловимо скользкое. Назвал свое имя — кажется, Вахтанг. На остановках он всегда волновался и норовил уйти погулять. Приносил мне цветы, соленые огурцы, яблоки. Мы долго с ним по вечерам разговаривали возле нашего купе, у окна. Так, обо всем. Знаете, эти разговоры, когда говорят одно, а думают другое. Он сказал мне, что никогда меня не забудет. Но я от природы не слишком обращаю внимание на мужские комплименты — им ничего не стоит говорить это каждой встречной женщине.

Перед Петербургом попутчик заметно волновался, все оглядывался. Сказал мне, что уверен в нашей будущей встрече, взял адрес квартиры, где мы с мамой собирались жить, но своего адреса не предлагал. Я и не спрашивала. Я как-то сразу поняла, что он — с загадкой. Тогда подпольщиков была масса! Поезд подошел. Папа встречает нас, и родственники тоже, все шумят, с цветами. Вахтанг куда-то исчез. Не попрощался. А я заметила, что на перроне много полицейских. Не знаю, показалось мне или на самом деле, уже выходя из здания вокзала, я опять увидела в стороне большую группу полицейских, а в их кругу — как будто наш попутчик, его спина, голова вниз. Так оно и было. Он написал мне из какой-то глухомани, Архангельска, что ли, не помню, рассказал, что его взяли, как только поезд подошел к перрону. В письме представлялся полным именем, извинялся, что революционное подполье не давало тогда ему права назвать себя, объяснялся в любви и опять

выражал уверенность в нашей встрече. Я с ним больше никогда не встретилась.

Уже в эмиграции я узнала, что Амель Софронович Енукидзе — это был он — занимает высокий пост в советском правительстве. А в начале тридцатых мой брат попал в типичную советскую беду — в тюрьму по оговору. Я написала Енукидзе, чтобы он помог. Переслала письмо с оказией, и Енукидзе, представьте, все сделал для моего брата. Даже ответ прислал — написал, мол, счастлив, что я его за столько лет не забыла. Звал переехать в Россию — «одного вашего слова достаточно, и все у вас будет».

Писал: «...если вы все такая же решительная, умная и прекрасная, как тогда, в вагоне, ваше место здесь». Мой муж, Александр Яковлевич, возненавидел это письмо. Одна мысль, что я могу уехать, привела его в бешенство. Кажется, он уничтожил письмо.

И знаете, что я думаю? Мои два, да, да, кажется, два письма к Енукидзе, возможно, были уликой против него, когда его, бедного, Сталин посадил и потом ликвидировал (глагол! — Л.В.).

— Вполне вероятно, — прогудела Будберг. — Я знала Енукидзе. Красивый был. Очень любил творческую интеллигенцию. Большой бабник. Холостяк. Может, он вас тем письмом замуж звал? Хорошо, что не поехали. Вас бы вместе ликвидировали. Говорили, он покровительствовал балету Большого театра и развлекался с балеринами. Его за какие-то такие делишки Сталин из руководства выкинул. Оба бобылями жили, но Сталин на баб глаз не поднимал, а этот вертелся.

Давайте помянем красавчика, — подняла она рюмку с водкой, — пострадать из-за юбки — святое дело. А вы, Саломочка, наверное, правы. Ему вас заодно с другими в л ю б о в н и ц ы в п и с а л и : « п е р е п и с к а с любовницей-эмигранткой, английской шпионкой, женой известного масонщика Александра Гальперна».

А? Что? Звучит пятьдесят восьмая статья? Дорого обошелся Енукидзе невинный флирт в вагоне из Баку в Петербург.

— Ах, это всего лишь предположение, — сказала Саломея.

Женский вопрос и мужской ответ

Сегодня можно сколько угодно клясть большевиков, спрятав подальше партбилеты — авось пригодятся, — и при этом можно напрочь забыть, что не только дом твой построен их временем, но и речь твоя, грамотно клянущая большевиков, есть следствие ликвидации безграмотности, которой в первую очередь занялись они, придя к власти.

Явившись с идеей нового человека, Ленин и соратники были готовы увидеть его в двух лицах: мужчина и женщина.

С первым быстро стало более или менее ясно: «Кто не с нами, тот против нас».

Второй предстояло рождение заново.

Ленинская власть провозгласила равноправие. Женщина получила великую возможность выучиться и работать наравне с мужчиной. Но, выходя в мир дел и свершений, она попадала в плен мужских понятий вражды и борьбы, в круг противостояний,

взаимонепониманий и нежеланий понять. В этом круге не было места ее равнозначности, равновеликости и равновозможности, ее особому понятию о жизни, ее душевному предназначению быть хозяйкой. Предписывалось становиться в ряды мужчин, чтобы бороться вместе с ними, всегда и везде.

Бесповоротно отвергнув кадетские идеи внеклассового взаимопонимания женщин, верховные большевички, получив от мужчин полномочия, захлебнулись в противоречиях жизни, запутались в противоречиях между собой.

Крупская стояла за прочную, идеальную, коммунистическую семью, где нет места отклонениям в сторону от линии партии.

Арманд, Рейснер, Коллонтай, соответственно опытам своих жизней, духу времени и проснувшимся революционным страстям, восстали против скучных постулатов Надежды Константиновны, провозглашая идеи свободной любви, любви, как стакана воды: выпил — и забыто.

Скопившись внутри стен Кремля, превратив, по жизненной необходимости, древнюю крепость в сочетание государственного учреждения с жилой коммуналкой, первые кремлевские вожди и их жены не могли не принести в новый быт смеси всего и вся, которая царила в их головах, чувствах, в их образованиях и воспитаниях. Это были люди из разных мест России, с разными опытами жизни, с разными этническими особенностями, с разными культурными уровнями: русские дворянки Крупская, Коллонтай, Седова-Троцкая, еврейские мещанки Ворошилова, Молотова-Жемчужина, Каменева, эстонская рабочая

косточка Калинина и т.д. Преобладали дворянки и мещанки.

Внутри Кремлевской стены они вынуждены были вписываться одна в другую, причем мудрые еврейки, сразу признав первенство дворянских дам, учились у них всему, чему только можно. А дворянки, в какие бы строгие одежды ни рядились, не могли спрятать сущности и, каждая по-своему, привнесли от старого в новый быт: Надежда Константиновна — пристрастие к просвещению и строгость семейных принципов, идущих от православной церкви, Александра Коллонтай — изысканность манер, умение вести себя в любом обществе, аристократизм, то есть свободу от предрассудков.

Как было нести все это в получающие образование народные массы, переступая через железобетонные лозунги кремлевских мужей? Вряд ли тогда стояла такая проблема: Крупская и соратницы создавали новый женский мир, отлично приспособиваясь к мужским лозунгам и предназначениям.

«Для классовых задач рабочего класса, — писала Коллонтай, — совершенно безразлично, принимает ли любовь форму длительного и оформленного союза или выражается в виде проходящей связи».

Это она, умница, красавица, изящная и тонкая, словно статуэтка северского фарфора, барыня, ушедшая в революцию, не сумела применить свою теорию на практике, полюбила человека моложе себя на семнадцать лет, а его измену переживала, как «буржуазная женщина»: тяжело, бурно, забыв про «стакан воды».

Но на первых порах идеи «свободной любви», ярко высказанные Коллонтай в статье «Дорогу крылатому эросу», разволновали нравственную Надежду Константиновну. Она дала отпор Александре Михайловне Коллонтай в статье «Брачное и семейное право», написав: «Единобрачие является наиболее нормальной формой брака, наиболее соответствующей природе человека».

Крупская и Коллонтай. Жена и гетера. Два полюса женского правления. Обе подчинили себя идеологии.

Женский вопрос встал перед новой властью не случайно. Большевики покончили с войной, преодолев разруху, ликвидировали безграмотность, наконец, ввели новую экономическую политику, в недрах которой и расцвели цветы зла: реминисценции нежных чувств, знойных отношений, жгучих страстей. Чуть только вздохнул народ, как полезло наружу все естественное, обыденное, жалкое в своих конечных целях и великое в изначальности.

Но большевики были начеку. Их мыслители сразу учуяли, откуда дует ветер: общечеловеческое, рассматриваемое как старая буржуазная идеология, грозило захлестнуть железные ростки большевистских идей.

Следовало дать бой! И не один.

Машина, столь любовно создаваемая Надеждой Константиновной, наконец-то запустила свои безжалостные щупальца в мир тонких и сложных материй.

В 1923—1924 годах были дискуссии о партэтике, на них активно возникал «женский вопрос». Беру его в

кавычки, уверенная, что такого вопроса нет в природе. Любой самый малый «женский вопрос» немедленно становится мужским: мы — неделимы, а тот факт, что «женский вопрос» все-таки есть, — свидетельство аномии, нравственной болезни общества.

Дискуссии обнажили полную несостоятельность людей партийной машины по-человечески подходить к человеку.

Вот лишь некоторые, но характерные высказывания участников: Крупской, Ярославского, Сольца, Луначарского, Лядова, Мандельштама.

«Беспартийная масса рассматривает партию как застрельщика в создании новых норм семьи, семейного быта».

Отсюда пошло раздвоение сознания: я хочу семью по-своему, партия велит другое. Что делать? Приспосабливаться.

«„Женская слабость“ воспевалась когда-то поэтами как „вечно женственное“, и нами определенно расценивается как неизбежное последствие векового рабства женщины в результате исторических условий, которые будут окончательно устранены только при коммунизме».

«Новый тип женщины выковывался (глагол! — Л.В.) на наших социалистических фабриках и заводах. Там можно наблюдать, правда, медленный, но многообещающий рост женщин будущего, красота которых ничего общего не имеет с вечно женственной красотой, воспетой поэтами старого времени. По кусочкам особый тип женщины уже воспроизводится (глагол! — Л.В.) новыми поэтами и писателями, но в

целом он еще настолько весь в динамике роста, что не поддается художественному воплощению».

Отсюда пошли сработанные на производстве женщины, грубые, потерявшие естественный облик.

«Партия имеет право заглянуть в семью каждого из нас и проводить (глагол! — Л.В.) там свою линию».

Отсюда пошел страх перед неожиданным стуком в дверь квартиры, где живет семья.

«Члены нашей партии слишком мало думают об индивидуальной пропаганде прежде всего в собственной семье».

«Мы должны быть беспощадными, если выявится, что под влиянием жен коммунисты-мужья отступают от коммунистической этики».

Отсюда пошли семейные разлады на почве надуманных взаимонепониманий.

«Из практики контрольных комиссий известно немало случаев, когда все совершенные преступления делались под влиянием буржуазных жен, иногда принявших личину коммунисток. Однако неизвестен случай, когда контрольная комиссия в таком деле поставила бы развод условием оставления в партии. В иных случаях это было бы очень к месту и давало бы соответствующие результаты».

«Партия справлялась со многими болезнями, справится и с беспорядками в семейной жизни коммунистов».

«Мы имеем право требовать, и мы должны требовать от членов партии, чтобы духовное верховенство в семье принадлежало коммунистам.

Коммунист, который не может домашнюю жизнь повернуть по-своему, внести в семью свое руководящее коммунистическое начало, такой коммунист очень мало стоит. Партия до сих пор слишком мало занималась семейным бытом, и этот пробел уже давно чувствуется в низах».

«Фронт беспартийных жен еще не встал перед партией как одна из важных задач».

«Семья еще долго будет являться важнейшим фактором нашей жизни. До идеала еще очень далеко».

Удивительно последнее высказывание. Не значит ли оно, что идеал коммуниста — жизнь без семьи? Всех детей сдадим в приют, и все бабы будут наши — вот идеал?

«Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства или, вернее, массовая перестройка (выделено не мной. — Л.В.) его в крупное социалистическое хозяйство».

Вот, вот — ВЛАСТЬ, борьба, перестройка — фантомы мужской силы, втискиваемые в хрупкие формы семейных отношений.

Могло ли такое отношение к жизни и человеку кончиться для человека добром в огромном масштабе?

Сегодня мы — плоды этой этики. И не скоро освободимся от ее влияния. Если освободимся, а не попадем в новое рабство.

От таких взглядов на женщину и мужчину, превращающих обоих в роботов партии, знаменателен переход к идее коммунистической семьи. Большевик А.А.Сольц, много времени посвятивший этой идее, говорит буквально следующее:

«Семейный вопрос — это вопрос о том, как должен жить член партии в своей семье. Лучше всего об этом сказала Н.К.Крупская. Я от нее первой услышал такую удачную формулировку, что семья члена партии должна быть в известном смысле ячейкой содействия. Это должна быть такая группировка товарищей, когда один в семье живет приблизительно так же, как он живет и вне семьи, и все члены семьи должны всей своей работой и жизнью представлять нечто похожее на ячейку содействия».

Ложный посыл! Принцип партийной машины Крупская применяет к семье — это может уничтожить семью.

Зачем не пришло ей в голову принцип семьи применить к обществу? Не потому ли, что сама создала с Владимиром Ильичом не семью, а союз единомышленников?

Вот где собака зарыта.

Рассуждая, как добиться (глагол! — Л.В.) идеала, партийцы приходят к выводу:

«Нужен резкий перелом во всем деле воспитания наших детей. Если буржуазное общество через свои школы, свои детские дома сумело проводить (глагол! — Л.В.) искусственное воспитание мещанина, против которого шла уже сама жизнь, то мы должны первый удар нанести по этому месту, изменить прежде всего

дело воспитания наших детей. Можно ли коллективного человека воспитать в индивидуальной семье? На это нужно дать категорический ответ — нет! Коллективно мыслящий ребенок может быть воспитан только в общественной среде. В этом отношении лучшие родители губят своих детей, воспитывая их дома». — Так говорил и писал большевик М.Н.Лядов в 1924 году.

Результатом дискуссий стало первое в истории партии «Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) по „женскому вопросу“», предписывающее все то, о чем говорилось выше. Первое вплоть до 1989 года — когда появилось второе, и последнее.

То «Постановление» сделало свое дело: коллективное развитие человека пошло в массовом масштабе.

Женское начало с его миролюбивым, миротворческим характером не востребовалось новой, не виданной прежде властью, провозгласившей мир, свободу, братство и поднявшей эти мирные слова на штыки. Женщина должна была стать подспорьем нового мужского общества во всех делах на равных, но без собственного лица, или полуравных: все же рожать кому-то надо, ведь ни одному мужчине пока что не удалось родить, а прирост народонаселения — дело серьезное.

Кремлевских семей «Постановление» не коснулось. Кремлевские жены были женщины разумные. Интуицией, достойной внимания, они ощущали, что жизнь и «постановления» их мужей не одно и то же. Посему и держали своих командиров, вождей, комиссаров не только товариществом партийного масштаба, но и уютом, буржуазным семейным теплом, кремлевским бытом,

который утрясался, укреплялся, устанавливался как некая, становящаяся незыблемой, величина.

Кремлевский быт внутри ограниченного красной стеной пространства — тема во многом неизвестная и вполне неисчерпаемая.

Могу сказать одно: чтобы удержать около себя вождей, кремлевские жены должны были быть хозяйками и соратницами, марфами и мариями. Одновременно.

Однако щупальца машины достали и Кремль, не так — так эдак, изувечивая человеческие отношения внутри кремлевских семей.

Женщина революции, или Легенда о Ларисе

Раскольников (Ильин) Федор Федорович (1892—1939), советский государственный и военный деятель. Член ВКП(б) с 1910 г. Участник Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Зам. наркома по морским делам (1918—1920). Командующий Волжско-Каспийской флотилией (1919—1920). Командующий Балтфлотом (1920—1921). Полпред РСФСР-СССР в Афганистане (1921—1923). Редактор журналов и изд-ва «Московский рабочий» (1924—1930). Полпред в Эстонии, Дании, Болгарии (1930—1938). Отозван в 1938 г. Из-за угрозы ареста стал невозвращенцем. Погиб при загадочных обстоятельствах.

Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885—1939), деятель международного социал-демократического движения (Польша, Германия), партийный публицист. Член ВКП(б) с 1917 г. Член ЦК РКП(б) в 1919—1924 гг. Член исполкома Коминтерна (1920—1924). Сотрудник газет «Правда», «Известия». Репрессирован.

Легенда возникла сразу после Октябрьского переворота. Разные люди рассказывали ее примерно одинаково: в ночь взятия Зимнего дворца большевиками на крейсер «Аврора», в сопровождении группы красных моряков, вошла женщина невероятной, нечеловеческой красоты, огромного роста, с косами вокруг головы. Лицо бледное, ни кровинки. Словно ожившая статуя.

Она-то и распорядилась дать залп.

— Знаменитый залп «Авроры», возвестивший Октябрьский переворот?!

— Да.

— Женщина на корабле — плохая примета.

Ходили слухи, что Лариса Рейснер, дочь профессора, еще до революции имела политические связи с моряками, с Кронштадтом и вела среди моряков революционную пропаганду.

Говорили, что Федор Раскольников, руководитель большевиков Кронштадта, не бог весть кто по происхождению, и эта девушка то ли «спутались», то ли вместе занимаются революцией, то ли то и другое — это модно.

Причислить ее к списку кремлевских жен можно с натяжкой, хотя мужчины, с которыми она после революции связывала судьбу, были людьми Кремля.

Но умолчать о ней невозможно.

Ее называли Женщиной Революции.

Лариса — по-гречески значит «чайка» — сильная, смелая, быстрая, хищная птица. Она полностью

соответствовала своему имени. Фамилия Рейснер, как всякая иностранная, звучала загадочно для русского уха.

Родилась в Петербурге в 1895 году. Надежда Крупская в это время уже страстно работала на ленинскую идею борьбы за освобождение рабочего класса.

Ушла из жизни в 1926 году. Овдовевшая Крупская в это время искала себе опору в мире, созданном ее же руками.

Кометой промелькнула Лариса на пылающем небе революции и сгорела, оставив за собой след, похожий на восклицательный знак. Во всяком случае, таким этот след казался поначалу.

Среди множества воспоминаний о ней не было ни одного, где бы не говорилось о ее красоте.

«Стройная, высокая, в скромном сером костюме английского покроя, в светлой блузке с галстуком, повязанным по-мужски. Плотные темноволосые косы тугим венчиком лежали вокруг ее головы. В правильных, словно точеных, чертах ее лица было что-то нерусское и надменно-холодноватое, а в глазах острое и чуть насмешливое».

Всеволод Рождественский, поэт.

«Темные волосы, закрученные раковинами на ушах... серо-зеленые глаза, белые прозрачные руки, легкие, белыми бабочками взлетающие к волосам, когда она поправляла свою тугую прическу, сияние молодости, окружавшее ее, — все это было действительно необычайным. Когда она проходила по улицам, казалось, что она несет свою красоту, как факел, и даже самые грубые предметы при ее приближении приобретают

неожиданную нежность и мягкость... Не было ни одного мужчины, который прошел бы мимо, не заметив ее, и каждый третий — статистика, точно мной установленная, — врывался в землю столбом и смотрел вслед, пока мы не исчезали в толпе. Однако на улице никто не осмеливался подойти к ней: гордость, сквозившая в каждом ее движении, в каждом повороте головы, защищала ее каменной, нерушимой стеной».

Вадим Андреев, сын писателя Леонида Андреева.

«Необычайная красота ее, необычайная потому, что в ней начисто отсутствовала какая бы то ни было анемичность, изнеженность, — это была не то античная богиня, не то валькирия древненемецких саг...»

Юрий Либединский, писатель.

«Я совсем не был готов, входя в купе, к красоте Ларисы Рейснер, от которой дух захватывало, и еще менее был подготовлен к чарующему каскаду ее веселой речи, полету ее мысли, прозрачной прелести ее литературного языка».

Эндрю Ротштейн, английский журналист.

Даже женщины не могли не признавать эту красоту. Весьма скептически относившаяся к Ларисе Надежда Мандельштам, жена поэта, писала о Рейснер: «Она была красива тяжелой и эффектной германской красотой».

Вокруг Ларисы всегда ходили легенды. Вот и германская красота не случайно возникла — вроде бы предки ее были рейнские бароны.

Художник Василий Шухаев изобразил Ларису в виде Джоконды. Это дало пищу слухам: возможно, в ней была итальянская кровь?

И все отмечали прирожденную гордость Ларисы. Те, кто любил эту семью, утверждали: гордость идет Рейснерам, как плащ и шпага мушкетерам Дюма.

Говорили также, что род главы семьи Рейснеров ведет начало от крестоносцев.

Недоброжелатели этой семьи уверяли, что предок хозяина дома крещеный еврей.

В семье было четверо: профессор Михаил Андреевич Рейснер, его жена Екатерина Александровна, по всем отзывам современников, женщина талантливая, замечательно добрая и благородная, очень элегантного происхождения: урожденная Хитрово, находившаяся в родстве с Храповицкими и Сухомлиными, и двое детей — Игорь и Лариса.

Жили интересно. Отец, революционно настроенный, читал лекции для рабочих — они имели огромный успех, в особенности лекция о «Машине времени» Уэллса, где использовались применительно к России утопические идеи знаменитого англичанина. В 1914 году М.А.Рейснер вместе с Ларисой выпустил несколько номеров литературного журнала «Рудин». Название журнала в честь героя романа Тургенева, окончившего жизнь на баррикадах, говорило о направлении.

Короткий век, отпущенный Ларисе Рейснер (1895—1926), пришелся на мировую войну, революцию, Гражданскую войну.

Но вначале были стихи. По форме они соответствовали понятиям декадентской поэзии.

Палитру золотит густой, прозрачный лак.

Но утолить не может новой жажды:

Мечты бегут, не повторяясь дважды.
И бешено рука сжимается в кулак.
Апрельское тепло не смея расточать,
Изнеможденный день идет на убыль,
А на стене все так же мертвый Врубель
Ломает ужаса застывшую печать.
Но есть предел желаний и труда,
Смеется на холсте лицо Горгоны,
Смеется гибельно, преодолая стоны,
Как под ударами гремящая руда!

Столь витиевато и узорно описывала Лариса Рейснер состояние художника, неспособного вырваться из плена своей эстетики. Думая о себе. И вырывалась, вырывалась — вырвалась.

Песня красных кровяных шариков
Мы принесли, кровеносные пчелы,
из потаенных глубин
на розоватый простор альвеолы
жаждущих соков рубин.
Вечно гонимый ударом предсердий,
наш беззаботный народ
из океана вдыхаемой тверди
солнечный пьет кислород.
Но, как посол, торопливый и стойкий,
радости долгой лишен,

мы убегали на пурпурной тройке,
алый надев капюшон.

Там, где устали работать волокна,
наш окрыленный прыжок
бросит, как ветер, в открытые окна
свой исступленный ожог.

Такие стихи в дни молодости Ларисы назывались «научной поэзией». В наше время похоже начинали некоторые молодые метафористы.

Высокомерный царь поэтов Александр Блок, всегда относившийся к поэзии женщин, мягко говоря, с плохо скрываемым равнодушием, однажды, ведя вечер, в котором участвовала Лариса Рейснер, талантливо сумел сказать о ней много добрых слов. И ни слова о ее поэзии.

Стихи были похожи на нее — красивые и холодные, однако в этом холоде жила огромная энергия жажды самовыражения, которая и позднее вела ее перо, создавая цветистые очерки о фронте и об Афганистане, где были сравнения: «колеса — это катушки, на которые намотано пространство»; где было много птиц, в особенности лебедей — Лариса обожала их; где угадывалась красивая рука талантливой словесной вышивальщицы.

Своеобразие ее характера состояло в сочетании горделивого себялюбия со страстной любовью к жизни.

Революция высветила эти черты.

Ходили слухи, что Лариса Рейснер имела непосредственное отношение к охране памятников старины и искусства в Зимнем дворце, которые с первых

минут Октября приходилось спасать от разбушевавшихся революционных масс. Говорили также — никто, однако, не проверял, — что от той деятельности остался у Ларисы на память о революции золотой перстень с такой величины алмазом, что — ой, ой, ой!..

Говорили: прямо из Зимнего, передав народному комиссару Луначарскому дело охраны ценностей, Лариса Рейснер ушла с моряками-балтийцами на фронты Гражданской войны.

Рассказывали, что летом 1918 года Лариса переделалась простой бабой, крестьянкой, пробралась в расположение колчаковских войск и в тылу у белых подняла восстание.

Через всю советскую культуру — литературу, живопись, драматургию, кино — на протяжении семидесяти лет проходит образ женщины-революционерки в кожанке, с револьвером в руке или с рукой, опущенной в карман кожанки, — предполагается револьвер в кармане.

Она ведет революционных матросов в бой. Она стоит на капитанском мостике во время страшной баталии, не уступая, а порой и превосходя силой духа и выносливостью самых крепких мужчин.

Образ, хоть и вобрал в себя разных женщин, прежде всего списывался с Ларисы Михайловны Рейснер. Начало этому положил Всеволод Вишневский своей «Оптимистической трагедией», где вывел Ларису как женщину-комиссара, ибо был на корабле, команду которого своими речами вдохновляла Рейснер.

В жизни, однако, все выглядело иначе. Ни один документ ни с одной стороны не подтверждает того

факта, что Лариса Рейснер распорядилась действиями крейсера «Аврора» в ту октябрьскую ночь. Но, как говорится, нет дыма без огня. Женщина была. На крейсер не поднималась, но к нему подходила возглавлявшая делегацию, посланную городской Думой Петрограда, известная нам графиня Софья Панина. Делегаты Думы пытались проникнуть в Зимний, в Смольный и на «Аврору», опасаясь, что «правительство может погибнуть под развалинами», но их никуда не пустили.

Что же касается Ларисы Рейснер, то она появилась на революционной сцене России несколько позднее, рядом с фигурой Федора Раскольникова.

В конце 1918 года на Балтике было тревожно: появились корабли военно-морских сил Великобритании. Троцкий приказал принять решительные меры против англичан, однако Балтийский флот был слаб и к столкновениям не готов. Два миноносца под руководством Раскольникова приняли бой. Неудачно. Раскольников и его команда исчезли. Взволнованная Лариса Рейснер выработала фантастический план спасения своего возлюбленного и написала Троцкому: «Лев Давидович! Когда случается несчастье — ищут виноватого. Я считаю себя виновной в том, что, конечно, сама желала этого невозможного героического похода и всеми силами помогала его скорее осуществить... не знаю почему, но вот не чувствую я их смерти. Быть может, гибель в море, неожиданная, как удар, всегда кажется невероятной. Но, нет, нет, не умерли. Господи, или я огрубела и ничего не чувствую, или мой беспроволочный аппарат слышит где-то биение милой жизни».

Стремительная Лариса, решительная и бесповоротная, способна переживать и мучиться из-за любимого, потерянного в волнах, взывать к Господу и рассчитывать на собственную, отнюдь не свойственную революционерам того времени, мистическую настроенность: слышать через моря и расстояния.

План спасения не состоялся, но мистика сработала (глагол! — Л.В.): Раскольников был жив, находился в английском плену и вскоре вернулся.

Обращение к Троцкому, лишённое подобострастия, свидетельствует о близости Ларисы к самым высоким кругам Кремля.

В 1919 году Лариса Рейснер прошла по Волге, Каме и Белой весь путь вместе с военной флотилией, которая помогала Красной Армии отвоевывать города и селения от белогвардейцев и чехословацкого корпуса. И во многом благодаря ее личности поход оказался легендарным.

Командующий флотилией — Федор Раскольников. Фигура сильная, многозначная, резкая, чрезвычайно характерная для того периода. Можно сказать — живой монумент революционного энтузиазма. Образ революционной силы. Лишь перед Ларисой смягчался Раскольников.

Война счастливо совпала с любовью.

Возможности Федора были грандиозны.

Красота и смелость Ларисы — необычайны.

Все в превосходной степени.

Лариса стала не только женой, но и флаг-офицером, адъютантом Раскольникова. Случались в походе

благодаря присутствию Ларисы экзотически незабываемые впечатления. По пути следования флотилии на берегах Волги, Камы и Белой было много брошенных помещичьих имений. В некоторых остались нетронутыми мебель, еда, одежда.

Лариса облачалась во всевозможные «ничьи» наряды и появлялась на кораблях то в пышных платьях дам, то в легких платьицах девушек. При этом она была проста в обращении с командой, демократична и весела.

Она любила опасные ситуации и сама нарывалась на опасности. Так, один из участников событий Волжской флотилии Н.Карташов, восхищаясь Ларисой, рассказывал, как она неожиданно появилась у них на канонерской лодке и приказала открыто пойти в разведку на катере. Третий комфлот возражал, считая нецелесообразным подвергать команду бессмысленному риску. Упрямая Лариса настояла на своем.

«Она встала рядом у руля, улыбаясь, довольная тем, что идет навстречу опасности. Быстроходный катер-истребитель, рассекая воду, устремился по фарватеру вниз, в расположение противника. А затем скрылся из нашего наблюдения. Лишь по начавшейся стрельбе 37-миллиметровых пушек и пулеметов нам удавалось определять его местонахождение. С наших судов открыли заградительный огонь. Началась артперестрелка. Вскоре катер-истребитель, искусно маневрируя, возвратился обратно целым и невредимым».

Откуда это чувство вседозволенности?

За Ларисой Рейснер стояло многое: и революционная деятельность отца, и ее собственная

преданность большевикам, и, конечно, прежде всего «морской вождь» — Федор Раскольников.

Восторгаясь Ларисой, ее красотой, стремительностью, уверенной смелостью, простые мужики-матросы вряд ли принимали всерьез эту фурию революции. Трудно поверить, что их могли вдохновить ее ненатуральные речи, обращенные к ним:

«Товарищи моряки! Братва! Вы хорошие и боевые молодцы. Все как на подбор собрались. Мне пришлось б ы т ь в К а з а н и и в и д е т ь , к а к контрреволюционеры-белогвардейцы расправлялись с нашими братьями. Этого никогда не забыть... Мне удалось вырваться и пробраться сюда через линию фронта, и вот я опять среди своих. Я счастлива встретиться с вами и приветствовать моряков, почувствовать ваш боевой дух, вашу готовность бить и гнать врагов с нашей родной матушки Волги. Мы вместе должны мстить нашим заклятым врагам».

Все же она вдохновляла их, завшивленных, замученных нескончаемыми войнами мужиков, взбадривала своей победительной женственностью, напоминая, что где-то есть у них пусть не такая, но своя баба.

Ларису Рейснер можно назвать часто встречающимся в России типом ряженой, артисткой, у которой вся жизнь — огромная сцена для проявления ее талантов.

Она великолепно сыграла поэтессу, вышивающую слово, разведчицу, пробирающуюся по болотам в стан врага, комиссара, зовущего в бой, журналистку, идущую на труднейшее задание. Она бросала свое красивое тело под снег и град, под обстрелы, пила воду из вонючих

луж, лихо сидела в седле рядом с кавалеристами, и наслаждалась, чувствуя, что ежеминутно рискует получить пулю, и наслаждалась, чувствуя, что пуля не берет ее, и наслаждалась, зная, что скоро сменит этот наряд, ибо вот-вот предстоит ей другая, совсем другая роль!

В результате небезопасной игры с жизнью Лариса Михайловна привезла с фронтов Гражданской войны тропическую малярию. Болезнь сильно мучила ее, но и эту игру со смертью она превозмогала с лихой мужественностью.

Когда же смерть действительно подошла к ней, лишь в последние минуты жизни, сжигаемая брюшным тифом, Лариса на мгновение очнулась от бреда и ясно сказала: «Теперь я понимаю, в какой опасности я нахожусь».

Точно учуяла опасность, как будто бы мистически все знала наперед.

Она не отказывала себе: ни в возможности быть убитой белогвардейцами, ни в возможности умереть от тифа, ни в возможности жить по-царски там, где голодают люди.

Она говорила: «Мы строим новое государство. Мы нужны людям. Наша деятельность созидательная, а потому было бы лицемерием отказывать себе в том, что всегда достается (глагол! — Л.В.) людям, стоящим у власти».

Глагол употреблен неточно: «достается» по наследству, а то, о чем говорит Рейснер, отнималось, завоевывалось или отбиралось, захватывалось — совершенно иное действие.

Что ж, хотя бы искренна была. Другие молчали или прибеднялись, вроде бы не знали, что «у кого власть, у того и сласть». Воз тот и ныне там.

Она умела превратить в подвиг любую безнравственность. Поэт Осип Мандельштам рассказывал своей жене, как Лариса устроила у себя вечеринку, исключительно с целью облегчить чекистам арест тех, кого она пригласила в гости.

И она же могла принести голодной Ахматовой мешок продуктов, подвиг, впрочем, тут не в том, что продукты было тяжело достать — для нее не тяжело было, а в том, что она, непреклонная, склонялась перед истинной поэзией, понимая свою неистинность в стихах.

Приятель юности Ларисы Рейснер, поэт Всеволод Рождественский, в своих воспоминаниях достаточно красноречив:

«Однажды, как сейчас помнится, в сырой осенней полумгле 1920 года я услышал мягкий шелест автомобильных шин близко за своей спиной. Большая легковая машина, затормозив, остановилась несколько впереди меня. Из окна кабины выглянуло чье-то смутно знакомое женское, приветливо улыбающееся лицо. Но странно — в морской форменной фуражке. Я сделал несколько шагов ближе и сразу же узнал — Лариса! Да, это была она — в морской черной шинели, элегантная и красивая, как всегда».

Далее Рождественский рассказывает, как через несколько дней пошел к Ларисе по ее приглашению, захватив с собой друзей-поэтов Михаила Кузмина и Осипа Мандельштама: «Лариса жила тогда в Адмиралтействе. Дежурный моряк повел по темным, гулким и строгим коридорам; перед дверью в личные

апартаменты Ларисы робость и неловкость овладели нами, до того церемониально было доложено о нашем прибытии. Лариса ожидала нас в небольшой комнатке, сверху донизу затянутой экзотическими тканями. Во всех углах поблескивали бронзовые и медные Будды калмыцких кумирен и какие-то восточные майоликовые блюда. Белый войлок каспийской кочевой кибитки лежал на полу вместо ковра. На широкой и низкой тахте в изобилии валялись английские книги, соседствуя с толстенным древнегреческим словарем. На фоне сигнального корабельного флага висел наган и старый гардемаринский плащ. На низком восточном столике сверкали и искрились хрустальные грани бесчисленных флакончиков с духами и какие-то медные, натертые до блеска, сосуды и ящички, попавшие сюда, вероятно, из тех же калмыцких хурулов. (Это были скромные трофеи, доставшиеся от волжского похода. — Л.В.) Лариса одета была в подобие халата, прошитого тяжелыми золотыми нитями, и если бы не тугая каштановая коса (цвет волос все воспоминатели называют разный: черный, каштановый, золотистый, русый — поди пойми, какого же цвета были волосы у Ларисы Рейснер? — Л.В.), уложенная кольцом над ее чистым и строгим пробором, сама была похожа на какое-то буддийское священное изображение».

Ох уж этот невинный, без желанья разоблачить, разоблачающий взгляд поэта!

Эклектика обстановки, в которой живет прославленный комиссар, вдруг свидетельствует о том, что железная революционерка, прежде всего и самое главное, — женщина, в изысканности вкуса

обнаруживающая поиск духовных устремлений — к Востоку, к покою, к умиротворению.

А что — нельзя?

Но разве взятые в боях в качестве добычи священные предметы чужого быта и религии могут принести умиротворение человеку с душой и высоким интеллектом?

Рождественский рассказывает, что Лариса в тот вечер выразила желание пойти на маскарад в «Дом искусств». Она тянулась к миру поэтов, столь милому ее романтической натуре, и хотела появиться там совсем не в костюме морского офицера.

С подсказки Рождественского взбрело ей в голову нарядиться в бесценный, известный всем костюм работы художника Бакста из балета «Карнавал». Это платье было подлинной театральной драгоценностью. Директор государственных театров Экскузович держал возле него целую команду портных и гардеробщиц. Для охраны. Это подзадорило Ларису, и она обещала трем поэтам, что будет на маскараде в платье Бакста.

И она была! И танцевала в наряде Бакста вместе с Рождественским, который так описывал это волнующее событие: «Я увидел только что появившуюся маску в пышно разлетавшемся бакстовском платье. Ее ослепительные, точеные плечи, казалось, тоже отражали все огни зала. Струящиеся локоны, перехваченные лиловой лентой, падали легко и свободно. Ясно и чуть дерзко светились глаза в узкой прорези черной бархатной полумаски. Перед неизвестной гостьей расступались, оглядывали ее с восхищением и

любопытством. Она же, задержавшись с минуту на пороге, шуршащим облаком поплыла ко мне...»

Далее Рождественский подробно рассказывает, как Лариса, танцуя, вдруг увидела в дверях зала директора Экскузовича, как сбежала она от него вдвоем с поэтом и вернула в дрожащие руки перепуганной старушки-костюмерши, отвечающей за платье, эту драгоценность, как вернулись поэт с Ларисой на маскарад и наблюдали за взволнованным директором, звонившим по телефону в костюмерную: «Да я сам видел его здесь, десять минут назад. Собственными глазами!..»

Разумеется, огромный коричневый, английский, трофейный автомобиль, принадлежавший Морскому штабу, служил Ларисе не только в часы работы, но и в минуты вот таких развлечений.

Невозможно представить себе, чтобы необычность и смелость разных обликов Ларисы Рейснер, ее праздничная, вызывающая нарядность на фоне нищеты и разрухи не вызывали раздражения и кривотолков. Она же говорила, нисколько не оправдываясь, а утверждая:

«Надо уважать людей и стараться для них. Если можно быть приятной для глаз, почему не воспользоваться этой возможностью?»

При этом как комиссар Морского Генерального штаба имела личного секретаря и множество других атрибутов новой власти.

В 1923 году она внезапно, резко рассталась с Федором Раскольниковым.

Сначала они благополучно уехали в Афганистан, куда он был послан с дипломатической миссией. Лариса и там оказалась, как и следовало ожидать, в центре

внимания дипломатического корпуса. Но ничего никому не объясняя, Рейснер через некоторое время сорвалась в Россию бесповоротно, как умела только она. Многие тогда говорили, что это был совершенно мужской поступок. Думаю иначе. Думаю, совершенно женский по своей внешней нелогичности, совершенно женский по неоглядности. Тем более что в Москве ее ждал другой.

Раскольников переживал, писал ей, умолял вернуться: «Конечно, найдется много людей, которые превзойдут меня остроумием, но где ты найдешь такого, кто был бы тебе так безгранично предан, кто так бешено любил бы тебя на седьмом году брака, кто был бы тебе идеальным мужем? Помни, я тебя не только безмерно люблю, я тебя еще беспредельно уважаю».

Все подвиги и переодевания Ларисы Михайловны происходят на фоне жесточайшего голода, семейных разрух, чудовищного вандализма. Лариса воюет, танцует, отдает приказы, утверждает в своей молодой прекрасной силе, претерпевает болезни во имя революции, а в это время расстреливают царскую семью, уничтожают многих выдающихся людей России, жгут книги. Именем революции. Лес рубят — щепки летят.

Расстреливают царскую семью...

Я долго искала по книгам и документам какую бы то ни было реакцию Надежды Константиновны Крупской на убийство семьи Николая Романова. Ведь Крупская, в сущности, добрая женщина, любящая детей. Как она отнеслась к тому, что были в упор застрелены больной мальчик, юные девушки, женщины?

Может, от нее скрыли кровавую расправу?

Может, она была решительно против нее?

Возможно, и сам Ленин не знал о распоряжении Якова Свердлова — расстрелять царскую семью?

Нашла!!!

В книге воспоминаний Крупской о Ленине сказано:

«Чехословаки стали подходить к Екатеринбург, где сидел в заключении Николай II. 16 июля он и его семья были нами расстреляны, чехословакам не удалось спасти его, они взяли Екатеринбург 23 июля».

Вот так. И не нужно иллюзий. Расстрел царской семьи для Крупской, создательницы машины разрушения, был неоспоримо правильным, необходимым, насущным актом.

Примерно месяц спустя после расстрела семьи бывшего царя Лариса Рейснер в составе Волжской военной флотилии идет из Свияжска в Нижний Новгород на бывшей, захваченной большевиками, царской яхте «Межень». И много шутит по этому поводу. Об одной такой шутке вспоминает участник этого похода Л.Берлин: «Лариса Михайловна была в приподнятом настроении. Она по-хозяйски расположилась в покоях бывшей императрицы и, узнав из рассказов команды о том, что императрица нацарапала алмазом свое имя на оконном стекле кают-компания, тотчас найдя этот автограф, озорно зачеркнула его и вычертила рядом, тоже алмазом, свое имя».

Повторяю, это происходит месяц спустя после расстрела Романовых. Откуда алмаз? Может, нашла тут же, в каюте Александры Федоровны?

Или слухи о кольце, взятом в Зимнем на память о революционных днях Октября, не просто сплетни?

Товарищ Л.Берлин ни слова не говорит, откуда в руке Рейснер взялся алмаз.

Неужели царицын? Неужели музейный? А что — нельзя?

Особое время. Разгар революции. Грабь награбленное. Своя революционная нравственность, своя этика, которую новое общество вот уже семь десятилетий не может переварить.

Лариса — хозяйка положения.

Впрочем, мысль о кольце всего лишь догадка. Ничем не доказанная, одна из многих догадок.

Еще есть предположение, странным образом связанное с яхтой «Межень», Ларисой Рейснер и расстрелянным царевичем Алексеем.

В воспоминаниях поэта Владислава Ходасевича о посещении семейства Каменевых в Кремле, где он воочию наблюдал утверждение стиля кремлевских победителей, рассказывается, как Ольга Давидовна Каменева, жена председателя Московского Совета, умилялась своим подростком-сыном: «А какой самостоятельный — вы и представить себе не можете! В прошлом году (то есть в 1918-м. — Л.В.) пристал, чтобы мы его отпустили на Волгу с товарищем Раскольниковым. Мы не хотели отпускать — опасно все-таки, он настоял на своем. Я потом говорю товарищу Раскольникову: „Он, наверное, вам мешал? И не рады были, что взяли?“ А товарищ Раскольников отвечает: „Что вы! Да он у вас молодчина! Приехали мы с ним в Нижний. (Как раз в то время яхта „Межень“ ждала в Нижнем. Раскольников, Лариса Рейснер и сын Каменева вместе оказались на бывшей царской яхте. — Л.В.) Там всякого народа ждет

меня по делам видимо-невидимо. А он взял револьвер, стал у моих дверей — никого не пустил!” Вернулся наш Лютик совсем другим: возмужал, окреп, вырос. Товарищ Раскольников тогда командовал флотом. И представьте — он нашего Лютика там, на Волге, одел по-матросски: матросская куртка, матросская шапочка, фуфайка такая, знаете, полосатая. Даже башмаки — как матросы носят. Ну — настоящий маленький матросик».

«Слушать ее мне противно и жутковато, — пишет Ходасевич. — Ведь так же точно, таким же матросиком, недавно бегал еще один мальчик, сыну ее примерно ровесник: наследник, убитый большевиками, ребенок, кровь которого на руках вот у этих счастливых родителей!

А Ольга Давидовна не унимается:

— Мне даже вспомнилось: ведь и раньше, бывало, детей одевали в солдатскую форму или в матросскую...

Вдруг она умолкает, пристально и как бы с удивлением глядит на меня, и я чувствую, что моя мысль ей передалась. Но она надеется, что это еще только ее мысль, что я не вспомнил еще о наследнике. Она хочет что-нибудь поскорее добавить, чтобы не дать мне времени о нем вспомнить, — и топит себя еще глубже.

— То есть я хочу сказать, — бормочет она, — что, может быть, нашему Лютику в самом деле суждено стать моряком. Ведь вот и раньше бывало, что с детства записывали во флот...«

Увы, боюсь, не передалась Ольге Давидовне Каменевой чуткая мысль Владислава Фелициановича Ходасевича, а ему ее мысль передалась. Похоже, она доподлинно знала, чью матросскую курточку, матросскую

шапочку, полосатую тельняшку и даже башмаки получил в подарок от Федора Раскольниковова ее сын, примерно ровесник Алексея Романова. Думаю даже, сообщил ей об этом Раскольников, может быть, вместе с Ларисой Михайловной, как говорится, с восторгом упоения.

Почему бы и нет? Романтика революции! Пусть сын пламенного революционера Каменева носит царскую одежду! Так им и надо, проклятому романовскому отродью.

Улыбка революции?

Усмешка?

Гримаса?

Ольга Давидовна, конечно же, отнюдь не смелая Лариса Рейснер, хоть и родная сестра Троцкого. При всем своем стремлении быть кем-то, она обыкновенна. Как бы ни хорохорилась, кого бы из себя ни изображала, ей не только радостно, но и страшно при мысли, что на ее ребенке обноски казненного царевича.

Она прячет страх перед возмездием, не рассказывает о своем страхе, а Ходасевичу почти проговорила...

Вот такую смесь разных переживаний скорее всего и увидел в лице Ольги Давидовны Владислав Фелицианович, вряд ли знавший подробности жизни на яхте «Межень» летом 1918 года.

Лариса предъявляла мужчинам высокий счет: глобальность ума, мужественность, нежность, преклонение перед нею, непреклонность. Где взять?

Она подобострастно относилась к Ленину. Признавалась:

— Вы меня знаете, я не робкого десятка, но, когда случается быть вблизи Ильича, я совершенно теряюсь, я становлюсь робкой, как девочка. Это нечто огромное.

Все женские места вокруг Ленина были давно и прочно заняты, тут Ларисе негде было развернуться. Она осталась вне ленинского личного внимания, но служила ему как могла и умела.

Взор Ларисы, упавший после Гражданской войны в поэтическую среду, выхватил самое интересное. «Петербургцы много злословили в 1920 году по поводу прогулок верхом на вывезенных с фронта лошадях — эти „светские прогулки“ Ларисы Рейснер и Блока, в то время когда люди терпели лишения, были неуместны. Жители островов видели всадницу и всадника — пара ехала верхом и вела долгие беседы», — вспоминает писатель Лев Никулин.

О чем они говорили? О революции, о будущем. И уж конечно, о поэзии.

«Стихи Лариса не только любила, но еще втайне верила в их значение, — пишет Надежда Мандельштам в своих „Воспоминаниях“, — в первые годы революции среди тех, кто победил, было много любителей поэзии. Как совмещали они эту любовь с готтентотской моралью: если я убью — хорошо, если меня убьют — плохо?»

Думаю, это неплохо совмещалось у многих. Сталин, к примеру. Поэзия ведь сама по себе не детская игра, а тоже в какой-то степени игра смертельная. На острие ножа. Недаром всегда стояли друг против друга поэт и царь: один с пулей, другой со словом. Пуля побеждала мгновенно, слово — на века. Пример? Пушкин, Лермонтов, Гумилев, Ахматова.

Лариса, нежно, а может, и страстно обожающая Блока, знакомит его со своей семьей. Она дает Блоку на прочтение старый комплект журнальчика «Рудин», который ее отец вместе с нею и своей женой, Ларисиной матерью, издавал еще в 1914—1915 годах. Тогда Блок, занятый своей поэзией, не заметил этого журнальчика. Теперь же, после революции, он даже записал в дневнике весьма подробное мнение о нем. Несмотря на то что в «Рудине» была статья Ларисы о Блоке, где она возвеличивала его талант, поэт отнесся к изданию с брезгливым недоумением. Его поразили фальшь и двуличие издателей: выступая против войны, они рекламировали на страницах минеральную воду «Кувака», принадлежавшую одному из главных военных чинов действующей армии. Это тонкое наблюдение зоркого поэта высвечивает характерную, видимо, семейную черту Рейснер: хорошую приспособляемость сознания к разным условиям жизни.

Обращение к Блоку было естественно: по

клоняясь его поэзии, Лариса в душе надеялась на некое чудо превращения в великую поэтессу. Это была ее тайная и давняя мечта. Мешала Ахматова — она царила безраздельно. Вряд ли разум, скорее чувство вело Ларису на встречи с Блоком, не давшие ей ничего, кроме сознания своей поэтической невеликости.

Но разве этого мало для умной женщины?

Еще до революции были у Ларисы Рейснер лирические отношения с литературным соперником Александра Блока — Николаем Гумилевым. Литературовед и критик И. Крамов, исследователь творчества Рейснер, написавший о ней в 60-х годах роман «Утренний ветер», привел в романе строки из

письма Гумилева к ней: «У Вас красивые, ясные, честные глаза, но Вы слепая; прекрасные, юные, резвые ноги, но нет крыльев; сильный и изящный ум, но с каким-то странным прорывом посередине. Вы — принцесса, превращенная в статую».

В сущности, этими словами Гумилев дал точнейшую характеристику поэтической индивидуальности Ларисы Рейснер.

Достаточно жестко. Он как бы отказывал ей в силе поэтического чувства.

Прав, конечно, однако как человек Лариса была сильным средоточием чувств. Ее поэтическая беда состояла в том, что поэзия для нее, при всем желании состояться как поэту, была, повторяю, одним из красивых нарядов, в которые можно облачиться, но не сутью и смыслом жизни.

Гумилев, желая смягчить удар, писал дальше в этом письме: «Но ничего! Я знаю, что на Мадагаскаре все изменится. И я уже чувствую, как в какой-нибудь теплый вечер гудящих жуков и загорающихся звезд, где-нибудь у источника, в чаще красных и палисандровых деревьев, Вы мне расскажете такие чудесные вещи, о которых я только смутно догадывался в мои лучшие минуты. До свидания, Лери, я буду писать вам».

Говорили — Ахматова, в то время жена Гумилева, даже ревновала. Сцены закатывала. Могу этому поверить, зная пристрастие молодой Ахматовой ко всякого рода выяснениям отношений.

Однако Лариса Рейснер отлично понимала, какой Ахматова поэт. 24 ноября 1921 года, находясь с Раскольниковым в Афганистане, заслоненная чужими

горами ото всего, что происходит в России, и не зная еще о казни Гумилева, состоявшейся в августе 1921 года, она пишет Ахматовой: «Дорогая и глубокоуважаемая Анна Андреевна! Газеты, проехав девять тысяч верст, привезли нам известие о смерти Блока. И почему-то только Вам хочется выразить, как это горько и нелепо. Только Вам — точно рядом с Вами упала колонна, что ли, такая же тонкая, белая и лепная, как Вы. Теперь, когда его уже нет, Вашего равного, единственного, духовного брата, еще виднее, что Вы есть, что Вы дышите, мучаетесь, ходите, такая прекрасная, через двор с ямами. (О, эти дворы с ямами! Большевики ли их вырыли? Всегда ли были они? О, эти дворы — когда же мы разровняем их ямы? — Л.В.)

Выдаете какие-то книги. (Ахматова в то время служит в библиотеке. — Л.В.) Книги, гораздо хуже Ваших собственных.

Милый Вы, нежнейший поэт, пишете ли Вы стихи? Нет ничего выше этого дела. За одну Вашу строчку людям отпустится целый злой, пропащий год.

При этом письме посылаю посылку, очень маленькую, «немного хлеба, немного меда».

Любопытный вопрос: почему Лариса Михайловна, столь могущественная особа в коридорах новой власти, не спасла Николая Гумилева от расстрела? Разрешается он просто — Лариса в то время была в Афганистане. Позднее она с уверенностью говорила всем, что, будь она в Москве в те дни, смогла бы остановить казнь.

Надежда Мандельштам вспоминает, как, находясь с мужем в гостях у Ларисы Михайловны, услышала из уст хозяйки легенду о телеграмме, которую якобы мать

отсутствовавшей в Москве Ларисы уговорила Ленина послать в ЧК.

Легенда о телеграмме жила долгие годы. В семьдесят девятом году, будучи главным редактором альманаха «День поэзии», я пыталась опубликовать в альманахе стихи Гумилева, обратившись за поддержкой к разным литературным и партийным чиновникам. Это отдельный и длинный рассказ, ему не тут место. Скажу лишь — о телеграмме мне говорили разные люди, уверяя, что она находится в «Деле» Гумилева и запоздала, ибо приговор слишком быстро вынесли и привели в исполнение.

Однако Надежда Мандельштам вспоминает другое: как в отсутствие Ларисы бывала в доме ее матери, и та «сокрушалась, говоря, что не придавала значения аресту Гумилева и не попробовала обратиться к Ленину — может быть, что бы вышло».

Теперь все знают, что телеграммы не было, ни ленинской, ни горьковской, ни рейснеровской — ничьей.

«Но какую телеграмму и куда? Погиб он, и не нужна ему никакая телеграмма», — вспоминается мне горько-насмешливый Булгаков.

Глубоко затаившая разочарование от несбывшейся мечты стать крупной поэтессой, Лариса Рейснер много и успешно работала в журналистике. Выпускала в свет книги очерков.

В манере ее письма сначала было много от поэтического языка: сравнения, метафоры, нарочитая красота, которую принято называть красотой. Она писала природу, видя ее глазами поэта: «Зеленые леса открылись посередине, как книга. И чтобы она не

захлопнулась, между двух листов положена синяя закладка, ясная, веселая уральская речка Косьма».

Однако где-то с 1923 года Лариса Михайловна решительно изменила стиль, как писательница совершенно «переоделась». Знакомые с ее творчеством люди отмечали зрелость, строгость, освобождение от излишних красот. Многие знали, что за литературной трансформацией стиля журналистки Ларисы Рейснер стоит неординарная фигура мужчины.

Карл Радек-Собельсон — один из семи членов Политбюро ЦК большевиков, действовавших после кончины Ленина. Плодовитый публицист. Остроумный и циничный. Сочинитель многочисленных сомнительных с точки зрения большевистской благонадежности анекдотов. Далеко не романтической внешности. Блуждали в журналистских кругах две строчки перефразированного Пушкина:

Лариса Карла чуть живого

В котомку за седло кладет.

Их порой называли карикатурой на Пушкина и Наталью Николаевну.

Чем Радек победил Ларису?

Он стал заинтересованным и терпеливым советчиком в литературных поисках и находках Ларисы последних лет ее жизни. Это оказалось необходимо ей для нового самоутверждения.

Быть в тени Лариса не умела. Любя поэтический мир, не став в нем первой, она медленно отходила от поэзии к прозе, от прозы — к очерку. Вместе с Радеком

ездила в Гамбург, писала о баррикадах. Внезапно заболела...

Поэт Варлам Шаламов смолоду, не

приближаясь, обожал ее. Он оставил воспоминания о похоронах Ларисы: «Молодая женщина, надежда литературы, красавица, героиня Гражданской войны, тридцати лет от роду умерла от брюшного тифа. Бред какой-то. Никто не верил. Но Рейснер умерла. Я видел ее несколько раз в редакциях журналов, на улицах, на литературных диспутах она не бывала... Гроб стоял в Доме печати на Никитском бульваре. Двор был весь забит народом — военными, дипломатами, писателями. Вынесли гроб, и в последний раз мелькнули каштановые волосы, кольцами уложенные вокруг головы.

За гробом вели под руки Карла Радека...«

Последняя фраза Шаламова ошеломила меня.

Я вдруг увидела, как тот же Карл Радек спустя одиннадцать лет так же беспомощно и жалко, так же публично будет переживать результат своего многолетнего падения: поддержка Троцкого, измена Троцкому, панегирики Сталину, страх перед возможной тюрьмой, ложные показания на многих и многих соратников, лишь бы спастись. Бедный человек!

Хорошо, что Лариса ушла, не зная, как обоих ее ближайших друзей — и Радека, и Раскольниковца — давила машина, на которую работали они вместе с Ларисой со всей страстью неугомонных натур.

Можно представить, где оказалась бы Лариса Михайловна, доживи она до 1937 года, хотя бы за связь с этими двумя «врагами народа». Впрочем, одиннадцать лет, отделявшие Ларисину смерть от года сталинской

инквизиции, могли по-разному развернуть жизнь. Непредсказуемость Ларисы Рейснер предполагала самые неожиданные повороты судьбы.

Как бы то ни было, она хотела создать

тип женщины русской революции по аналогии с женщинами французской революции, и она создала его не пером своим, а своей жизнью. Для этого старалась быть и казаться. И не зря, и недаром была воплощена в прозаическом, драматургическом и поэтическом слове самыми разными творцами искусств.

Лариса, вот когда посожалею,

Что я не смерть и ноль в сравненье с нею.

Я б разузнал, чем держится без клею

Живая повесть на обрывках дней, —

писал Пастернак в стихотворении «Памяти Ларисы Рейснер», невероятной своей интуицией чувствуя, что с ее уходом потеряна возможность разгадки некой женской тайны, без которой трудно жить в жестоком мире мужского господства.

Спустя годы, видимо, много думавший о Ларисе, Борис Пастернак дал героине романа «Доктор Живаго» ее имя. Он написал Варламу Шаламову: «Имя главной героини я дал в память о Ларисе Михайловне».

Вот так: хотела быть в литературе творцом, а стала музой.

Они непохожи, Лариса Рейснер и Лара из «Живаго», но Пастернак вряд ли думал о сходстве. Он запечатлевал свое время, и для него это имя звучало сигналом надежды, веры, любви.

Такое было время...

След Ларисы в раскаленном небе революции, похожий на восклицательный знак, был утверждением женской силы.

Над чем?

Она ведь была всего лишь талантливым подспорьем в мужском деле разрушения, оттого, быть может, и рядилась в чужие одежды, что не имела своей.

Из другого времени, с нашего холма, знак ее восклицания видится знаком вопроса.

Но о чем спрашивает она?

Аллилуйя Аллилуевой

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879—1953), советский государственный и партийный деятель. Герой Социалистического Труда (1939), Герой Советского Союза (1945), Маршал Советского Союза (1943), Генералиссимус Советского Союза (1945). Член партии с 1898 г. Участник Октябрьской революции 1917 г. С 1922 г. — Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), позднее КПСС. В годы войны — Верховный главнокомандующий. В 1941—1953 гг. — Председатель Совета Министров СССР. Депутат Верховного Совета СССР с 1937 г.

К октябрю 1917 года главные силы большевиков собрались в Петрограде. И рядом с каждым вождем была подруга. Не всегда венчанная. Не зарегистрированная. Однако верная союзница. Жена.

Рядом с Лениным — Надежда.

Рядом с Троцким — Наталья.

Рядом с Каменевым — Ольга.

Рядом с Ворошиловым — Екатерина.

Рядом со Свердловым — Клавдия.

Рядом с Буденным — Надежда.

Рядом с Калининным — Екатерина.

Рядом с Дзержинским — Софья. И так далее.

Сталин — один как перст. По ссылкам, по северам и сибирям. Всухомятку. Без женской ласки, без домашнего тепла, без присмотра. Много лет.

Далеко позади воспоминание о Екатерине Сванидзе, первой жене, деревенской женщине, но с присущим большинству грузинок природным аристократизмом черт лица, фигуры, поведения.

Грузинская жена — всегда символ верности, терпения, скромности, послушания: служить мужу, растить детей, знать свое место. Древняя традиция.

Екатерина Сванидзе жила по традиции: ждала мужа, ублажала его. Получала в ответ то, на что может рассчитывать женщина, не претендующая быть счастливой: частое одиночество, тревоги и скромные плотские радости для продления рода.

Она верила в Бога. Можно предположить, что Сталина не раздражала богобоязненность и набожность Екатерины: он сам лишь недавно расстался с духовной семинарией, о чем не сожалел, но и не был враждебен к церкви, как Ленин и многие большевики. Через всю его жизнь прошла иногда хорошо, иногда плохо скрываемая терпимость к религии. Так, в первые годы после революции, когда в стране появилась возможность для церковного издания «Христианина», Сталин был среди тех, кто смотрел на этот факт благосклонно. Тогда

победила другая точка зрения, которой придерживалась борющаяся с религией Надежда Константиновна.

Позднее говорили, что в самые тяжелые минуты Отечественной войны он даже молился, а одной из первых его послевоенных бумаг был приказ о возвращении церкви ряда ценностей, включая мощи некоторых святых.

Дочь Сталина вспоминает, что ее отец более всех на свете любил свою мать и с умилением рассказывал, как мать сокрушалась: «Жаль, что ты так и не стал священником».

Первую жену нашла Иосифу его мать. Но это лишь предположение. Одно из многих.

Образ Екатерины Сванидзе двоится, троится, четверится: то ли тихая, домашняя женщина, то ли искусная портниха, обшивавшая саму супругу тифлисского генерал-губернатора Свечина, то ли отличная прачка и гладильщица, то ли разносчица ленинской «Искры» — помощница мужа. За последнюю деятельность вроде и тюрьмы удостоилась. А может, хозяйка, портниха, прачка, революционерка вместе?

В воспоминаниях Иосифа Иремашвили, друга детства Иосифа Джугашвили, есть строки о первой сталинской жене: «Она глядела на мужа как на полубога».

Родом Екатерина Сванидзе была из селения Диди-Лило, близ Тифлиса. Думаю, если сегодня кому захотелось бы пройти по домам Гори и Диди-Лило, много интересных сведений можно было бы собрать о семье Сталина и его молодости. Такого, о чем никто не знает.

Грузины долго хранят в памяти черты умерших людей. Быть может, как никакой другой народ на свете.

Екатерина Сванидзе умерла от тяжелой болезни в 1909 году. Остался малолетний сын — Яков.

Именно в Грузии, и даже далеко от Гори и Диди-Лило, в маленькой деревеньке Анаклия, на берегу моря, в старой хижине, много лет назад я впервые услышала легенду о том, что Сталин не был сыном своего отца, а родился от местного князя, у которого мать Сталина служила горничной.

Есть и другая легенда — о знаменитом русском путешественнике Пржевальском, который в конце семидесятых годов XIX века жил в Гори, и мать Сталина убирала в его комнатах. Каждому, кто попадет в стольный город Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград, советую зайти в скверик возле Адмиралтейства взглянуть на бюст Пржевальского. Я «нашла» его случайно и окаменела — Сталин!!! В шестидесятых довольно странно было увидеть в нашей стране, да еще в Ленинграде, скульптурное изображение свергнутого со всех пьедесталов грозного вождя. Приближение никаких опровержений не дало: это был Сталин. Обошла со всех сторон — он! Новые властители забыли убрать вождя из скверика? Невозможно — номенклатура и конъюнктура зорко следили за «наглядной агитацией», к которой принадлежали и памятники. Я наклонилась к золотым буквам на темном граните постамента и прочла: «Пржевальский». Да, удивительно сходство русского дворянина с сыном грузинского сапожника.

Однажды, оказавшись в обществе человека, боготворившего Сталина, я рассказала ему о бюсте

Пржевальского и о легенде, связанной с рождением его идола.

Меня долго разоблачали. Он говорил, что «нельзя в подобных гнусностях подозревать чистую, честную, простую и благородную женщину — сталинскую мать».

Вот где сошлись, не понимая друг друга, мужской и женский взгляды: никогда не могла бы я почитать нечестной, нечистой женщину, у которой закружилась голова перед статным, красивым и знаменитым Пржевальским. Известно, что супруг сталинской матери был человеком суровым, жестоким. Пьяницей. Известно также, что он частенько бивал жену и сына. Да если бы даже и был он, горийский сапожник, ангелом во плоти, неужели женщина, жившая рядом с ним, неспособна чувствовать самостоятельно?

Мужская властвующая психология диктует женскому миру свои законы, в том числе и через религиозные послушания. В ответ, не имея права возразить и самовыразиться, женщина использует свои природные привилегии на тайну: обнимет кого пожелает и родит от кого пожелает — так что «комар носа не подточит».

Сталин — сын своего отца.

Сталин — сын местного князя.

Сталин — сын Пржевальского.

Есть и четвертое предположение с претензией на достоверность, встречающееся в разных исследованиях. Так Антонов-Овсеенко в книге «Сталин без маски» пишет: «Отцом Сталина был Яков Егнаташвили, купец 2-й гильдии. Он жил в Гори и нанял прачкой юную Екатерину Геладзе из села Гамбареули. Чтобы покрыть грех, Егнаташвили выдал Кэто замуж за холодного

сапожника Виссариона Джугашвили из села Диди-Лило», оттуда же, откуда потом появилась в жизни Сталина и Екатерина Сванидзе, первая жена Сталина. Интересное совпадение. Или не совпадение, а закономерность: с Диди-Лило у семьи были, видимо, крепкие связи, но этот факт скорее работает на легенду о происхождении Сталина от его собственного отца — в грузинских селах семейная честь была на высоте. Не берусь ничего утверждать: лишь мать Сталина могла знать правду. А ее не спросишь.

Фамилия Джугашвили некоторым кажется грузино-еврейской.

Ходят по миру легенды об осетинском происхождении Сталина, художественно подкрепленные меткой строкой Осипа Мандельштама: «и широкая грудь осетина».

Не располагая точными знаниями об отце Сталина, человечество имеет сведения о его матери. Отлично описала ее внучка, Светлана Аллилуева, ребенком посетившая бабушку. Детские воспоминания 1934 года высвечивают наиболее яркие детали: «Она жила в каком-то старом красивом дворце с парком; она занимала темную низкую комнату с маленькими окнами во двор. В углу стояла железная кровать, ширма. В комнате было полно старух — все в черном, как полагается в Грузии. На кровати сидела старая женщина. Нас подвели к ней, она порывисто нас всех обнимала худыми, узловатыми руками, целовала и говорила что-то по-грузински... Я заметила, что глаза у нее — светлые на бледном лице, покрытом веснушками, и руки покрыты тоже сплошь веснушками. Голова была повязана платком, но я знала

— это говорил отец, — что бабушка была в молодости рыжей, это считается в Грузии красивым».

Не моя задача — разбираться в родословной Сталина. Он, как и все другие вожди, интересует меня в этой книге лишь в связи с той или иной героиней, но я уверена, что легенды об отце Сталина так и останутся легендами.

Удивительным образом скопление противоречивых легенд и невозможность что-либо доказать напоминают древние как мир мифы о безотцовском возникновении бога Озириса, о непорочном зачатии Христа Девой Марией.

Вы шокированы, читатель? Напрасно.

Через два-три тысячелетия, если человечеству суждено выжить, все наши истории обрастут мистическими и романтическими тайнами. И явление Анти-Бога, Анти-Христа может вполне совпасть с идеей многопорочного, в противовес непорочному, небожественного, в противовес божественному, зачатия.

Кстати, что мы знаем о рождении Дьявола?

Кто были родители Сатаны?

Революционные дни понесли Иосифа Сталина на крыльях удачи. Он становился в первые ряды новой власти. Как бы ни хотелось самолюбивому Льву Троцкому приуменьшить роль своего главного противника в деле революции, факты и свидетельства очевидцев говорят обратное.

Ленин не один год знает и ценит Сталина. Ему принадлежат слова: «У нас один чудесный грузин засел и пишет для „Просвещения“ большую статью».

Надежда Константиновна, ненавидя Сталина, пытается быть объективной: «Ильич много разговаривал со Сталиным по национальному вопросу, рад был, что встретил человека, интересующегося всерьез этим вопросом, разбирающегося в нем».

На другой день после взятия большевиками власти Ленин, формируя правительство, включает Сталина в состав Совета Народных Комиссаров: председателем по делам национальностей.

А то обстоятельство, что среди непосредственных участников взятия Зимнего нет имени Сталина, ровно ни о чем не говорит: честь победы над женским батальоном может принадлежать кому угодно. Ленина и Троцкого, кстати, в Зимнем тоже не было.

Бывший сотрудник сталинского Наркомата по делам национальностей С.С.Пестковский свидетельствует, что Ленин в революционные дни буквально не расставался со Сталиным. Пестковский однажды застал обоих, стоящих на стульях перед стеной с картой России.

Итак, Сталин на виду, а это обязывает.

В начале 1918 года советское правительство собирается переезжать в Москву. Все будут жить с семьями в Кремле! Есть от чего закружиться голове — в самом Кремле!

Ничего не утверждаю, но вот возможный ход мысли: вдовец Сталин должен жениться и войти в Кремль вместе со спутницей жизни. Хватит скитаться по чужим квартирам, перехватывая у сердобольных жен соратников то от обеда, то от ужина.

Кто-то из «друзей» пустил слух, что Сталин никогда не женится: нет женщины, способной выдержать его характер.

Это мы еще посмотрим!

Хорошую идею предложила ему мать: приехать в Грузию, взять в деревне девушку. Молодую, сильную, красивую. Привезти в Кремль и сделать своей хозяйкой. Но...

Невозможно.

Нет времени ехать. И что скажут соратники?

На смех поднимут. Они хоть и твердят с утра до ночи о народе, народе, народе, но сами давно уже не народ... А кто? Трудно сказать. Профессиональные революционеры раньше были своего рода элитой. Теперь «из грязи в князи»...

Нет, деревенская девушка из народа на роль кремлевской жены члена народного правительства решительно не подходит. Как эта грузинка будет выглядеть в окружении сильных соратниц? Рядом с Крупской, которая всю революцию на себе вывезла? Рядом с интеллектуалкой, почти барыней Седовой? Ядовитый Троцкий отпляшет на Сталине.

Невыносимо выглядеть смешным.

Но где женщина, способная соответствовать его новому положению?

Зачем далеко ходить? Вот она. Рядом. В соседней комнате. Учит уроки. Девчушка, превращающаяся в девушку. Она напоминает ему другую девочку, гимнастку, он видел ее однажды в цирке, на базаре,

тонкую и гибкую. Образ темноволосой гибкой гитаны — его идеал.

Надя, Наденька, Надежда, дочь его друга — революционера Сергея Аллилуева. Сталин теперь живет в Петрограде у Аллилуевых, ибо жить ему негде, и его кормит Надя, потому что мать семейства Ольга Евгеньевна загуляла. Она часто загуливает. Еще Нади на свете не было, гуляла напропалую. Муж терпел, как Чернышевский.

Взять Надю — и не нужно будет ломать голову. Если задуматься, она предназначена ему судьбой.

Когда и как это случилось?

В декабре 1900 года Аллилуевы жили в Тифлисе. У них в доме Сталин познакомился с Виктором Курнатовским, повернувшем его жизнь. У Курнатовского был талант: приехал и сразу сплотил всех большевиков Тифлиса.

От него Сталин впервые услышал о Ленине. О Крупской Виктор говорил — красавица! Потом, когда Сталин в Кракове встретился с этой парой, Ленин превзошел все рассказы Курнатовского. Крупская? Виктор что-то перепутал? Сталин не любил чересчур деятельных и некрасивых женщин. Никто их не любит.

Да, конечно, хорошо бы привезти жену из Грузии. В доме говорить на родном языке...

Надя — ребенок. В декабре 1900-го он впервые пришел к Аллилуевым. Нади еще не было на свете! Через девять месяцев появилась. Ольга, жена Аллилуева, тогда, прямо при муже, то на него, то на Курнатовского вешалась. А если и Надя такая же влюбчивая, как мать?

Впервые он заметил Надю в Баку, когда она была трехлетним ребенком.

Предназначена... Почему?

Это он, Сталин, тогда в Баку спас Надю. Она играла на набережной и упала в море. Он выхватил ее из воды.

Для себя выхватил. Молода, прекрасна. Дочь честного большевика. Неиспорченная. Нетронутая... Не прошедшая вонючих царских тюрем, как сестрица Троцкого, жена Каменева, Ольга. Не размокшая в ссылке, как жена Ворошилова, Екатерина, — у нее, говорят, до Клима в ссылке любовник был, тоже из большевиков.

Невинная Надя. Крестница Авеля Енукидзе — не последнего человека в большевистских кругах.

Кого еще искать? Жена Сталина — дочь Аллилуева.

Такая достойна Кремля. Жаль, мала.. Завистники осудят... Пусть!

Наступает его время. Впереди великие дела. Не сразу, не вдруг, но он будет первым в России. Верно выбранная женщина рядом — половина успеха. Надя — чистый лист. Он напишет на нем все, что захочет.

«И будешь ты царицей мира!..»

В соседней комнате Надя писала письмо жене большевика И.И.Радченко, опекавшей юную гимназистку. Ее письма Алине Ивановне Радченко — любопытные документы пред- и послереволюционных дней обеих революций.

«Летом я лентяйничала. Пришлось мне подогнать новое, в особенности по алгебре и геометрии. Сегодня утром я ходила держать экзамен, но еще не выяснила, выдержала или нет. Все же думаю, что выдержала по

всем предметам, кроме русского сочинения, хотя тема и была легкая, но я вообще слаба на этот счет».

Май 1916 года.

«Нас скоро распустят на каникулы, а придется Рождество, наверное, провести в Петрограде. Ехать куда-нибудь долго, дорого и трудно».

Декабрь 1916 года.

«Самый трудный для меня предмет — немецкий, потому что у нас читают, а не переводят, а я совсем не обладаю немецким языком, а также французским. Наконец я достигла того, что у меня по Закону Божьему пять. Это что-то небывалое, но я всю четверть долбила назубок, что ужасно противно... Папа и мама скрипят по-прежнему».

Январь 1917 года.

«Мы сидим в классе и слушаем какой-нибудь скучный предмет, как Закон Божий, когда нужно пользоваться хорошей погодой... я очень жду лета... я поехала бы к вам, чтобы поступить кем-нибудь служить. Я думаю, что мне уже можно поступить, потому что мне скоро шестнадцать».

Январь 1917 года.

«А теперь у нас занятия на четыре дня прекращены, ввиду беспокойного состояния Петрограда, и у меня теперь есть время. Настоящее положение Петрограда очень и очень нервное, и мне очень интересно, что делается в Москве».

26 февраля 1917 года. (Канун революции. — Л.В.)

«Сильно скучаем, так как движения в Петрограде нет уже четыре дня. Но после этих скучных дней настал

праздник, и большой — а именно — 27-е февраля! Настроение у папы приподнятое, он весь день стоит у телефона. Сегодня приехал Авель Енукидзе и совершенно неожиданно попал прямо с Николаевского вокзала на праздник».

27 февраля 1917 года.

Лето 1917 года Надя проводит под Москвой, на даче у Радченко, как она и мечтала в письмах, а в квартире Аллилуевых этим летом несколько дней живет Ленин. И конечно, как всегда, Сталин. Вернувшись в Петроград, Надя опять пишет Радченко: «С провизией пока что хорошо. Яиц, молока, хлеба, мяса можно достать (обратите внимание, дорогие читатели, на этот великий, так нам знакомый глагол „достать“. Он вошел в жизнь вместе с революцией и за семьдесят лет советской власти не вышел из жизни. — Л.В.), хотя дорого... В общем, жить можно, хотя настроение у нас (и вообще у всех) ужасное, временами прямо плачешь: ужасно скучно, никуда не пойдешь.. В Питере идут слухи, что 20-го октября будет выступление большевиков, но это все, кажется, ерунда».

19 октября 1917 года.

«Живу я пока хорошо, хотя и скучно, но мы ведь всегда так жили. Занятия у нас идут плохо. Два раза в неделю выключают электричество, и, значит, занимаемся только четыре раза в неделю. Хотела купить Ив. Ив. еще папирос, но такая большая очередь, прямо беда! Надо вставать с ночи, причем даже дают (еще чудо-глагол: «дают», революционное новообразование, сразу влетевшее в речь. — Л.В.) очень мало...

Я теперь в гимназии все воюю. У нас как-то собирали на чиновников деньги, и все дают (вот тут этот

глагол еще в старом значении. — Л.В.) по два, по три рубля. Когда подошли ко мне, я говорю: «Я не жертвую». Ну и была буря! А теперь все меня называют большевичкой, но не злобно, любя... А пока до свидания, мне еще надо несчастный Закон Божий учить».

11 декабря 1917 года.

«Поздравляю с Новым годом. У нас он совсем изменил нашу домашнюю жизнь. Дело в том, что мама больше не живет дома, так как мы стали большие и хотим делать и думать так, как мы хотим, а не плясать под родительскую дудку; вообще — порядочные анархисты, а это ее нервирует. Хотя это второстепенные доводы, а главное то, что у нас дома для нее уже нет личной жизни, а она еще молодая и здоровая женщина. Теперь все хозяйство пало на меня. Я изрядно за этот год выросла и стала совсем взрослая, и это меня радует.

Мой недостаток — стала очень грубая и злая, но я надеюсь, что это пройдет».

Февраль 1918 года.

«Я очень рада, что вы наконец-то получили посланные мной папиросы... Возня с хозяйством мне страшно надоела, но теперь, кажется, мама меня скоро опять заменит — ей очень скучно жить без своей шумной оравы. Мы ей, конечно, страшно рады.

...в Питере страшная голодовка, в день дают (глагол! — Л.В.) осьмушку фунта хлеба, а один день и совсем не давали. Я даже обругала большевиков. Но с 18 февраля обещали прибавить. Посмотрим!

...я фунтов на двадцать в весе убавилась, вот и приходится перешивать все юбки и белье — все валится.

Меня даже заподозрили, не влюблена ли я, что так похудела».

Февраль 1918 года.

Похудеть, конечно, можно и от наступившего внезапно голода. А можно и в самом деле — от любви. Если верить дочери Надежды Аллилуевой Светлане, которой рассказывали родственники, то на юную Надежду «камнем свалилась любовь к человеку, на 22 года старше, вернувшемуся из ссылки, с тяжелой жизнью революционера за плечами... к человеку, идти рядом с которым нелегко было и товарищам. А она пошла рядом, как маленькая лодочка, привязанная к огромному океанскому пароходу».

Подобное литературное описание сегодня может вызвать ироническую улыбку. Но Светлана — дочь. Ее право защищать родительскую честь естественно и достойно понимания.

Что же касается фактов, то они таковы: через несколько дней после приведенного здесь февральского 1918 года письма Нади к Алине Радченко она уже в Москве, поступает на работу под непосредственное руководство Сталина. Гимназия брошена без сожаления.

Надя становится секретарем. Переехав в марте 1918 года в Москву, получив кабинет и жилье в Кремле, Сталин срочно ищет место для своего Наркомата по делам национальностей. Как известно из воспоминаний Ходасевича, помещение найти очень трудно. Сталин решается на самозахват. Надя отстукивает на машинке объявление: «Это помещение занято Наркомнацем».

Сталин и Пестковский, оставивший рассказ о той истории, едут с Надиной бумажкой к облюбованной

Сталиным гостинице и видят на ее дверях отпечатанное кем-то другое «объявление»: «Это помещение занято Высшим Советом Народного Хозяйства». Опоздали!

Недолго думая, Сталин срывает чужую записку и вешает Надину.

Однако битву за помещение выиграла те, кто первыми заняли.

Возможно, отношения между Сталиным и Надей из отношений ребенка и взрослого дяди, когда-то спасшего ее от смерти, друга и соратника отца, стали иными еще в Петрограде.

Возможно, с первых дней жизни в Москве Надя становится фактической женой Сталина.

Ей только исполнилось семнадцать.

Ему — тридцать девять.

Она родилась в сентябре 1901 года.

Он — в декабре 1879 года.

По закону, много позже изданному Сталиным, такой брак недействителен: жена — несовершеннолетняя, но тогда Сталин не был вправе издавать законы и на свой брак, видимо, смотрел иначе, чем потом на другие браки.

Кривотолков много. Одна из легенд якобы исходит от сестры Надежды, Анны Сергеевны, в последний год ее жизни по возвращении из сталинского лагеря: в 1918 году Надежда сопровождает Сталина в Царицын не как жена, а как сотрудница. С ними ее отец, Сергей Яковлевич. Едут в одном салон-вагоне. Состав движется медленно, долго стоит на станциях. Одной ночью Аллилуев слышит крик дочери, кидается к ее купе — навстречу Надя с рыданиями: Сталин только что

изнасиловал ее. Аллилуев хочет застрелить его, Сталин падает ему в ноги и просит руки Нади, но она не соглашалась выходить за нелюбимого человека.

В книге Светланы Аллилуевой «Только один год» есть достойные внимания строки: «Ольга Аллилуева, будущая теща, относилась к нему очень тепло... но брак дочери ее не обрадовал: она долго пыталась отговорить маму и попросту ругала ее за это „дурой“. Она никогда не могла внутренне согласиться с маминым браком, всегда считала ее глубоко несчастной, а ее самоубийство — результатом „всей этой глупости“».

Что бы это значило? Почему?

И еще — мать пыталась отговорить дочь. Значит, Надежда хотела, стремилась, если ее приходилось отговаривать?

Надежда Аллилуева зарегистрировалась со Сталиным за пять месяцев до рождения сына Василия.

В эйфории революции на союз Сталин-Аллилуева многие смотрели едва ли не с восторгом: все случилось как бы внутри одной большой, дружной большевистской семьи.

Царицын становится вехой в жизни юной Надежды. Она прибывает туда 6 июня 1918 года в составе сталинского окружения и в сопровождении четырехсот красногвардейцев. У Сталина полномочия от Совета Народных Комиссаров. Чрезвычайные. По руководству продовольствием. Надя оказывается в городе, стремительно превращаемом в военный лагерь. Позднее Ворошилов назовет его «Красным Верденом».

На улицах и перекрестках красноармейские патрули.

Тюрьмы переполнены заключенными.

Фронт под Царицыном растянут на 60 километров.

Волгу бороздят два крейсера, миноносец и вооруженный пароход с орудиями и двадцатью пулеметами.

Сталин требует от Центра специальных военных полномочий «для своевременного принятия срочных мер». Полномочия получены, и он приступает к действиям, зная — падение Царицына откроет белым путь к Москве.

Один и тот же народ становится друг против друга, по обе стороны народившейся и умирающей, красной и белой идей. Стоят насмерть. Внутри каждого лагеря свои жесткие камни.

Сталин, с помощью представителя ЧК Червякова, «чистит» командование недавно созданной Красной Армии, арестовывает почти весь штаб военного округа, держит его на барже, которая потом «случайно» тонет. Имя Сталина в Царицыне произносят шепотом.

Медовые месяцы недоучившейся гимназистки обгарены кровью.

Она видит вокруг ужас, смерть, слышит стрельбу. При чем тут она?

Да, Надя всосала большевизм с молоком матери, но домашний большевизм и жестокая реальность лета 1918 года мало похожи. Борьба за дело рабочего класса — дело нешуточное.

Любовь под пулями?

Любовь революционная, припахивающая чужой смертью? Так и у Раскольникова с Ларисой. Так и у Клина Ворошилова с Екатериной.

Надя любит Сталина? Она его жена! С ума можно сойти от того, что брошено к ее ногам.

Остановить бы ее тогда и спросить: ты любишь Иосифа Джугашвили? Немолодого, угрюмого, странного человека?

Она не поймет — она любит Сталина, революционера, борца, вождя.

Разве такое трудно предположить? Легче легкого.

И Сталин, и Ворошилов, и Раскольников взяли с собой женщин на боевые позиции, рискуя...

Похоже, не так уж и рисковали они своими походными женщинами за плотным прикрытием красногвардейцев и матросов. Во всяком случае, ни с одной тогда ничего не случилось.

У Романа Гуля, описывающего оборону Царицына, нет ни слова о Наде, но есть строки о Екатерине Ворошиловой: «В полуразграбленном, пустынном особняке горчичного фабриканта командарм Клим Ворошилов живет с женой Екатериной Давидовной. Екатерина Давидовна нарядная, изящная женщина. Она пролетает по городу на военном автомобиле».

Наверное, и Надя так же.

А выше, по Волге, вместе с Раскольниковым в эти дни совершает свои подвиги Лариса Рейснер. Она встретится с Надей в Москве 7 ноября 1918 года, на приеме в честь первой годовщины Октября. Надежда отведала знаменитой черной икры, привезенной Ларисой.

Вернувшись из «медового похода», Надежда Аллилуева начинает работать секретарем Ленина. Она оказывается прекрасным, исполнительным, неутомимым работником. Ленин доверяет ей самые секретные материалы.

Юная Надя, конечно же, попадает под магическое обаяние, которое отмечают все женщины, когда-либо общавшиеся с Лениным.

Ему приятно видеть возле себя милое, молодое аллилуевское личико. Что он думает о ней и о Сталине, уже доподлинно зная ему цену? Жалеет Надежду? Или вообще не думает ни о чем личном, видя в каждом человеческом существе лишь работника революции?

Жена Сталина — секретарь Ленина. Отличная позиция для Сталина — он будет знать все об Ильиче.

Сталин, однако, сталкивается с тем, что его молодая жена не сообщает ему секретных сведений. Поначалу это нравится: крепким орешком оказалась Надя. Но бывают ситуации, когда ему необходимо знать. А она молчит. И ничего с ней не поделаешь.

В дневнике дежурных секретарей запись секретаря Н.С.Аллилуевой: «Владимир Ильич нездоров... Мария Ильинична сказала, чтобы его ничем не беспокоить — если сам запросит об ответах, то запросить кого следует. Приема никакого, поручений пока никаких. Есть два пакета от Сталина и Зиновьева — об них ни гугу, пока не будет особого распоряжения и разрешения...»

Надежде нравится, что ей доверяют тайны, не должны быть известными даже Сталину. Ей приятна самостоятельность, отдельность от него. Ему неприятно. Коса начинает находить на камень. Особенности его

натуры, волею судьбы оказавшиеся позднее заметными миллионам людей, придвигаются к ней вплотную.

Ленин и Крупская, с их дореволюционным воспитанием, безусловно, ближе Надежде Аллилуевой, чем грубый, резкий, беспощадный муж.

Она хочет думать, что любит его.

Она хочет его любить.

Она его любит!

Милую Наденьку, выросшую на глазах революционеров, ныне властвующих в Кремле, кажется, обожают все окружающие, но, когда она опаздывает на работу и делает ошибки в серьезных текстах, ей не делают поблажек. Ленин берет ее под защиту: секретарь Аллилуева не манкирует обязанностями, она родила ребенка, не справляется, а грамотность — дело наживное.

Волею судьбы двадцатидвухлетняя Надежда оказывается внутри конфликта Ленин — Крупская — Сталин и ведет себя безукоризненно.

Волею судьбы она, еще с царицынских времен, свидетельница конфликта Сталин — Троцкий.

Присматривается к ленинским соратникам — они заметно изменились после революции. Раньше их подозрительность была в основном направлена на царский строй и на враждебные партии. Теперь друг на друга. Сталин такой же.

Она одной из первых узнает о «Завещании Ленина», в котором он точно и беспощадно характеризует ее мужа. Надежда вынуждена самой себе сказать, что Ленин прав: Сталин груб, резок, несправедлив. К ней тоже. А может

быть, несправедлива она? Они очень разные. Может, просто не понимают друг друга? Она молода, хочется веселиться, учиться — жить! Тут, в кремлевской клетке, она — затворница. Под охраной, как в тюрьме со всеми удобствами. И люди вокруг старые, сорока-, пятидесятилетние, озабоченные властью. Скука!

И он разочарован: лучше бы привез девушку из грузинской деревни. Все сделал для Нади: вопреки своим принципам терпит в доме няnek и кухарок. Чего не хватает? Каждое ее желание — закон. У мамы, что ли, с папой ей такое снилось? Дом на широкую ногу: еду, какую хочешь, выписывай — принесут. Любой театр или кино — пожалуйста. Он, правда, не всегда сопровождает, и она обижается. Потерпи, занят. Чего мало? Скрытная. В истории с «Завещанием Ленина» как себя повела? Не на стороне мужа! В общем-то, по-большевистски правильно, но обидно: жена против мужа.

Нервная очень, в мать. У Ольги Евгеньевны шизофрения. Теперь это Сталину доподлинно известно: Ольга ходит в кремлевскую спецполиклинику, ему оттуда докладывают.

Девушка из грузинской деревни лучше подходила бы ему в жены. Такая, как Екатерина Сванидзе.

Троцкий в своих воспоминаниях называет Екатерину Сванидзе «молодой, малокультурной грузинкой» — однако известно, у этой девушки из грузинской деревни до четырнадцати лет были домашние учителя, брат ее учился в Берлине.

Психология революционеров, построенная на классовом подходе, заведомо определяла: если человек из деревни, значит, беден и малокультурен.

И то и другое в реальной жизни необязательно. Бедность притбилисской деревни с бархатным климатом весьма сомнительна, а что касается культуры, то человечеству еще предстоит разобраться, не взято ли лучшее в культуре любого народа у его прародителя, возделывавшего землю?

Иосиф Иремашвили в воспоминаниях о молодых годах Сталина приводит его слова, сказанные на похоронах первой жены:

«Это существо смягчало мое каменное сердце; она умерла — и вместе с ней последние теплые чувства к людям». Они возродились: к Надежде, к детям. Надежда всегда была строга с детьми, а Сталин — мягок и добр. Каменные сердца чувствительны.

После смерти Ленина его секретарь Надежда Аллилуева идет работать в журнал «Революция и культура». Не имея образования, кроме шести классов гимназии и секретарских навыков, приобретенных в ленинской канцелярии, она успешно постигает редакционную работу.

Любым делом будет она заниматься, лишь бы не сидеть в кремлевских стенах с детьми и не нудиться по ночам в застольях с компанией мужа.

Проблема детей решается просто — няня, экономка, ребята-чекисты из охраны.

Застолье обязывает. Она не пьет и не выносит пьющего застолья, а Иосиф Виссарионович обожает застолье в силу национального характера и таких внезапно открывшихся неограниченных возможностей пить сколько и что душе угодно. Любит вино «Хванчкару».

Кто-то из двух должен уступить. Она уступает, уступает, уступает, уступает... И срывается, убегает с детьми к родителям.

Разве девушка из грузинской деревни так поступила бы?

Сталин возвращает жену домой. Стыдно, что люди скажут? Хотя бы его-то не позорила — весь на виду.

После ленинской смерти стремительно нарастает его влияние в партии, его сила в правительстве, его отлично организованная популярность в народе. Уже широко понесли сталинские портреты по праздничным площадям. Все вокруг вертятся, боятся, уважают, понимают, а дома понимания нет. Обидно. Ведь дом — это крепость. Что он за вождь без хорошего домашнего тыла, без покоя в семье? С врагами не справится, а врагов полно.

Она все реже соглашается с ним. Какие враги? Те же самые большевики, ленинцы, партийцы! Какой враг Троцкий? Просто самовлюбленный индюк. Каменев вообще золотой человек. Зиновьев тоже. Николай Иванович Бухарин, душка. Почему они все ссорятся, ссорятся, не могут договориться? Ведь общее же дело. Как Ленина не стало, они словно с цепи сорвались в один клубок.

Сталин победит. Она чувствует это без радости, со страхом. Почему? Трудно объяснить.

Ноябрь двадцать седьмого года. Мрачная осень. Этот месяц всегда труден для Надежды Сергеевны: в ноябре ей плохо, настроение ужасное. Жизнь вокруг не способствует веселью: идет последняя схватка Сталина с Троцким. Из партии исключают многих деятелей

оппозиции. Среди них люди, милые сердцу Надежды Сергеевны.

Она ничего не понимает.

Она ничего не понимает?

Она понимает все!

Сталин успешно проводит свою линию. В минуты семейного мира Надежда Сергеевна пытается поговорить с ним. Он отмахивается — не женское дело. Не лезь, куда не просят. Вечером будут гости, позаботься о столе.

Он — сова, она — жаворонок. Он не спит ночами, она не может спать днем.

Все врозь. Она на пределе — вот-вот сорвется. Срывается. И словами, словами его! Хуже пощечин. Он краснеет, но при людях молчит. Запоминает каждое слово, а потом возвращает. Наедине. Она не остается в долгу.

Почему Надежда не может понять его? Почему Иосиф не понимает ее?

В ноябре двадцать седьмого года кончает с собой видный дипломат Иоффе. Да, конечно, все знают, он был болен, обречен, но мог еще пожить. Все знают, он — троцкист, ему грозит расправа.

Самоубийство в ноябре...

Надежда Сергеевна хорошо знала Иоффе, уважала его. Она идет на похороны.

Иоффе провожают толпы народу. Много молодежи. Поют военные песни времен Гражданской войны, в них звучит имя Троцкого. На кладбище выступают Троцкий, Каменев, Зиновьев. А в первом ряду слушает их жена

Сталина. Зиновьев, сбившись с похоронного тона, над гробом Иоффе клеймит преступления ее мужа, предающего интересы партии.

Слушает молча. А кто скажет, что творится в ее душе? Никто.

Митинг окончен. Надежда Сергеевна в сопровождении охраны выходит из ворот Новодевичьего кладбища. У ворот — строй солдат, вызванный из казарм для поддержания порядка. Какой-то юноша из окружения Троцкого кричит солдатам:

«Красноармейцы! Ура вождю Красной Армии товарищу Троцкому!» В ответ — тишина. Троцкий идет к машине. Аллилуева знает — Сталин победил.

Победа не радует ее?

Почему она не может стать рядом с мужем, быть его вторым «я», такой же жестокой всепобеждающей силой?

Вот ведь и Ольга рядом с Каменевым, хотя у него есть вторая семья. И Екатерина во всем поддерживает Клима. И Наталья — за Троцкого. Почему Надежда другая? Почему она не может, не хочет его понять? Не видит за ним правды? А за другими разве правда есть?

Надежда Сергеевна оставляет журнал «Революция и культура», идет учиться в Промакадемию. Хочет стать специалистом по химическим волокнам.

Вне стен Кремля интересно. Даже трудности в учении по-своему легки. Она старается ничем не выделяться в Академии. К учебному корпусу на «Форде» не подъезжает. Останавливает машину за квартал, идет пешком, требуя от охраны не маячить слишком близко.

Ей кажется, никто не знает, чья она жена. Ей стыдно быть его женой?

Аллилуева умом все ближе к противникам мужа. Сердцем — тоже.

Можно ли представить себе Надежду Константиновну в такой ситуации? Ни в коем случае: Ленин был прав, даже когда он не прав. Конечно, Надежда Константиновна не так глупа, чтобы идеализировать вождя революции. Никто лучше ее не знал ленинских недостатков, но никто лучше ее не мог их скрыть от посторонних глаз. Люди никогда не узнают ее несогласий с ним. Она подправила его так, что он сам не заметил, где она его подправила. Она спрятала все его промахи. Она объяснила себе и другим необходимость любой ленинской ошибки, объявив ее верным поступком.

Аллилуева другая.

Связывало ли что-нибудь обеих Надежд? Сложно все было. Сталин не любил Крупскую. Аллилуева, наверное, сочувствовала ей. Но Крупская сама могла быть не слишком понятна Аллилуевой. Мог отвращать ее воинствующий атеизм. Надежда Сергеевна все больше и больше обращалась к Богу. Это приносило кратковременное успокоение мятущейся душе. Она стала ходить в церковь. Все вокруг заметили это.

Сноха Каменева, Галина Сергеевна Кравченко, рассказала мне: «Надежду Аллилуеву я часто встречала в начале тридцатых в мастерской для высших чинов Кремля, их жен и детей. У нас с ней была общая портниха. Не могу сказать, чтобы мы были близко знакомы. Сидели в мастерской, ждали, когда попросят на примерку.

Какая она была? На мой взгляд, очень неинтересная. Серая. Скучная. И вкус ее мне, любившей всякие экстравагантности, не нравился, тоже скучный.

Выглядела Аллилуева старше своих лет. Пожалуй, можно было дать под сорок. Если у молодой жены старый муж, они с годами сравниваются в возрасте.

Аллилуева была очень верующая. Да, да, не удивляйтесь, она в церковь ходила. Все знали и много говорили об этом. Ей, видно, разрешалось то, что другим партийцам запрещалось: она состояла в партии с восемнадцатого года. Вообще, заметно было, что она немножко «того». Как теперь говорят, с фиалками в голове«.

Начались первые судебные процессы тридцатых годов. В «процессе Промпартии», охватившем многие отрасли советской промышленности, были так или иначе «замешаны» многие преподаватели Академии, где училась Аллилуева. Она продолжала оставаться в хороших отношениях со сталинскими врагами.

Не хотела заниматься детьми, и они росли как трава.

Все это Сталину решительно не нравилось. Самостоятельные женщины-кукушки хороши в революционных теориях, а в жизни его семье нужна была хозяйка.

Бывший секретарь Сталина Бажанов, сбежавший за границу, вспоминал кремлевскую квартиру вождя: перед дверью постоянный часовой, в маленькой передней солдатская шинель и фуражка Сталина, а в четырех комнатах квартиры простая мебель; рассказывал, что поначалу еду в дом приносили из столовой Совнаркома, а

потом повара стали готовить дома — Сталин боялся отравления.

«В своей семье, — писал Бажанов, — он держит себя деспотом. Целыми днями он соблюдает у себя высокомерное молчание, не отвечая на вопросы жены и сына.

Сталин, если бывал не в духе, а это случалось часто, молчал за обедом, и все молчали. После завтрака обычно сидел в кресле. С трубкой.

Раздается звонок по внутреннему телефону Кремля.

— Коба, тебя зовет Молотов, — говорит Надежда Аллилуева.

— Скажи ему, что я сплю, — отвечает Сталин».

Многое видно в этой сцене. Молодая женщина, живя в атмосфере вранья по малым мелочам, и сама должна лгать, отвечать, что его нет, когда он есть. Вряд ли Молотов хочет сообщить Сталину о прилете грачей. Наверное, важный вопрос.

Для Надежды Сергеевны, «всосавшей большевизм с молоком матери», революционер, слуга народа, способный на такое вранье, вряд ли долго будет предметом восхищения и душевной любви.

Аллилуева к 1930 году уже второй десяток лет — женщина Кремля из верхнего «эшелона» власти и несколько лет — некоронованная царица советского типа. Глаголы «достать» и «дают», применительно к продовольствию, ею крепко забыты. Как ни храни старые скромные платья с заплатками, которые жаль выбросить от чувства ностальгии по своей молодости, факт остается

фактом: она может позволить себе многое — она жена Сталина. И этим все сказано.

Однако не все.

Был праздник — 7 ноября 1932 года. Пятнадцатая годовщина со дня Октябрьской социалистической революции. Сначала парад, потом демонстрация трудящихся. На трибуне Мавзолея — все правительство во главе с товарищем Сталиным. На нижней трибуне, среди ответственных лиц с женами и зарубежных гостей праздника, стояла красавица Катя, работница завода, получившая билет на трибуну в награду за активную работу в комсомоле. Она испытывала ставший привычным для советского человека в день праздника прилив энтузиазма, чувство, когда при виде торжеств на Красной площади — ком в горле. Кто постарше, знает.

— Аллилуева, Аллилуева, жена Сталина, жена... — прошелестело по трибунам. Глаза Кати заметались между колонн демонстрантов, и она увидела: «Надежда Аллилуева шла со своей Промакадемией в первом ряду — под знаменами. Она бросалась в глаза — высокая, в распахнутом пальто, хотя было холодно, улыбалась и смеялась, что-то говорила своим спутникам, смотрела в сторону Мавзолея, махала рукой, ее белое мраморное лицо было прекрасно. Взмах руки был царственный. Она была вся... лучезарная».

Под крики здравицы товарищу Сталину его жена Надежда Сергеевна прошла Красную площадь, свернула, оторвавшись от своих спутников, в хорошо знакомые ей Спасские ворота и, сопровождаемая группой охраны, вышла на нижние трибуны, стала на заранее приготовленное ей место, рядом с Никитой Хрущевым. Холодало. Она поеживалась, запахнув пальто, и все

посматривала вверх на Мавзолей. С нижней трибуны ей был виден Сталин, и она говорила Хрущеву, что волнуется, как бы он не простудился, он такой упрямый, она умоляла одеться потеплее, но он не слушается.

Обычные волнения заботливой жены...

На следующий день был вечерний прием в честь праздника, завершившийся для узкого кремлевского круга вечеринкой в квартире Ворошилова, откуда Сталин и Надежда Сергеевна вернулись домой не вместе и в разное время. Она — пораньше, он — очень поздно.

Они спали порознь: она — в спальне, он — у себя в кабинете или в маленькой комнатке при столовой, возле правительственного телефона. Этот телефон стал обязательным приложением к главе государства. Он мог зазвонить в любую минуту, но звонить могли лишь особо доверенные люди, в особо экстренных случаях. Цвет телефона был определен раз и навсегда — красный.

Экономка по заведенной привычке утром пришла будить Надежду Сергеевну и нашла ее на полу возле кровати в луже крови. Рядом — маленький пистолет «вальтер», привезенный Аллилуевой братом Павлом из-за границы. Испуганная экономка позвала няню. Надежда Сергеевна была уже холодная. Женщины вдвоем уложили тело на кровать. Они побоялись разбудить Сталина, спящего в кабинете возле красного телефона. Позвонили Авелю Енукидзе и Полине Молотовой. Они пришли. Разбудили Сталина.

Он вышел в столовую и услышал: «Иосиф, Нади больше нет с нами».

Так рассказывали все очевидцы своим домочадцам, а позднее и Светлане, дочери Аллилуевой и Сталина.

Самоубийство в ноябре?..

Вранье началось сразу. 10 ноября в газете «Правда» появился следующий некролог:

«Н.С.Аллилуева

В ночь на 9 ноября скончалась активный и преданный член партии тов. Надежда Сергеевна Аллилуева.

ЦК ВКП(б)«.

Сразу за этим траурным сообщением крупным шрифтом заголовков:

«ДОРОГОЙ ПАМЯТИ ДРУГА И ТОВАРИЩА
НАДЕЖДЫ СЕРГЕЕВНЫ АЛЛИЛУЕВОЙ

Не стало дорогого, близкого нам товарища, человека прекрасной души. От нас ушла еще молодая, полная сил и бесконечно преданная партии и революции большевичка.

Выросшая в семье рабочего-революционера, она с ранней молодости связала свою жизнь с революционной работой. Как в годы Гражданской войны на фронте, так и в годы развернутой социалистической стройки Надежда Сергеевна самоотверженно служила делу партии, всегда скромная и активная на своем революционном посту. Требовательная к себе, она в последние годы упорно работала над собой, идя в рядах наиболее активных в учебе товарищей в Промакадемии.

Память о Надежде Сергеевне как о преданнейшей большевичке, жене, близком друге и верной помощнице тов. Сталина будет нам всегда дорога.

Екатерина Ворошилова, Полина Жемчужина, Зинаида Орджоникидзе, Дора Хазан, Мария Каганович, Татьяна Постышева, Ашхен Микоян, К.Ворошилов, В.Молотов, С.Орджоникидзе, В.Куйбышев, М.Калинин, Л.Каганович, П.Постышев, А.Андреев, С.Киров, А.Микоян, А.Енукидзе».

Что можно понять из этого общепринятого набора стандартных газетных соболезнований? Умерла. От чего? Болела? Несчастный случай? Ни слова о причине смерти. О покойной жене первого человека в государстве — как о бесполом существе: преданность партии, революционная работа. Всего одна деталь, но характерная: женские имена и фамилии подписавших некролог даны полностью и вынесены перед мужскими инициалами и фамилиями — лишь это говорит о том, что ушло из жизни существо женского пола.

Далее, в заметке-соболезновании от руководства Промакадемии им. товарища Сталина, где училась жена Сталина, появляется фраза — намек на причину смерти: «...болезненное состояние не могло приостановить ее большевистского упорства в учебе».

Как хотите, так и понимайте. О каком болезненном состоянии речь, если многие видели ее только что на демонстрации веселую и здоровую?

Почему нет медицинского заключения? Ведь жена Сталина, не кто-нибудь!

А слухи ползли, ползли под звуки траурных маршей.

Убита,

застрелена,

самоубийство...

«Правда» от 11 ноября уже как бы опомнилась. В соболезнующих заметках появились более теплые слова: «Умер молодой, скромный и преданный боец великой большевистской армии. Умер в пути, в походе, на учебе». Опять в мужском роде. Газета, отдав дань умершей, повернулась к пострадавшему. Все соболезнования адресованы лично товарищу Сталину: «Мы, близкие друзья и товарищи, понимаем тяжесть утраты товарища Сталина со смертью Надежды Сергеевны, и мы знаем, какие обязанности это возлагает на нас в отношении к товарищу Сталину».

Какие?

В траурных репортажах рассказывается о торжественном карауле, в котором стоит и товарищ Сталин, но в последнем репортаже с кладбища ни слова нет о том, что на кладбище Сталин присутствовал.

Несколько дней идет, убывая, траурная аллилуевская нота на страницах «Правды».

А в газете от 16 ноября особо выделенный материал:

«Дорогой Иосиф Виссарионыч,

эти дни как-то все думается о вас и хочется пожать вам руку. Тяжело терять близкого человека. Мне вспоминается пара разговоров с вами в кабинете Ильича во время его болезни. Они мне тогда придали мужества.

Еще раз жму руку.

Н.Крупская».

Боже мой, почему мне так много видится за этой соболезнующей записочкой? Все в ней продумано, выверено, вычислено, высчитано — все многозначно.

Это «ы» в его отчестве она употребила не зря. Редактор, конечно же, не осмелился исправить «ошибку».

Многие, знавшие Крупскую, отмечали индивидуальность ее языка: «я тогда была неписучая», «это ведь и титечному ребенку ясно». Эдакая симпатичная инфантильность, нарочитость, претенциозность исключительности: Крупской можно то, чего нельзя другим.

Думаю, буква «ы» в слове «Виссарионыч» — тоже из ряда ее неологизмов. Всего лишь буква, но говорит о многом: Надежда Константиновна, как никто, имеет право на фамильярность с ним в государственном масштабе, потому что она — Крупская, а он всего лишь Сталин.

В тяжелую для него минуту она фамильярностью этого «ы» как бы подчеркнула свое к нему отношение: не сверху, не свысока, а с высоты.

Наверное, Крупская имеет свое мнение о самоубийстве и даже, может быть, об убийстве, но, не располагая никакими другими возможностями, выражает свое подлинное к нему отношение, обращаясь на «вы» с маленькой буквы. Все остальные пишут ему «Вы».

«Тяжело терять близкого человека».

Это о нем, но и о ней. Эти слова должны напомнить ему, что ОНА потеряла ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА!!!

А две последние фразы вообще образцы многозначной прозы, если вернуться к отношениям Сталина и Крупской перед смертью Ленина.

Она напоминает ему «пару разговоров в кабинете Ильича», понимая, что он вспомнит не их, а грубый разговор с нею по телефону.

Почему она хочет от него этого воспоминания? А если она живет с сознанием, что Сталин отравил Ленина?

Можно ли жить с таким сознанием и продолжать делать общее дело вместе с «отравителем»?

Я не сторонница сплетни об отравлении Ленина Сталиным, но я знаю, что Надежда Константиновна может вынести все: она воплощает идею, и нет земной силы, способной помешать ей.

Не дает ли она ему понять: «Никто не забыт, ничто не забыто»?

Маловероятно? Кто докажет?..

В газете «Известия» о смерти и похоронах Аллилуевой материала меньше, и весь он как бы поживее. В одном из номеров Надежде Сергеевне посвящены стихи Демьяна Бедного с такими строками:

У смерти есть свое жестокое коварство;
Щадя нередко тех, кто стар, и слаб, и хил,
Она разит того, кто полон юных сил,
Кто был, казалось, так далек от входа в царство
Воспоминаний и могил.

Если принять во внимание, что придворный поэт Кремля Демьян Бедный не мог не знать хотя бы двух главных версий смерти Надежды Сергеевны, то для кого этот стишок?

Для народа, которому нечего знать лишнее: смерть сразила молодую. И хватит с вас. Скорбите!

Приступая к работе над этой книгой, заранее зная, что глава об Аллилуевой будет трудной и полной всяческих противоречий, я, как говорится, «прыгнула с обрыва». По ноль девять узнала телефон справочной КГБ и позвонила: «Мне нужен отдел, в котором хранится дело о самоубийстве Аллилуевой-Сталиной».

Трубка помолчала и выдала без комментариев обычный семизначный номер. По этому номеру мне дали еще номер. И так далее. Может быть, на пятый раз я попала, не знаю куда, но куда надо. Доброжелательный молодой мужской голос расспросил меня. Предложил позвонить через неделю. И я получила ответ:

ДЕЛА АЛЛИЛУЕВОЙ НЕ СУЩЕСТВУЕТ. ТОВ. СТАЛИН ОТДАЛ ПРИКАЗ НЕ ВОЗБУЖДАТЬ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.

Этот ответ давал мне возможность предполагать все, что угодно. И я начала поиск.

Слухов, легенд и сплетен так много, что их стоило бы классифицировать.

Было две версии смерти Аллилуевой: убийство и самоубийство. В первой — три предположения: убита самим Сталиным, убита охранниками, убита сообщниками. Каждая версия распадается еще на несколько. Вот основные.

Версия убийства.

«Сталин сам убил ее из ревности. Она завела роман со своим пасынком Яковом. Он застал их. С ней расправился на месте, а сыну сказал, что отомстит

позднее. Поэтому-то он и Якова из немецкого плена не вызволил».

«Сталин убил ее как своего политического противника. Она возмущалась его политикой, коллективизацией, а он не мог этого слышать — правда глаза колет».

«Сталин приказал ее убить, чтобы самому не марать рук, узнав, что она политически изменила ему — вошла в группу врагов народа, была такая группа „девяноста двух“».

«Она действительно была в оппозиции, входила в группу, враждебную Сталину. Сообщники, боясь, что она предаст их, убрали ее».

«Сталин приказал охране убить ее, она надоела ему ревностью, и вообще они уже давно не жили как муж и жена. Она мешала ему жить, как он хотел: пить вино и гулять с балеринами».

«В Аллилуеву стреляли — спасти ее было невозможно. Истекающая кровью, она сказала: „Это Иосиф. Не простил, что я заступилась за Надю Крупскую, когда она просила миловать. Своей рукой, сам...“».

В этой невозможной версии меня, конечно же, привлекло появление имени Надежды Константиновны рядом с трагедией другой Надежды.

Версия самоубийства и непреднамеренного убийства.

Самый популярный слух: «Она покончила с собой, потому что хотела наказать его за хамство, грубость, пьянство и разврат. В эту ночь она узнала, что он был с другой женщиной, и не выдержала». Он, как и слухи об

убийстве, по самым разным причинам представляется мне далеким от истины.

Не лучше ли послушать людей, знавших Аллилуеву и Сталина?

«Ревность, конечно. По-моему, необоснованная. Парикмахерша была, к которой он ходил бриться. Супруга была этим недовольна... Такая молодая... У нас была большая компания после 7 ноября на квартире Ворошилова (по другим сведениям: 8 ноября в ГУМе, по третьим — в Большом театре, по четвертым — в Кремле. — Л.В.). Сталин скатал комочек хлеба и на глазах у всех бросил этот шарик в жену Егорова (по другим сведениям: в жену Тухачевского, по третьим — в артистку Большого театра, по четвертым — в саму Аллилуеву. — Л.В.). Я это видел, но не обратил внимания. Будто бы это сыграло роль. Аллилуева была, по-моему, немножко психопаткой в это время. На нее это действовало так, что она не могла уж себя держать в руках. С этого вечера она ушла вместе с моей женой, Полиной Семеновной. Они гуляли по Кремлю. Это было поздно ночью, и она жаловалась жене, что вот то ей не нравилось, это не нравилось... Про эту парикмахершу... Почему он вечером так заигрывал... А было просто так, немножко выпил, шутка. Ничего особенного, но на нее подействовало. Она очень ревновала его. Цыганская кровь. Полина Семеновна осуждала ее поступок, говорила: „Надя была не права. Она оставила его в такой трудный период“». — Это записанное Феликсом Чуевым свидетельство В.М.Молотова, ближайшего соратника Сталина. Общеизвестно, что Молотов был на стороне своего вождя. В его словах слышно осуждение Аллилуевой. Но

он сидел за столом вместе с ними в тот вечер, он знал больше других. Ему было что сказать и что — скрыть.

«В самый разгар сплошной коллективизации, голода в деревне, массовых расстрелов, когда Сталин находился почти в полном политическом одиночестве, Аллилуева, видимо, под влиянием отца, настаивала на необходимости перемены политики в деревне. Кроме того, мать Аллилуевой, тесно связанная с деревней, постоянно рассказывала ей о тех ужасах, которые творятся в деревне. Аллилуева рассказывала об этом Сталину, который запретил ей встречаться со своей матерью и принимать ее в Кремле. Аллилуева встречалась с ней в городе, и настроения ее все укреплялись. Однажды, на вечеринке не то у Ворошилова, не то у Горького, Аллилуева осмелилась выступить против Сталина, и он ее публично обложил по матушке. Придя домой, она покончила самоубийством». — Так хотелось видеть эту трагедию Троцкому из его мексиканского далека.

«Она кричала в тот вечер перед смертью: „Я вас всех ненавижу! У вас такой стол, а народ голодает!“ У нее было большое разочарование в политике, которой она сначала увлекалась. Разочарование как шок. Вроде бы Буденный кому-то рассказывал, как Сталин поздно ночью вошел в комнату и увидел, что тяжелая бордовая штора на окне колышется. Ему показалось, что за шторой кто-то есть. Он всегда боялся врагов, нападения, боялся, что его убьют, маньяк был, и пальнул в шевелящуюся штору. А за шторой стояла Надежда Сергеевна. Что она там делала, неизвестно, просто, может, стояла и думала, глядя в темноту ночи. Вот и получилось, что он ее случайно убил». — Снохе Каменева, Галине Сергеевне

Кравченко, тайна смерти Аллилуевой запомнилась в такой интерпретации.

«В ноябре 1932 года, придя домой из института, я застала там Н.И. (Николая Ивановича Бухарина. — Л.В.). Он пришел сразу же после похорон Надежды Сергеевны Аллилуевой — жены Сталина. Я увидела его взволнованного, бледного. Они тепло относились друг к другу, Н.И. и Надежда Сергеевна; тайно она разделяла взгляды Н.И., связанные с коллективизацией, и как-то улучила удобный момент, чтобы сказать ему об этом. Надежда Сергеевна была человеком скромным и добрым, хрупкой душевной организации и привлекательной внешности. Она всегда страдала от деспотического и грубого характера Сталина. Совсем недавно, 8 ноября, Н.И. видел ее в Кремле на банкете в честь пятнадцатилетия Октябрьской революции. Как рассказывал Н.И., полупьяный Сталин бросал в лицо Надежде Сергеевне окурки и апельсиновые корки. Она, не выдержав такой грубости, поднялась и ушла до окончания банкета. Они сидели друг против друга, Сталин и Надежда Сергеевна, а Н.И. рядом с ней (возможно, через человека, точно не помню). Утром Надежда Сергеевна была обнаружена мертвой. У гроба Надежды Сергеевны был и Н.И. В такой момент Сталин счел уместным подойти к Н.И. и сказать ему, что после банкета он уехал на дачу, а утром ему позвонили и сказали о случившемся. Это противоречит тому, что сообщает Светлана — дочь Надежды. Не хотел ли он в разговоре с Н.И. отвести от себя подозрение в ее убийстве? Было ли это убийство или самоубийство, мне неизвестно. Н.И. убийства не исключал. Как рассказывал Н.И., первым, кто увидел Надежду Сергеевну мертвой, кроме няни, пришедшей ее разбудить, был Енукидзе,

которому няня Светланы решилась позвонить, побоявшись будить Сталина. Не это ли послужило причиной того, что А.С.Енукидзе убрали раньше остальных членов ЦК?

Н.И. рассказывал, что перед закрытием гроба Сталин жестом попросил подождать, не закрывать крышку. Он приподнял голову Надежды Сергеевны из гроба и стал целовать.

— Чего стоят эти поцелуи, — с горечью сказал Н.И., — он погубил ее!

В печальный день похорон Н.И. вспоминал, как однажды он случайно приехал на дачу Сталина в Зубалово в его отсутствие; он гулял с Надеждой Сергеевной возле дачи, о чем-то беседуя. Приехавший Сталин тихо подкрался к ним и, глядя в лицо Н.И., произнес страшное слово: «Убью!»

Н.И. принял это за шутку, а Надежда Сергеевна содрогнулась и побледнела«. — Это рассказывает Анна Михайловна Ларина-Бухарина в книге «Незабываемое».

«Я никогда, конечно, не видела жену Сталина, но Семен Михайлович, вспоминая ее, говорил, что она была немного психически нездорова, в присутствии других пилила и уничижала его. Семен Михайлович удивлялся: „Как он терпит?!“ — говорила мне вдова маршала Мария Васильевна Буденная. — Сталин, когда это случилось, жаловался Семену Михайловичу: „Какая нормальная мать оставит детей на сиротство? Я же не могу уделять им внимание. И меня обездолила. Я, конечно, был плохим мужем, мне некогда было водить ее в кино“».

«Это сдерживание себя, эта страшная внутренняя самодисциплина и напряжение, это недовольство и

раздражение, загоняемое внутрь, сжимавшееся внутри все сильнее и сильнее, как пружина, должны были в конце концов неминуемо кончиться взрывом, — пружина должна была распрямиться со страшной силой...

Так и произошло. А повод был не так уж значителен сам по себе и ни на кого не произвел впечатления, вроде «и повода-то не было». Всего-навсего небольшая ссора на праздничном банкете в честь XV годовщины Октября. «Всего-навсего» отец сказал ей: «Эй ты, пей!» А она «всего-навсего» вскрикнула вдруг: «Я тебе не ЭЙ!», и встала, и при всех ушла вон из-за стола». — Так видится тайна смерти матери Светлане Иосифовне, дочери Сталина и Аллилуевой, которая тогда была еще шестилетним ребенком и узнала трагедию по рассказам самых разных людей.

«Я с глубоким уважением относился к Надежде Аллилуевой. Она так отличалась от Сталина! Мне всегда нравилась в ней скромность... Потом Надя покончила с собой. Она умерла при загадочных обстоятельствах. Но как бы она ни умерла, причиной ее смерти были какие-то действия Сталина... Ходил даже слух, что Сталин застрелил Надю... Согласно другой версии, которая представляется мне более или менее правдоподобной, Надя застрелилась из-за оскорбления, нанесенного ее женскому достоинству». — Это пишет Хрущев, соученик Надежды по Промакадемии, в то время еще не вхожий в высшие коридоры власти, но бывавший в доме Сталина даже на обедах как ее приятель.

Какие еще могут быть свидетельства?

Держу в руках копии писем Сталина к Аллилуевой и ее к нему, любезно предоставленные мне работниками кремлевского архива. Никогда не посмела бы я, верная

своему принципу не читать чужие неопубликованные письма, даже взглянуть на них, но знаю: эта переписка завтра появится в журнале, ее прочитают все, и каждый читающий сделает свой собственный вывод, поймет что-то свое, отличное от других.

Что предстоит понять мне?

С 1928 по 1931 год они изредка перебрасывались письмами, когда он или она уезжали отдыхать или лечиться. Чаще уезжал он.

У каждого своя тональность. Письма Надежды Сергеевны спокойные, холодные, с перечислением мелочей жизни, проказ или успехов детей. Мелькают имена его соратников: Микояна, Орджоникидзе, Кирова. Обращение к мужу всегда одинаково сухо: «Здравствуй, Иосиф».

«Должна тебе сказать, что в Москве всюду хвосты и за молоком, и за мясом, главным образом. Зрелище неприятное, а главное, можно было бы путем правильной организации все это улучшить».

2 сентября 1929 года.

«Настроение у публики в трамваях и других общественных местах сносное — жужжат, но не зло».

12 сентября 1930 года.

«Москва выглядит лучше, но местами похожа на женщину, запудривающую свои недостатки, особенно во время дождя, когда после дождя краска стекает полосами... Храм разбирают медленно, но уже „величие“ голов уничтожено».

(Вот вам и верующая! Вот и посетительница храмов! И это она пишет о храме Христа Спасителя, а ведь могла

бы попытаться уговорить мужа не сносить «величия» голов. Похоже, слухи о религиозности Надежды Сергеевны были сильно преувеличены. — Л.В.)

«Цены в магазинах очень высокие, большое затоваривание из-за этого. Не сердись, что так подробно, но так хотелось бы, чтобы эти недочеты выпали из жизни людей, и тогда было бы прекрасно всем и работали бы все исключительно хорошо».

Не позднее 12 сентября 1931 года.

«В отношении Московских дел: усиленно работают над Лубянской площадью, убрали фонтан в центре и по прямой линии прокладывают трамвай, освобождая тем самым круговое кольцо. Около Московской гостиницы ремонт улицы еще не закончен и очень кругом наворочено. Думаю, что к твоему возвращению сделают. Охотный ряд усиленно разрушается».

21 сентября 1931 года.

В каждом, ее письме видно настойчивое желание принять участие в делах общества, подсказать мужу: снизить цены, уменьшить очереди, но все как-то несерьезно, по-детски.

Стиль писем Надежды Сергеевны прост, безыскусен, напоминает далекую гимназистку Надю, даже темы похожи: детали быта, пересказ событий и фактов. Последние, «поцелуечные» слова скромны: «целую, Надя», и лишь в одном письме: «целую тебя крепко-крепко, как ты меня поцеловал на прощанье, твоя Надя».

Длинное письмо от сентября 1929 года подробно и не без волнения рассказывает о событии, связанном с провинностью сотрудника «Правды» Ковалева: «Ты на

меня не сердись, но серьезно, мне стало бесконечно больно за Ковалева. Ведь я знаю, какую он провел колоссальную работу и вдруг... редакционная коллегия принимает решение освободить товарища Ковалева от заведующего отделом партийной жизни, как не выдержанного партийца. Это прямо чудовищно... Я знаю, что ты очень не любишь моих вмешательств, но мне все же кажется, что тебе нужно было бы вмешаться в это заведомо несправедливое дело».

Письма Иосифа Виссарионовича к Надежде Сергеевне более живые, веселые. Он использует шутливые, им одним понятные словесные знаки: «целую мою Татюку кепко, очень ного кепко» (видимо, это слова из детского языка Светланы или Василия. — Л.В.), «целую кепко, ного, очень ного». Оба не любят писать, но объемы его писем к ней меньше объемов ее писем.

На длинное письмо о Ковалеве он отвечает несколькими строками: «Я мало знаком с делом, но думаю, что ты права. Если Ковалев и виновен в чем-либо, то бюро редколлегии, которое является хозяином дела, — виновно втрое. Видимо, в лице Ковалева хотят иметь „козла отпущения“. Все, что можно сделать, сделаю, если уже не поздно».

И просит жену: «продолжай информировать».

Она пишет ему из Москвы в Сочи: «На меня напали Молотовы, с упреками, как это я могла уехать, оставить тебя одного и тому подобные, по сути совершенно справедливые вещи. Я объяснила свой отъезд занятиями, по существу же это, конечно, не так. Это лето я не чувствовала, что тебе будет приятно продление моего отъезда, а наоборот. Прошое лето это очень чувствовалось, а это нет. Остаться же с таким

настроением, конечно, не было смысла, т. к. это уже меняет весь смысл и пользу моего пребывания. И я считаю, что упреков я не заслужила, но в их понимании, конечно, да».

Он отвечает: «Попрекнуть тебя в чем-то насчет заботы обо мне могут лишь люди, не знающие дела. Такими людьми и оказались в данном случае Молотовы. Скажи от меня Молотовым, что они ошиблись насчет тебя и допустили в отношении тебя несправедливость. Что касается твоего предположения насчет нежелательности твоего пребывания в Сочи, то твои попреки также несправедливы, как несправедливы попреки Молотовых в отношении тебя».

Этот скучный, но внутренне напряженный диалог дает почувствовать атмосферу неблагополучия в отношениях супругов. Он в чиновничьем стиле пресекает молотовское постороннее вмешательство, но тень напряженности остается. Похоже, она упрекает его в охлаждении. Ревнует?

В другом письме этих дней она как бы приоткрывает нечто: «Что-то от тебя никаких вестей в последнее время... Наверное, путешествие на перепелов увлекло или просто лень писать... О тебе я слышала от молодой интересной женщины, что ты выглядишь великолепно, она тебя видела у Калинина на обеде, что замечательно был веселый и тормозил всех, смущенных твоей персоной. Очень рада».

Он отвечает: «Ты что-то в последнее время начинаешь меня хвалить. Что это значит? Хорошо или плохо? Ты намекаешь на какие-то мои поездки. Сообщаю, что никуда (абсолютно никуда!) не ездил и ездить не собираюсь».

Звучат в письмах и отголоски внутрисемейных сложностей.

Он пишет: «Оказывается, мое первое письмо (утраченное) получила в Кремле твоя мать. До чего надо быть глупой, чтобы получать и вскрывать чужие письма». (Если бы Иосиф Виссарионович не ввел в стране всеобщую перлюстрацию, нам, читающим его письма, можно было бы устыдиться. — Л.В.)

Она отвечает: «Насчет письма ты мою мамашу обвинил не по заслугам. Оказалось, что все-таки письмо не поступало, они (работники почты. — Л.В.) воспользовались случаем, что сдавали одно заказное письмо на имя О.Е.Аллилуевой, и спутали это с письмом на мое имя. О.Е. даже нет в Москве».

Письма Надежды Сергеевны к матери Иосифа Виссарионовича отличаются пространностью изложения, ласковым, нежным тоном и вообще — дышат любовью. Она привыкла писать старшим: в юности — как бы ища у них поддержки, в зрелости — желая дать поддержку им.

Переписка Сталина и Аллилуевой отражает типичные для их времени отношения советских мужа и жены: больше о работе, немного о детях и все — без мещанских нежностей и буржуазных уменьшительно-ласкательных сюсюканий. Без декадентской претенциозности. Расстояние между последним из писем и невыясненным выстрелом в Кремле — длиной чуть больше года. Не потому ли, что читаешь их, заведомо зная конец истории этой любви, создается ощущение: за словами писем скрывается то, чего их авторы не хотят или не могут выразить? Ее ли ревность, ее ли страх оказаться оставленной,

некремлевской женой, его ли раздражение слишком частым ее вмешательством в государственные дела?

Тайна...

Чем дальше уходит время, тем все запутаннее и непонятнее клубок противоречий, приведших Надежду Аллилуеву к трагическому концу. Навстречу немногочисленным и кажущимся застывшими фактам драма обрастает множеством новых сплетен, слухов, легенд и мифов. Новые времена приносят новое отношение к этому печальному событию.

Ведь даже такая деталь, как присутствие или неприсутствие Сталина на похоронах жены, имеет самые разноречивые толкования. Те, кто не видел похорон по обстоятельствам возраста или отсутствия в Москве, убеждены в том, что его там не было. Те, кто видел, помнят Сталина, идущего за гробом в распахнутой шинели. Но говорят, это был Орджоникидзе или Сванидзе, издали похожие на него.

Каганович говорит: «Сталин был. Он был страшно подавлен. Вместе с нами на кладбище ездил, стоял тут же у могилы. Сталин предложил: „Пусть Каганович скажет...“».

Уверена — история никогда не разберется с узлом «Сталин и Аллилуева», как бы доказательны ни были внезапно являющиеся документы и свидетельства. Другие поколения увидят пьесы и фильмы о загадочной паре столетия: девушка и деспот. Много мыслей это породит. Много чувств будет высечено мыслями. А если человечеству суждено не погибнуть, сквозь десятки столетий эта история, быть может, обрстет мифическими чертами. Кто знает?

Как видим, слухи, домашние и партийные легенды более или менее совпадают. Не слишком много разноголосицы. Но есть всегда забываемая медицинская сторона вопроса. Писатель Павел Нилин рассказывал, что великий ученый Бехтерев, посмотрев Сталина, констатировал у него паранойю и записал ее в историю болезни. Через два дня Бехтерева кремировали. Слово «шизофрения» мелькает в легендах и слухах о Надежде Сергеевне.

Не могла ли несовместимость этих болезней привести к печальному концу?

Психически нездоровой считали мать и сестру Надежды, Анну Сергеевну, прошедшую ужасы сталинской тюрьмы.

Страшные судьбы постигли всех Аллилуевых, кроме вовремя умершего Сергея Яковлевича, отца семейства.

Отца...

Много лет я держу в памяти невероятную историю, рассказанную мне в юности, в середине пятидесятых, старой большевичкой, бывшей слушательницей Института красной профессуры. Она просила никогда не упоминать ее фамилии, уверяла, что ничего не боится, сейчас за это не посадят, но просто стыдно, что с ее именем может быть связана такая информация.

Сегодня, спустя много лет, собираясь рассказать услышанное от старой большевички, я испытываю похожее чувство: стыдно, что с моим именем может быть связано обнародование этого предположения. Маловероятного. Шокирующего.

Но, «говоря — говори».

Я не записывала рассказа старой большевички, поэтому не имею права на прямую речь. Она говорила, мол, у нее была в начале тридцатых общая подруга с Надеждой Аллилуевой. Жена Сталина часто жаловалась этой подруге на грубость и равнодушие мужа. Сталин, по словам Аллилуевой, пил, а ей пить нельзя — по наследству от матери очень слабая психика, и вообще противно. Он при всех заставлял пить, она злилась, дерзила ему. Иногда она готова была убить его.

И его разговоры о женщинах. Оскорбляли ее достоинство. Он колобродил целыми ночами, а потом спал до полудня — все это раздражало ее. стыдно было: вокруг кричат «великий Сталин!», а она такого «великого» видит! И дети не радовали. Он грубо вмешивался в ее отношения с детьми — опускались руки. Она чувствовала, что ее лучшие годы уходят в помойную яму.

Аллилуева делилась с подругой и плакала. Она была очень экспансивна. Говорили, что у нее случались сильные психические срывы. Отец этой аллилуевской подруги бывал у Сталина в доме, он видел многое и говорил, что Надежда Сергеевна сама публично одергивала Сталина, даже оскорбляла его.

Однажды, это было примерно за неделю до рокового дня, Аллилуева открылась подруге: скоро с ней случится страшное. Она проклята от рождения, потому что мать родила ее от... Сталина. Дочь и жена одновременно — это великий грех, кровосмешение. Сталин якобы сам крикнул в момент ссоры: мол, родилась то ли от меня, то ли от Курнатовского. Когда она остолбенела, пытался поправить положение — пошутил, мол.

Она прижала к стене свою мать, которая в молодости хорошо погуляла, и та призналась, что действительно была близка со Сталиным, Курнатовским и со своим мужем в одно время, вроде бы то ли в декабре 1900-го, то ли в январе 1901-го, и, если честно, не знает, от кого из них родилась Надя, хотя, конечно, она на законного отца похожа, значит, от него.

Аллилуеву стала преследовать эта дьявольская мысль, ей казалось, что таким, как она, проклятым, не место на земле.

Ее подругу после смерти Надежды Сергеевны никто нигде больше не встречал — бесследно исчезла.

Какое-то древнее сочинение... инцест... история Лотта и его дочерей...

Хочется считать это чистойшей выдумкой, но чьей? Зачем?

Все бывает на свете...

Он откровенно оплакивал ее.

Искал причину самоубийства в дурных влияниях скрытых и явных врагов.

В себе искал — не проводил с нею все время, не водил в кино: «Я женой совсем не занимался».

Возмущался — как могла она оставить его в такую тяжелую минуту. Он как раз начинал свои расправы с «врагами народа».

Сердился — оставила детей, зная, что он не может уделять им много внимания. Хотела наказать его?

Больше не женился. Но так ли это? Разговоры о женщинах из семьи Кагановича время от времени

волнуют воображение желающих узнать кое-что лишнее из личной жизни Сталина.

Майя Лазаревна Каганович, которую когда-то кто-то назвал «невенчанной женой Сталина», сказала мне, видимо, привычно при этом вопросе поеживаясь: «Ох, какая чушь! Когда пошел этот слух, я была пионеркой. Мы в семье страшно боялись, чтобы до Сталина не дошло».

Ходили слухи о сестре Кагановича, враче Розе. В книге Стивена Кагана, якобы племянника Кагановича, «Кремлевский волк», вышедшей на Западе и перепечатанной у нас, Роза описана пышно.

— Кто такая Роза Каганович? — спросила я Серафиму Михайловну, сноху Кагановича.

— Не было такой.

Надежда Сергеевна оставила Иосифу Виссарионовичу предсмертное письмо, содержание которого, кроме него, кажется, никому не стало известно. Что было в письме? Легко предположить.

Любая жена, получив экстремальную предсмертную возможность выложить все обиды, скопившиеся у нее за пятнадцать лет совместной жизни, напишет самое главное: о его преступлениях перед нею. Жена вождя может прибавить и политические обвинения.

В сущности, разница между обидами жены печника и жены Сталина лишь в масштабах и формах подачи своих обид.

Как и разница между печником и Сталиным лишь в поворотах судьбы и возможностях самовыражения.

Самоубийство верующих противоречит законам церкви. Православная церковь не отпевает самоубийц. «Верующую христианку» Надежду Сергеевну никто и не собирался отпевать — она была большевичка. Трагедия ее одинокой души, возможно, состояла в несоответствии попытки обращения к Богу с невозможностью порвать с богопротивным миром.

В прежние времена царица, вошедшая в конфликт с царем, могла, хотя, как правило, не хотела, постричься в монастырь, там найти успокоение. Монастыри в дни «царствования» Аллилуевой крушили по всей России. Тихий, далекий, угличский Апихарский монастырь, где она могла бы хорошо укрыться, разгромили как раз в тридцать втором. Но Аллилуева не монашеского типа, поэтому ушла из этого мира, как и пришла в него: загадочно.

Можно ли представить себе рядом с Лениным женщину, подобную Надежде Аллилуевой?

Нет.

Можно ли представить себе рядом со Сталиным женщину, подобную Крупской?

Можно, если омолодить и окрасивать ее.

Что из этого следует? Да то, что мужской властвующий мир не терпит рядом с собой женского «Я», не сливающегося с ним. И убирает его, то ли своей рукой, то ли ее, то ли чьей-то третьей. Как получится.

Две Надежды...

Надежда Сталина изначально иная, чем Надежда Ленина.

Не старая дева, не «синий чулок», а полудевушка, полуребенок.

Не из тюремных лишений, эмиграции и ссылок, а из теплого дома, наполненного детьми.

Не бездетность, согреваемая общесоюзной любовью к детям, а материнство, охлажденное мелкими необходимостями и партийной суетой.

Не подчинение мужу своих чаяний и недюжинных способностей, а неподчинение мужу своих чаяний и скромных способностей.

Не долгая жизнь с иллюзиями великой цели, а ранняя смерть с утраченными иллюзиями.

Крупская — надежная Надежда. Женщина времени рождения эпохи.

Аллилуева — безнадежная Надежда. Женщина времени перерождения эпохи.

Самоубийство Аллилуевой — бесполезный протест женщины, проснувшейся к равновеликости.

Ее самоубийство — безответный сигнал тревоги всему человечеству о надвигающейся опасности, исходящей от ВЛАСТИ. Голос совести в душе кремлевской жены, не желающей думать одно, а делать другое. Вылет из золотой клетки Кремля на простор бессмертия.

Психология самоубийцы всегда будет волновать оставшихся на земле. Попытки анализа мало что дают. Есть лишь одно сходное во всех случаях обстоятельство: самоубийца до последней минуты не уверен, что поступит именно так.

Останься Вероника Полонская с Маяковским, он не застрелился бы?

Помиришь Марина Цветаева с сыном до его выхода из дому, она не повесилась бы?

Войди Сталин с нежными словами и Аллилуева была бы жива?

Если это самоубийство...

Ее уход из жизни развязал ему руки. Многие гадают и предполагают: не уйди она сама, он ликвидировал бы ее вместе с другими «врагами народа»?!

Думаю иначе.

ОНА СОВЕРШИЛА БЫ СВОЮ ВЕНДЕТТУ, И ЕГО НАШЛИ БЫ ОКРОВАВЛЕННЫМ В ВАННЕ.

Шарлота Корде, не сотворившая своего поступка?

А если бы она убила его, где были бы мы теперь?

Подробнее о «Соло на клавиатуре»

Только для привлекательных. Вы же таки!

Круглосуточная трансляция из офиса «Эргосоло»

Круглосуточно мы рассказываем о себе. Разговор ведут сотрудники нашей фирмы и гости. На вопросы отвечает и Владимир Шахиджанян.

Как научиться быстро печатать?

Обучение скоростной машинописи за 3 дня!
Индивидуальный подход, удобный график.

Аудиокнига «Учимся говорить публично»

Послушайте фрагменты готовящейся к выпуску аудиокниги и оставьте отзыв. «Кремлёвские жёны» (Васильева Л.Н.)

Человек вождя, или Коллонтай на дыбе времени

* 1 * 2

Человек вождя, или Коллонтай на дыбе времени

9 марта 1952 года в Москве

в квартире № 149 одного из привилегированных домов в начале Ленинского проспекта скончалась восьмидесятилетняя женщина. Худенькое, сморщенное тело, давно потерявшее способность двигаться, вынесли на руках дюжие мужики. Хоронили ее пышно, вспоминая поистине замечательную жизнь. Сталин прислал венок. Вещи, документы и дневники разобрали родственники, ближайшие друзья и помощники. Перелистнулась страница истории, легла в общую массу огромного тома XX века.

Квартира пустовала недолго. В нее въехала молодая пара: сын члена правительства Лазаря Кагановича Юрий с женой Серафимой. Сделали ремонт. Дух прежней жительницы быстро выветрился.

Коллонтай... Коло, коло, коло, коло — нтай, тай, тай! тай! Звон колокола и звук тонкого колокольчика, соединяясь, дают мощное и нежное звучание. Звук, явившись после звона, смягчает тональность слова. Мужское начало, споткнувшись о согласный «н», как бы дает дорогу женскому, не претендуя на возврат.

Если бы она оставила себе когда-то девичью фамилию, то и в ней, хотя в меньшей степени, мужской звон, споткнувшись, сменялся бы женским звуком:

Домонтович... Домон, домон, домон, тович, ович, ович, ович.

Знаки судьбы или занимательная ономастика?

Жила-была прелестная девушка Шурочка, генеральская дочка, так позднее охарактеризовавшая себя: «Смолоду рвалась куда-то, искала чего-то нового: не того благополучия, как у сестер. И ненавидела несправедливость и нетерпимость. Всегда-то я шагала через препятствия. Смолоду была „мятежной“. Никогда не останавливалась перед тем, как на это посмотрят „другие“, что скажут. Не боялась ни горя, ни трудностей. Как-то не считалась с этим. И опасности не пугали. Захочу — добыюсь. И все тут, и достигала. Рвалась куда-то в будущее. Не успокаивалась ни в работе, ни в любви. Все-то мне мало было».

Вышла замуж Шурочка Домонтович по горячей любви, отвергнув ухаживания генерала Тутомлина, адъютанта императора Александра III, за бедного офицера Владимира Коллонтая, родила сына и через несколько лет ушла не к другому, а вслед волне нараставших в России революционных настроений.

Этот путь типичен и, с некоторыми разночтениями, похож на путь Инессы Арманд: сильная женщина конца XIX — начала XX века из богатой или знатной семьи ищет себя не в домашнем уюте, а в борьбе за дело рабочего класса, к которому не имеет никакого отношения, смело подчиняет женские интересы мужским, революционным стремлениям и работает на них со всей энергией и страстью.

Расставшись с мужем, Александра Коллонтай живет за границей, в Швейцарии и Германии, изучает марксизм, который и приводит ее в партию социал-демократов.

Много пишет о Финляндии — по материнской линии Александра Михайловна имеет финскую кровь. Знакомится с Плехановым, Розой Люксембург. В дни революции 1905 года Коллонтай в России встречается с Лениным, Крупской, Сталиным. Участницу демонстрации рабочих к Зимнему дворцу 9 января 1905 года Александру Коллонтай замечают все революционеры.

Ее высокое происхождение будоражит и восхищает беспородных большевиков: если такая женщина ушла от своего класса в наши ряды, значит, и другие, попроще, смогут принять идеи революции.

1908 год. Коллонтай готовит группу социал-демократов к Первому Всероссийскому женскому съезду. Ее цель — помочь женщинам, проснувшимся от вековой спячки, занять достойное место в обществе. Она борется с «равноправками» — членами женских организаций, связанных с кадетами: Паниной, Тырковой, Милюковой, другими. Призывает бойкотировать объединительные идеи «равноправок», стремящихся увидеть идентичность женской судьбы во всех слоях общества от низших до высших, желающих заявить миру об общеженском стремлении выйти на уровни управления обществом в своей исконной роли хозяек большого русского дома. Идеи «равноправок» выглядят утопично утверждением общих проблем у госпожи и служанки.

Александра Коллонтай готовится выставить на съезде против «равноправок» проблему участия женщин в классовой борьбе, но в ночь с 13 на 14 декабря она вынуждена бежать из России от преследования полиции.

На станции Вержболово под Петербургом, ожидая окончания проверки документов, закутанная в шубу

Александра Коллонтай, забыв о женской борьбе, охвачена единственной мыслью: удастся или не удастся ускользнуть? Удастся.

День ее побега, совпавший с памятной датой восстания декабристов на Сенатской площади, становится, без ее участия, днем победы взглядов Коллонтай: доклад Александры Михайловны зачитывает на съезде одна из ее соратниц, Варвара Волкова, и утопии «равноправок» разбиваются о железную логику сторонниц пролетарской революции.

В эмиграции Коллонтай посещает почти все страны Европы, дважды путешествует в Америку, где вместе с Уильямом Хейвудом — организатором американского профсоюзного объединения «Индустриальные рабочие мира» — участвует в митингах и собраниях. О ней пишут газеты Америки: «Коллонтай зажгла всех своим воодушевляющим пафосом, своей неумемной энергией, своей беспредельной страстностью. Когда она умолкает, раздаются такие бурные аплодисменты, что, кажется, рухнет сам царский трон».

В спорах между большевиками и меньшевиками она далеко не во всем соглашается с Лениным. Он для нее слишком категоричен и резок. В годы Первой мировой войны Коллонтай решительно идет против ленинского лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую: «Сейчас надо иметь конкретный, для всех близкий лозунг, и этим лозунгом может служить борьба за мир... А что может лучше объединить сейчас пролетариат всех стран, как не призыв: война — войне?»

Ленин терпелив в объяснении Коллонтай ее ошибок, не категоричен — с ее образованием и связями на Западе она необходима ему.

Частые поездки Коллонтай в Америку в 1914—1916 годах имеют две цели: чтение лекций интернационалистического направления и попытка — безуспешные — опубликовать в Новом Свете работы Ленина.

В эти годы увлечение ее Уильямом Хейвудом сменяется увлечением Юджином Дебсом, лидером левого крыла Американской социалистической партии. Миниатюрная Александра Михайловна любит мужскую силу.

«Дебс, — пишет она, — действительно „большой“ человек. Сердце ребенка, храбрость льва. Боец. Одни глаза его чего стоят — душу видишь... Оратор он сильный, своеобразный. И главное — обаяние личности».

Есть у Коллонтай в Америке и материнские намерения: она хочет помочь сыну Михаилу, окончившему технологический институт и направленному на работу в Америку, пожить рядом с ним. Но терпения хватает на полгода — едет в Норвегию, где ее застает известие о Февральской революции.

Коллонтай возвращается в Россию, в апреле встречает Ленина на Финляндском вокзале, выступает в защиту его тезисов, разъясняя народу, кто он такой и чего хочет. В эти дни она рядом с ним, рядом с Крупской и Арманд.

Брошюра, написанная Коллонтай, «Кому нужна война», издается в революционной России огромными тиражами. Нарасхват.

Летом 1917 года в Кронштадте экипажи кораблей начинают поддерживать большевиков. Центробалт ведет борьбу против правительства Керенского. Коллонтай

направляют в Кронштадт и Гельсингфорс (ныне Хельсинки. — Л.В.). Она должна выступать перед моряками на кораблях. Маленькая немолодая женщина неловко поднимается по трапу. Матросы смотрят недоверчиво: баба на судне — жди беды. Но через несколько секунд, ловко вскочив на какой-то ящик и на глазах молодея, Коллонтай заражает моряков: «Скажи, товарищ, что тебе пишут из дома? Небось пишут, что дома лютует голод? Дети, мать и жена пухнут от голода? Все оборвались и нечего надеть? Или о том, что твой отец или брат погибли на фронте? А к чему вас призывает правительство Керенского, что вам говорят меньшевики и эсеры? Зовут вас на бойню, проливать кровь за Русь, или, вернее, — за эксплуататоров, помещиков и капиталистов? Кто же ваши враги? Где они? Они за вашими спинами, в тылу, в РОССИИ. Вы оглянитесь назад. Они вновь набрасывают на вас петлю, чтобы заставить работать на буржуев. Они не хотят упустить власть, отдать ее вам. А власть должна принадлежать тем, кто работает. Она должна принадлежать вам. Долой правительство эксплуататоров! Да здравствует власть рабочих и крестьян!»

С одинаковой страстью Коллонтай выступает за продолжение войны и против нее. Она напоминает и Инессу Арманд, которая точно так же изменила взгляды на войну, и Ларису Рейснер, зажигающую матросов похожими, может быть, еще более цветистыми речами: все три фурии революции озвучивают идеи Ленина, пускают в ход самые свои сильные приемы обольщения толпы, дабы достичь большевистской цели. И достигают.

Коллонтай переходит с корабля на корабль в Петрограде, Кронштадте, и везде моряки провожают ее словами: «Приезжай еще, сестрица!»

В Гельсингфорсе Александре Михайловне помогает подняться на корабль молодой матрос, начальник Центробалта Павел Дыбенко. Ее речь завораживает и его, вчерашнего грузчика, привыкшего к матросскому мату. Она — первая женщина на его палубе — первая необыкновенная женщина в его жизни. После ее выступления все матросы линкора голосуют за большевиков. Дыбенко лично отвозит Коллонтай в порт и на руках переносит с катера на берег.

Она любит крупных, физически сильных мужчин.

Дебс... Дыбенко...

Сердце ребенка, храбрость льва. Боец.

Молод? Коллонтай не видит разницы в возрасте — семнадцать лет. Да и есть ли она, когда есть любовь?

У Ивана Бунина в «Окаянных днях» есть строки о Коллонтай: «Была когда-то похожа на ангела. С утра надевала самое простенькое платьице и скакала в рабочие трущобы — „на работу“. А воротясь домой, брала ванну, надевала голубенькую рубашечку — и шмыг с коробкой конфет в кровать к подруге: „Ну, давай, дружок, поболтаем теперь всласть!“»

Есть у Бунина и строки о Дыбенко: «Чехов однажды сказал мне: «Вот чудесная фамилия для матроса: Кошкодавленко. Дыбенко стоит Кошкодавленки».

Так реагировала на этот шокирующий роман разбегавшаяся от большевизма русская интеллигенция.

Большевики, разумеется, были терпимы к этой любви, хотя трудно предположить, чтобы пожилая, высоконравственная Надежда Константиновна и стареющая Арманд радовались счастью немолодой Коллонтай, пожелавшей пережить еще одну молодость. Втайне посмеивались над разницей возрастов и интеллектов. Завидовали? Возможно.

Влюбленные были счастливы. Вместе совершали революционные подвиги. Так, Александра Михайловна, став в большевистском правительстве наркомом госпризнания, посчитала необходимым создание домов для инвалидов войны. Замечательное решение, однако она не нашла ничего лучше, чем отнять под инвалидный дом знаменитый монастырь — Александро-Невскую лавру.

Монахи закрылись в монастыре, зазвонили в колокола. К стенам монастыря стал стекаться народ. Коллонтай вызвала на помощь красногвардейцев. Толпы людей, возмущенных действиями женщины-наркома, росли.

— Коллонтай — антихрист! Бей ее!

— Не дадим лавру! Умрем за веру православную!

На помощь Александре Михайловне прибыли матросы Павла Дыбенко и положили конец народному возмущению.

Слух о действиях Коллонтай в лавре достиг ушей Ленина, и он, отменив ее решение, сказал: «Вы форсировали необходимость выразить позицию Советского правительства в отношении церкви, хотя было бы лучше подождать и сделать это позже. Но после конфликта с монастырем надо поспешить с декретом об

отделении церкви от государства, объявив при этом полную свободу религиозных убеждений».

Выходит, Александре Коллонтай православная церковь обязана своим поспешным отделением от государства?

С амвонов всех церквей Петрограда Коллонтай предали анафеме.

Стоит вспомнить ее собственное признание: «Всегда ненавидела несправедливость и нетерпимость». Вероятно, лишь по отношению к себе.

Влюбленная в Дыбенко и горячо им любимая, Коллонтай писала дерзкие статьи о любви без предрассудков, о крылатом божестве, которому предлагала дать дорогу в мире, где уже складывались враждебные свободному эросу принципы замкнутой коммунистической морали и нравственности. Она вновь смела не соглашаться с Лениным, ставшим первым лицом государства. Несогласие опять касалось вопросов войны и мира, но если в годы империалистической войны Коллонтай не сумела сориентироваться, провозглашая защиту отечества и войну войне, в семнадцатом солидаризировалась с Лениным, требуя мира усталому народу, то в восемнадцатом она выступила против Брестского мира за продолжение войны со следующими словами: «И если погибнет ваша Советская республика, наше знамя поднимут другие. Это будет защита не отечества, а защита революционной республики. Да здравствует революционная война!»

Странной и чудовищной назвал Ленин эту позицию Александры Михайловны, примкнувшей к левым коммунистам. Он вообще не считал чудовищным желание женщины продолжать какую бы то ни было войну, но он

стремился сохранить молодую Советскую республику, дать ей возможность вздохнуть и начать мирную жизнь под большевистскими звездами. Непоследовательной Коллонтай опять пришлось сдаться Ленину, который по жизни всегда оказывался прав, побеждая...

Павел Дыбенко в те дни вторил возлюбленной: «Я отстаиваю принцип ведения партизанской войны».

В обоюдном желании двух возлюбленных воевать до смерти Александре Михайловне явно принадлежала руководящая роль. Она скомандовала Дыбенко по прямому телефонному проводу, когда почувствовала свое и его поражение: «Отвечаю тебе на вопрос о выходе из Совета Народных Комиссаров... заявление сейчас не подавай... пока не побываешь в Гельсингфорсе и не наладишь здесь свои дела. Мое впечатление, что твое присутствие многое сгладило бы и наладило бы...»

— Как вы решились на отношения с Дыбенко, — бестактно спросил Александру Михайловну западный журналист, — ведь он был на семнадцать лет моложе вас?

— Мы молоды, пока нас любят! — не задумываясь ответила она.

А я задумалась над тем, что такие вопросы почему-то никогда не задают мужчинам, решившимся на отношения с женщинами моложе их на семнадцать, двадцать и больше лет.

Она была почти ровесницей его матери, но мать Дыбенко, сработанная в тяжком крестьянском труде, выглядела и ее матерью, приняв их союз, как счастье для сына, которого многому научит эта вечная женщина со

странной фамилией, мелодичным голосом и железной волей: настоящая барыня среди народа. Чудно.

«Наши отношения с Павлом, — вспоминала Коллонтай, — всегда были радостью через край. Наши расставания полны были мук, эмоций, разрывающих сердце. Вот эта сила чувств, умение пережить полно, горячо, сильно, мощно влекли к Павлу. Романтизм его нравился мне».

Летом 1918 года в Севастополе Дыбенко попал в плен к немцам. Советское правительство предложило обменять его на группу пленных немецких офицеров. Переговоры затягивались. Коллонтай не находила себе места, казалось, ее собственная жизнь уйдет вместе с жизнью Павла. Он явился неожиданно — она онемела от счастья.

— На этой площади меня должны были повесить, — говорил он ей через год в освобожденном от немцев Севастополе, — собрался народ, смотреть, как будут вешать большевика. Я стоял и думал о тебе: неужели никогда не увидимся? Когда объявили, что казнь отменяется, Дыбенко обменивается на немецких офицеров, первая мысль была: увижу тебя. И потом, когда вели на обмен, только о тебе и думал.

Союз Коллонтай и Дыбенко называл

и семьей, все время находившейся в разлуке. Вряд ли это справедливо. Семья начинается там, где появляется ребенок — а здесь рассчитывать на ребенка ей не приходилось. Общий быт тоже не ладился. После войны он был занят учебой в Академии РКК, она — работой в женотделе и лекциями в Университете имени Свердлова.

Мудрая, многоопытная, не заметила перемены в любимом, но добрые люди донесли: «У него есть другая. Молодая...»

«Этого не может быть! — писала она в дневнике, сначала не желая верить слухам. — Нет, нет, еще не старуха. И все-таки от своих лет никогда не уйдешь, не убежишь... Почему же я родилась раньше его на семнадцать лет?»

Да и только ли в разнице возрастов было дело? Дыбенко уводила к другой женщине не только ее молодость, но и близкий ему интеллект, общий интерес в желании семьи, ребенка, домашнего быта, которых у него никогда не было, и еще — как это ни смешно — теория свободной любви, проповедуемая его великовозрастной возлюбленной: «Если она сама так считает, что можно любить кого хочешь, без буржуазной верности, значит, и мне можно?»

Оказалось — нельзя. Оказалось, теория — одно, жизнь — другое.

«Вправе ли я требовать от него верности? — вопрошает в своем дневнике Коллонтай. — Всю жизнь я утверждала свободную любовь, свободную от условностей, от ревности, от унижений. И вот пришло время, когда меня охватывает со всех сторон то же самое чувство. Ведь против этого я всегда восставала. А сейчас сама неспособна, не в состоянии справиться с ним».

Коллонтай оказалась в капкане, поставленном ею самой для других.

Она боролась с собой. Жрица свободной любви старалась подняться над ревностью и страданиями. Отказывалась встречаться, выясняла отношения в

письмах: «Ведь я же вижу, знаю, что не умею, не могу дать тебе полного счастья. Тебе со мной, с одной стороны, хорошо, близко, а с другой стороны, неудобно, а подчас и тяжело. Я не та жена, какая тебе нужна. Я все-таки больше человек, чем женщина... Ты заброшен, и у тебя нет „дома“, нет „хозяйки“, нет и просто близкого человека, который всегда был бы при тебе. Я на это не гожусь, как сам понимаешь».

Легко любить друг друга на фоне революционных битв, предполагавших отсутствие всякого быта, а на фоне мирной жизни Коллонтай самой нужен был уход, дом, подобие «хозяйки». «Любовная лодка разбилась о быт?» Не так все просто. У Коллонтай были все возможности наладить общий с Дыбенко быт, используя свои и его — двойные кремлевские привилегии, домработниц и секретарей-помощников, но она была новым типом женщины, оторванной от семейного очага и домашнего быта, полагавшей, что на государственном уровне, помогая мужчинам, она работает не хуже и не меньше их, а значит, у нее нет женских обязанностей в доме, — вопрос стоял не конкретно, а вообще — принципиально, идейно, нежизненно.

Коллонтай и Дыбенко долго не могли разорвать отношения.

«Я проводила отпуск у моего мужа в Одессе (он командовал корпусом). Жили мы на Большой Фонтанке в нарядной вилле какого-то бежавшего с белыми богача. Ночь, томительно жаркая ночь. Удушливо-сладко пахнут розы нашего сада. Лучи луны золотом играют в темных волнах Черного моря и алмазами рассыпаются в брызгах морской пены. (Коллонтай, как известно, была еще и писательницей и не могла отказать себе в удовольствии

поддаться описаниям красот, рассказывая о драматическом моменте. — Л.В.) Мучительно-повторное объяснение между мной и мужем происходило в саду. Мое последнее и решительное слово сказано: «В среду я уезжаю в Москву». Ухожу от мужа навсегда.

Он быстро повернулся ко мне спиной и молча зашагал на дачу. Четко прозвучал выстрел в ночной тишине удушливой ночи. Я интуитивно поняла, что означает этот звук, и, охваченная ужасом, кинулась к дому... На террасе лежал он, мой муж, с револьвером в руке«.

Это было летом 1922 года. Тогда часто стрелялись. Многие наповал. Дыбенко, умевший метко стрелять, промахнулся. Коллонтай уехала.

Что-то тут не так — есть недосказанность.

Драма Коллонтай и Дыбенко разворачивалась на глазах всего Кремля и на фоне общественных событий. С 1921 года имя Александры Коллонтай звучало рядом с именем Шляпникова (по слухам, ее связывали со Шляпниковым интимные отношения. — Л.В.), лидера «рабочей оппозиции», которая требовала передачи профсоюзам управления народным хозяйством, то есть подчинения государства профсоюзам.

Коллонтай написала брошюру «Рабочая оппозиция», выступала и на X съезде партии, и на III конгрессе Коминтерна, вызывая возмущение Ленина.

— Вы знали о кронштадтских событиях и поднимавшейся мелкобуржуазной контрреволюции. И в этот момент вы приходите с названием «рабочей оппозиции»! Вы не понимаете, что на себя берете и как

нарушаете единство! Во имя чего? Мы вас допросим, сделаем вам тут экзамен, — горячился Владимир Ильич.

«Выступления закончились. Я иду через зал к выходу. Никто меня не замечает. Я знала, что это будет. Но это больно. Очень больно... На душе у меня темно и тяжело. Ничего нет страшней, чем разлад с партией. И зачем я выступила?»

Она написала заявление об освобождении ее от руководства женотделом ЦК и бессрочном отпуске для литературной работы. Это был разрыв с Лениным. Потом было лето 1922 года. Томительное время в Одессе, где она лишней раз убедилась, что роль домашней женщины, жены Павла Дыбенко — не по ней. Она рвалась в Москву, но кто там мог бы снова вывести ее на вершины Кремля? Обращаться к Ленину — не хотелось. Да и нюхом чуяла она — не он, не он вскоре будет первым. А кто? Тот, кому следовало написать письмо и попросить вернуть ее в привычную жизнь.

Она написала Генеральному секретарю ЦК РКП(б) Сталину, признавая ошибки, прося отправить ее на Дальний Восток или за границу, полагая, если ее простят, то она получит место за границей, где может быть всего полезнее с ее образованием. Дыбенко ничего не знал о ее письме.

Сталин быстро ответил телеграммой: «Мы вас назначаем на ответственный пост за границу. Немедленно возвращайтесь в Москву». Она поставила мужа перед фактом своего отъезда. Вышла ссора, окончившаяся выстрелом. Но ничто не могло остановить Александру Михайловну.

Она покинула раненого Дыбенко. Встреча со Сталиным, который, несмотря на занятость, моментально

принял ее, высветила возможности: она назначается советником к послу в Канаде Войкову.

Это вначале вызвало сопротивление в Наркомате иностранных дел, где боялись отказа в агремане. Так и случилось. Власти цивилизованных Британии и Канады не переварили «сего витамина».

Коллонтай опять к Сталину.

— Что же мы с вами будем делать? — размышлял он. — Не хотят вас. Есть ли страна, где бы вы меньше нашумели?

Коллонтай подсказала ему Норвегию.

— Попробуем, — сказал он.

Вышло!

Что ни писали бы люди, включая меня, о Сталине, факт есть факт — с его подачи совершилось невероятное: миру явилась первая в истории человечества женщина-дипломат. В подчеркнуто мужской роли. С мужским предназначением. В мужском эшелоне власти.

Опытная, образованная — она знала пять иностранных языков — Коллонтай стала советником в Представительстве РСФСР в Норвегии.

На пути к новому месту службы она записала в дневнике: «Переживания эти (имеются в виду трудности с ее дипломатическим устройством. — Л.В.) светлые и радостные, в них растворился и исчез мрак и скорбь всего личного, пережитого за этот год и завершившегося выстрелом в Одессе». Работа за границей — такова была цена разрыва Коллонтай с Дыбенко.

Отныне Александра Михайловна — человек Сталина.

Когда Дыбенко, переживая разрыв, написал ей в Норвегию о том, что хочет приехать, она опять обратилась с письмом к Иосифу Виссарионовичу, прося разрешения на этот приезд. Получила его, преодолев сопротивление местных властей, не знавших, как поступать по протоколу с мужем женщины-дипломата, куда его сажать, с кем знакомить.

Дыбенко пробыл у Коллонтай три недели. Этот мужлан явно не смотрелся на фоне вылощенных дипломатов, окружавших ее. Проводила с сухими глазами. И отправила депешу Сталину: «Прошу больше не смешивать имен Коллонтай и Дыбенко». Слово отчитывалась перед вождем в чем-то ему не безразличном.

А еще написала «красивой девушке», новой подруге Дыбенко, письмо с пожеланием счастья. Оставила за собой последнее слово. Подарила ей Павла Ефимовича.

Александра Михайловна прожила долгую жизнь в двух веках. Сначала это была женщина с постепенно нарастающей силой, которая ярко проявилась в первой четверти XX века: и в противодействиях царскому строю, и в возражениях Ленину, и в дерзкой физической любви к молодому Дыбенко. Она ощущала себя не слабее мужчин.

Пройдя кризис, Коллонтай почувствовала необходимость не физической, а государственной мужской силы и безошибочно увидела ее в Сталине.

Оказавшись на дыбе времени (один корень слов «дыба» и «Дыбенко» — мистическая случайность. Можно ли было мне не воспользоваться ею для названия главы,

не рискуя быть обвиненной в бестактности? — Л.В.), Коллонтай оставила потомкам для размышлений парадоксальный, нелепый гигантский опыт подавления в себе женского начала при внешней подчеркнутой женственности, дабы на общественном уровне утвердить этот опыт равным мужскому. Не вышло...

По существу, Коллонтай во второй четверти XX века стала верной служанкой Сталина во всех областях международной политики: стирала, мыла, готовила — на дипломатическом уровне. Без колебаний, столь свойственных ее отношениям с Лениным. Возможно, наблюдение за этими колебаниями и дало Сталину мысль приручить Коллонтай.

Она была старше его на семь лет. Он немолодой женился на девочке Аллилуевой, когда Коллонтай переживала роман с молодым мужчиной. Две революционные пары продемонстрировали свободу от буржуазных предрассудков, но счастливыми от этого не были. Потянувшись к чужой молодости, Сталин и Коллонтай оказались товарищами по несчастью, хотя вряд ли делились им друг с другом.

Никаких интимностей между ними не предполагаю. Сталину, несомненно, польстило то, что яркая, образованная, знаменитая женщина обратилась к нему за помощью. Она стала как бы его ответом Ленину на Инессу Арманд. Не получилась Крупская из Надежды Аллилуевой, пусть выйдет из Коллонтай соратница покрепче Инессы.

Противилась Ленину — подчинилась Сталину.

Знаменателен разговор вождя с Дыбенко, о котором Павел Ефимович рассказал бывшей жене при встрече в 1930 году. Сталин пригласил его, служившего на

юго-востоке страны и вызванного по делам в Москву, к себе на ужин. Неожиданно спросил:

— А скажи-ка мне, Дыбенко, почему ты разошелся с Коллонтай?

Тот начал что-то объяснять — Сталин перебил его:

— Большую глупость сделал.

Дыбенко осознавал эту глупость, писал Александре Михайловне, когда она работала в Норвегии, жаловался на одиночество. Узнавая, что она в Москве, всегда устраивал себе командировки в столицу.

В 1928 году они встретились в Москве на приеме у афганского посла.

Она писала: «Ко мне подсел Павел Дыбенко. Подошел и Раскольников. Втроем сели за маленький столик. Ели мороженое.

«Будто 17-й год», — пошутил Раскольников.

И как тогда, на него тотчас огрызнулся Павел, стал прохаживаться, что Раскольников растолстел и похож на буржуя.

«Что ты такой злой, Павлуша?» — обычный вопрос Раскольникова, как в те годы.

Что-то сейчас, как и тогда, кипит у Павла против Раскольникова. Ревность прежних лет? Или память мрачных, жутких дней весны 18-го года?..

Я посмотрела на себя в зеркало. Очень я другая, чем в 17-м году. О себе судить трудно. А к Павлу у меня все умерло. Ни тепла, ни холода. Равнодушно. Странно...«

Интересно, какую ревность Дыбенко к Раскольникову вспоминает Коллонтай? Была ли ревность связана с нею, ее поведением жрицы свободной любви в 1917—1918 годах, или это ревность, как говорится, производственная, к более преуспевающему военачальнику?

Думал ли Сталин о Коллонтай, отправляя Дыбенко на казнь в 1937 году? Она попросила Сталина не смешивать более имен Коллонтай и Дыбенко. Он выполнил ее просьбу, так как других просьб не поступило.

Не одну молодость пережила Коллонтай. Первая — обычная. Вторая — революционная. Третья — «бабье лето» с Дыбенко. Четвертая — дипломатическая. В последней молодости она была особенно хороша: добилась взаимного признания СССР и Норвегии и стала там первой женщиной в истории — полномочным послом, потом она же — посол в Мексике, потом — снова Норвегия, потом — Швеция.

Коллонтай устроила Советскому Союзу выгодные займы у всех этих стран, завела самые высокие связи — с президентами, королями, знаменитыми людьми мира, такими, как Фритьоф Нансен, вела переговоры о торговых сделках и воздушных линиях между странами, сыграла одну из решающих ролей в мирных переговорах с Финляндией.

Приезжая в командировку или в отпуск в Москву, Александра Михайловна непременно встречалась со Сталиным и наедине решала с ним многие международные вопросы. Он принимал ее, несмотря на занятость, без промедления.

Не перечить всем титулов, наград, званий, которыми одаряли ее главы государств и международных ведомств.

Ни в чем не отказывая своей любимице, Сталин иногда давал ей понять, чтобы не зарывалась. Когда она смело высказала намерение поменять Норвегию на Швецию, он нахмурился.

— Не решено еще, не о чем говорить. Добейтесь гарантийного пакта в Норвегии.

Но в результате выполнялись ее желания.

Именно в Сталине слабеющая Коллонтай наконец нашла мужскую силу, которой не находила в других, найдя, не сомневалась и служила, чем могла, чувствуя за собой защитную стену его власти. Жрица свободной любви обнаружила счастье не в равенстве — в подчинении.

Таков, по-моему, итог ее парадоксальных исканий.

После разрыва с Дыбенко Александра Михайловна никогда более не давала повода связывать свое имя с каким-либо мужчиной. Неугомонная молва связала ее имя с женщинами: подругой детства Зоей Шадурской и секретаршами, в разные годы бывшими на службе у посла Коллонтай.

Не буду касаться темы лесбийской любви применительно к Александре Михайловне, вспомню лишь слова писателя Павла Филипповича Нилина, сказавшего мне однажды: «Настоящая женщина непременно должна пройти через интимность с подругой — либо в юности, когда близость мужчины страшит ее, а тело уже

разговаривает на языке страсти, либо в поздней зрелости, когда пройдены все разочарования».

Не знаю, насколько он был прав.

Екатерина II не нашла себе равновеликой мужской фигуры, даже Григорий Потемкин был ей всего лишь великим слугой.

Такая сильная женская фигура, как Анна Ахматова, пришла в конце жизни к «Поэме без героя».

Женской силе нет оправдания, как, впрочем, и мужской слабости, но лишь в том случае, если двое не сумели понять друг друга, а Коллонтай и Сталин поняли: ему хватило силы сделать ее своим человеком, ей хватило слабости стать им.

Александра Коллонтай умерла 9 марта 1952 года.

Иосиф Сталин умер 5 марта 1953 года.

Они доставили друг другу немало приятных минут в тех отношениях, о которых люди не сплетничают, а принимают их как исторический факт.

Она написала множество статей и несколько книг прозы: «Василиса Малыгина», «Любовь пчел трудовых», «Большая любовь». Все они не стали событием в литературе.

Не стали событием и ее высказывания против буржуазных женщин в защиту женщин пролетарских, потому что именно с Коллонтай пошел раздор в женском движении.

А вот идеал будущего в понимании Александры Михайловны: «В интересах крепости коммунистического строя — разбить во всех слоях, во всех классах устой старой, эгоистической, узко-замкнутой буржуазной

семьи. Жизнь и та великая ломка былых устоев, которая совершается на наших глазах, очищают путь для строительства новых форм семьи — семьи социалистической, т. е. для воспитания детей в детских колониях, детских общежитиях».

Поневоле подумаешь: хорошо, что Коллонтай ушла из Наркомата госпризрения на дипломатическую работу, иначе всех детей свела бы в одну колонию строгого режима, используя свое влияние на Сталина и его нелюбовь к Крупской, занимавшейся проблемами детей.

Что же стало событием в деятельности Коллонтай? Ее дипломатические подвиги и честь быть первой в мире женщиной-послом? Да. Она проложила дорогу, но немногие пошли вослед, ибо лакомые куски международных амбиций всегда наперечет, они нужны мужскому миру, особенно когда необходимо мягко избавиться от опасного или побежденного соперника: услатить его подальше, послом. Но вряд ли хоть один из них за все минувшие десятилетия выглядел столь же внушительно и красиво, вел себя столь же смело и осторожно и добился столь же высоких результатов, как Александра Михайловна.

Какой вывод? Никакого. Единичные блистательные женские фигуры, взлетающие вверх вопреки условностям, уходя в историю, становятся всего лишь парадоксами, исключениями, подтверждающими правила, и ни на шаг не приближают раздерганное человечество к гармонии. Скорее — наоборот.